

НЕРОЖДЁННЫЙ

жизнь и учение
мастера гзэн
Банкэя

THE UNBORN

THE LIFE
AND TEACHING
OF ZEN MASTER
BANKEI
1622–1693

*Translated
and with an Introduction
by Normann Waddell*

*North Point Press
San Francisco
1984*

НЕРОЖДЕННЫЙ

ЖИЗНЬ
И УЧЕНИЕ
МАСТЕРА ДЗЭН
БАНКЭЯ
1622–1693

*Перевод
и предисловие
Нормана Уоделла*

ЕВРАЗИЯ
Санкт-Петербург
2000

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит

*Кипрушкина
Вадима Альбертовича*

Перевод с английского:
Сигов П.П.

Научный редактор:
Торчинов Е.А.

Нерожденный. Жизнь и учение мастера дзэн Банкэя.

Перевод с английского Сигова П.П. — СПб.: Евразия, 2000. — 352 с.

Дзэнский мастер Банкэй Ётаку (1622–1693) жил в период расцвета японской культуры при Токугава. При жизни он запрещал своим ученикам записывать его изречения. Но каким-то образом до наших дней все же дошло его учение, дзэн *Нерожденного*.

Нерожденное присуще нам всем, нужно только уметь пребывать в нем, жить в нем. И тогда, возможно, уже не нужны становятся ни коаны, ни мондо, — тогда испытываешь *пробуждение*.

Мы надеемся, что читатели, интересующиеся дзэн, по достоинству оценят эту книгу, тем более что настоящее издание представляет собой наиболее полный на сегодняшний день сборник произведений Банкэя.

© Normann Waddell, 1984
© Сигов П.П., перевод, 1999
© Лосев П.П., оформление, 1999
© Издательство «Евразия», 2000

ISBN 5-8071-0034-4

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	7
Предисловие	15
Биография Банкэя	23
Беседы о Дхарме мастера дзэн Банкэя	
Проповеди в храме Рюмондзи	53
Ответы вопрошающим	91
Проповеди в храме Хосиндзи	120
Записи бесед и высказываний мастера дзэн Банкэя	
Записи бесед и высказываний мастера дзэн Банкэя	157
Из диалогов Банкэя	193
Дзэйго. Необязательные слова	
Введение	201
Предисловие Сандо Тидзэ	203
Необязательные слова	205
Примечания	273

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Перед читателем — новая книга, посвященная, пожалуй, самому знаменитому и широко известному на Западе и в России направлению буддизма — японскому дзэн (исходное китайское название — *чань*). При всем обилии книг о дзэн, заполнивших книжный российский рынок в последнее десятилетие, это издание заслуживает особого внимания, поскольку, может быть, впервые, она посвящена не дзэн «вообще», а конкретному дзэнскому наставнику — японскому мастеру Банкэю Ётаку (1622–1693), жившему в период расцвета японской культуры эпохи Токугава (1603–1868).

Прежде чем сказать несколько слов о самом Банкэе, следует кратко охарактеризовать особенности дзэн/чань, как весьма специфического направления буддизма, вызывающего пристальное внимание людей иного

времени, чем патриархи этой школы и совершенно иной культуры — современных читателей Западной Европы, Америки и России.

Ее основателем считается индийский проповедник Бодхидхарма, который прибыл в Китай в первой половине 6 в. Позднейшая чаньская традиция, правда, утверждает, что Бодхидхарма был уже 28-м патриархом *дхьяны* (санскритское слово, обозначающее созерцание или медитацию; его сокращенной китайской транскрипцией и является китайское слово *чань*, произносимое японцами как *дзэн*) в Индии, а первым патриархом был ученик самого Будды — Махакашьяпа, получивший прямую передачу пробужденного сознания от Будды Шакьямуни. Эта легенда была призвана возвести чаньскую традицию к самому историческому основателю буддизма

Главное положение учения чань — «особая передача пробужденного сознания от сердца/ума учителя к сердцу/уму ученика без опоры на письменные знаки». Что это означает? Это означает, что просветленный учитель может определенными средствами как бы транслировать свое состояние сознания ученику, наложив на него «печать сердца» (кит. *синь инь*). Переживший этот опыт ученик закрепляет полученное от учителя пробуждение посредством созерцательной практики. Поэтому чань претендует на то, что в его рамках осуществляется непрерывная линия непосредственной передачи просветления. Идеал чань — вглядывание в свою собственную природу, чтобы

стать Буддой, видение своего истинного врожденного лица, которое существовало прежде, чем «родились наши родители» — видение нашей собственной природы, которая есть не что иное, как природа будды, совершенная и безусловная реальность. Чтобы нагляднее подчеркнуть, что никакого Будды вне нашего сознания нет, что просветленное сознание и есть Будда, чаньские монахи иногда даже демонстративно уничтожали священные изображения и тексты, хотя уже в 11–12 веках в чань утверждается монастырская традиция, предполагающая строжайшую дисциплину и жесткую организацию. И тем не менее все чаньские/дзэнские монахи всегда помнили высказывание Линьцзи (Риндзая) И-сюаня: «Встретил Будду — убей Будду! Встретил патриарха — убей патриарха!» В этой парадоксальной форме Линьцзи выразил мысль о том, что всякая авторитарность, любые, пусть даже самые возвышенные формы идолопоклонства и догматизма препятствуют просветлению, мешают усмотреть в нас самих того «внутреннего человека без статуса», который и есть истинный Будда.

Со времени знаменитого Шестого Патриарха Хуэй-нэна (ум. 712) в чань/дзэн утвердилось учение о мгновенном, или внезапном пробуждении, которое могло быть вызвано специфическими приемами. Самый знаменитый из них — гунъань (яп. *коан*). Это некий парадокс, абсурдный для обыденного рассудка, который, став объектом созерцания, как бы стимулирует пробуждение. К

коанам близки диалоги (*вэньда, мондо*) и самовопросание (*хуатоу*). Классический коан: «Известно, как звучит хлопок одной ладони. А каков звук хлопка одной ладони?», «Каково было твое лицо, прежде чем родились твои родители?» Коан, моделирующий парадоксальную ситуацию: «Вы висите над пропастью со связанными руками и ногами, держась зубами за ветку дерева. И вот подходит учитель и спрашивает: “Зачем Бодхидхарма пришел с Запада?” И ему необходимо ответить». Хуатоу: «Вы повторяете имя Будды. Спросите себя: “Кто есть тот, кто повторяет имя Будды?”».

Именно в чань/дзэн психологическая сущность религии и исходная значимость религиозного опыта и непосредственного переживания реальности, как она есть в качестве основы религии — экзистенциального и антропологического феномена — выявляется в наиболее чистом и незамутненном виде. Это поиск истины (собственной изначально пробужденной природы) без преднахождения и пребывания в истине без заранее заданных традиций и культурой «параметров» этой истины; мы не знаем, какова она, и не можем описать ее иначе чем при помощи эксцентрического поступка (указав пальцем на луну, или сорвав цветок сливы, или ударив себя палкой по голове), но мы можем открыть ее в себе и непосредственно пережить ее присутствие, решив при этом все свои проблемы и ответив на все свои вопросы (а точнее, поняв неподлинность всех проблем всех вопросов,

и сняв их в этом понимании). Не догматы преднаходят для нас истину, но мы сами открываем ее своим духовным усилием, воплощенным в духовном делании. Возможно, что кто-то захочет описать, формализовать, выразить в терминах своей культуры и догматизировать свой опыт бытия — и тогда возникнет новое учение или еще одна религиозная секта. Но дзэн в его строгих классических формах категорически отвергает этот путь.

Таким образом, дзэн ставил своей целью помочь каждому человеку осознать свою собственную изначальную природу как природу будды. Особенно далеко в этом направлении пошел великий чаньский учитель Мацзю Дао-и, которому принадлежит знаменитая максима: «Ум обычного человека есть ум Будды; речь обычного человека есть речь Дао». Мацзю учил, что мы не должны стремиться стать Буддой, ибо каждый из нас уже здесь и теперь есть Будда; мы не должны стремиться реализовать в себе природу будды, ибо она и так уже здесь и теперь, в нашем *Dasein*, как сказал бы Хайдеггер, есть наша собственная природа. И продолжателем линии Мацзю Дао-и, подлинным наследником его духа был великий японский дзэнский наставник Банкэй Ётаку.

Чань (в японском произношении — дзэн) пришел в Японию на рубеже 12–13 веков и сразу же занял господствующее положение в мире японского буддизма, особенно в среде нового служилого военного дворянства — самураев, которые даже начали использовать дзэнские методы

психотехники в своей подготовке для укрепления боевого духа и безмятежного бесстрастия перед лицом смерти. В начале 17 в., после установления в объединенной после смут и междоусобиц Японии режима сёгунов (военных правителей) из рода Токугава, дзэн утратил свое положение официально покровительствуемой сёгунским правительством религии; пальма первенства перешла к конфуцианству, точнее, к одной его ветви — так называемому чжусианству (по имени его основателя — знаменитого китайского философа Чжу Си, 1130—1200). Но тем не менее дзэн сохранил свое исключительное влияние на культуру Японии, которое вполне легко видно и в хайку Басё, и в эстетике чайной церемонии. Более того, можно сказать, что весь культурный подъем Японии конца 17 — первой половины 18 веков прошел под знаком дзэн. И ярчайшим представителем, точнее, родоначальником дзэн новой эпохи был именно Банкэй Ётаку, или просто Банкэй.

Главное в самобытном дзэн Банкэя — образ Нерожденного (кит. *бу мэн*; яп. *фусё*). Нерожденное — наша собственная природа, она же — природа будды. Раз она не рождена, значит она и бессмертна, ибо то, что не рождается, то и не гибнет. По мысли Банкэя, нам нет нужды что-то делать с Нерожденным, например, реализовывать его или обретать его. Надо лишь почувствовать его здесь-и-теперь присутствие, то, что оно ближе к нам, чем мы сами. Залогом этой близости Нерожденного является самое обычное непосредственное чувственное восприятие. Вот в тишине закаркала ворона или залаяла собака, и каждый из нас сразу же и непосредственно знает, что

это именно ворона или собака. Это знание есть проявление одинаково присущего всем нам Нерожденного. Поэтому не нужны ни коаны, ни мондо — надо просто пребывать в Нерожденном, жить им и жить в нем. Переживание глубокой интимности Нерожденного как непрестанного присутствия нашей собственной природы и есть просветление, или пробуждение.

Надо отметить, что при всей своей самобытной целомудренной свежести дзэн Банкэя не является чем-то из ряда вон выходящим в буддийской традиции. Достаточно вспомнить об индийских йогинах-махасиддхах («великих совершенных») с их учением о сахаджа — сорожденном, под которым понималась наша собственная природа, сорожденная нам с безначальных времен (лексическое различие нерожденного и сорожденного не должна смущать) или о тибетской практике Дзог-чэн (называемой иногда «тибетским дзэн»), нацеленной на постижение природы сознания, как непрерывного присутствия. Но это никоим образом не умаляет заслуг Банкэя: во-первых, соответствие его учения другим вершинам буддийского духовного делания только свидетельствует как о подлинно буддийском духе «жизни в Нерожденном», так и о пиковом, высшем характере опыта Нерожденного в контексте буддийской духовности. Во-вторых, мало кому из буддийских наставников всех времен и народов удавалось говорить о Нерожденном с той силой простоты и интимности, которые присущи гению Банкэя.

Но здесь пора умолкнуть. Пусть говорит сам Банкэй.

Евгений Торчинов

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Дзэн появился в Японии во время правления в Китае династии Южная Сун (1127–1279). Догэн (1200–1251) приступил к распространению своей версии дзэн, которая, несмотря на то, что ее стали называть Сото (кит. *Цао-дун*), фактически является оригинальным японским дзэн Догэна, который возник и развивался на основе его главного произведения — “Сёбо гэндзо”. Школа Риндзай, также появившаяся в тринадцатом веке, принесла с собой систему и традиции южносунской школы Линьцзи. Помимо этого она не разработала каких-либо собственных дзэнских положений, которые были бы достойны упоминания. Далее, когда мы переходим к периоду Токугава (1603–1867), мы видим в коанах дзэн Хакуина (1685–1768) новую ступень развития методов и техник практики дзэн, а также, в определенном смысле этого слова, систематизацию дзэнской мысли. Но как бы то ни было, незадолго до Хакуина появился

Банкэй (1622–1693). Его “дзэн Нерожденного [сознания будды]” ознаменовал собой новый и один из наиболее значительных со времен Бодхидхармы этап развития дзэнской мысли. Дзэн Нерожденного действительно является одним из самых оригинальных достижений за всю историю этой традиции. Несомненно и то, что Банкэй должен считаться одним из величайших дзэнских мастеров, которых Япония когда-либо являла миру».

(Д.Т. Судзуки. «Исследования по истории развития дзэнской мысли: дзэн Банкэя».)

Дзэнский монах Банкэй Ётаку (1622–1693) не оставил после себя никаких записей, разъясняющих суть своего учения дзэн, и при жизни он отдавал строгие приказы, никому не позволяющие низводить его учение до уровня письменных знаков. Но тем не менее записи были сделаны, так как его последователи были не в силах вынести мысль о том, что слова и деяния их мастера могут остаться незаписанными. Поэтому, несмотря на то, что было утеряно много больше, чем было доверено бумаге, мы должны быть благодарны им за те записи, которые они донесли до нас, ибо это единственный наш источник сведений о дзэн Нерожденного.

Настоящее описание жизни и учения Банкэя открывается очерком, прослеживающим течение его жизни и религиозной деятельности. Он основывается на материалах, собранных его учениками, и на тех упоминаниях,

которые сам Банкэй делает в своих проповедях. Введение представляет определенный интерес в качестве духовной биографии Банкэя и предназначено для того, чтобы дать читателям представление об обстоятельствах, обусловивших возникновение его уникального стиля дзэн.

Следующую и значительно большую часть книги составляют переводные материалы из «Записей о жизни и учении Банкэя». Банкэй известен прежде всего своими проповедями (возможно, их даже лучше назвать беседами), которые он неустанно проводил для своих многочисленных учеников, устремлявшихся к нему со всех концов страны. Вел он эти проповеди на разговорном японском языке, повседневном языке обычного человека. Проповеди Банкэя популярны в Японии и по сей день. Никто прежде не доносил дзэн до обыкновенного человека столь неформальным, доступным и в то же время полноценным образом. Сохранившиеся до наших дней проповеди Банкэя приводятся в этой книге практически полностью. За проповедями следует собрание записей бесед Банкэя с его учениками и монахами, приходившими к нему за наставлениями. В них мы видим Банкэя за работой, в динамике дзэнского диалога, противостоянии учителя и ученика, которое уже известно западным читателям литературы о дзэн как *мондо*.

В совокупности перевод этих проповедей и диалогов демонстрирует основу учения Банкэя о Нерожденном и представляет собой всеобъемлющую картину его стиля

дзэн, который в своей гениальной, совершенной простоте и целостности ничто так не напоминает, как учение великих китайских мастеров «золотого века дзэн» при династии Тан (618–907).

Настоящий довольно высокий уровень интереса к Банкэю и его учению возник только в течение последних сорока лет и своим появлением обязан прежде всего усилиям Д.Т. Судзуки. В серии ставших уже классическими работ, которые были опубликованы в начале сороковых годов, Судзуки впервые выявил истинное значение дзэн Банкэя и высокое положение, по праву занимаемое им в истории развития дзэнской мысли, вызволив его тем самым из почти трехвекового несправедливого забвения. Хотя после публикации работ Судзуки вышли в свет и другие исследования, посвященные изучению дзэн Банкэя, Судзуки по-прежнему остается, лишь с некоторыми оговорками, самым лучшим его интерпретатором. Любой, кто изучает дзэн Банкэя, многим обязан этому выдающемуся исследователю дзэн.

Работа над этой книгой продолжалась на протяжении пятнадцати лет. Большая часть содержащихся в ней материалов была опубликована на страницах журнала Восточного Буддийского Общества «Восточный буддист» («The Eastern Buddhist»), который издается в Киото. Я хочу воспользоваться представившей мне здесь возможностью выразить мою благодарность доктору Ниситани Кэйдзи за то, что в течение многих лет он давал

мне ответы на вопросы, ответить на которые мог только он. Я благодарю господина Харольда Стюарта из Киото за то, что он прочел и отредактировал рукопись перевода, а также господина Сугавара Ёсимунэ из храма Кориндзи за позволение напечатать на суперобложке автопортрет Банкэя, и настоятеля храма Футэцудзи за позволение воспроизвести на титульном листе образец каллиграфии Банкэя (иероглифы *фусё*, т.е. *Нерожденный*).

Норман Уодделл
Боро-ан, Киото, 1983

Нерожденный

Человек рожден свободным.
(Французская поговорка)

БИОГРАФИЯ БАНКЭЯ

Банкэй Ётаку родился на восьмой день третьего месяца 1622 года в Хамада, маленькой деревне, расположенной на побережье Внутреннего моря в провинции Харима (восточная часть современной префектуры Хёго).¹ Его отец, Суга (Сугавара) Досэцу, был родом с острова Сикоку, где его предки на протяжении многих поколений были врачами, принадлежащими к числу самураев, состоявших на службе у клана Ава. По неизвестным нам причинам Досэцу отказался от этого места и, будучи уже не состоящим на службе самураем (яп. *ронин*), переправился через Внутреннее море и высадился в провинции Биттю. Там он женился на госпоже Ногутти и, дважды сменив место жительства, обосновался в Хамада, где зарабатывал на жизнь медицинской практикой. Банкэй, четвертый из пяти сыновей, был одним из девяти детей в семье. Когда Банкэю исполнилось десять лет, его отец умер, оставив всех детей на попечение своей

жены и старшего сына Масаясу, который продолжил семейную традицию, занявшись практикой китайской медицины.

В записях, повествующих о жизни Банкэя, говорится, что он был хорошо развитым и очень чувствительным ребенком, будучи в то же время довольно трудноуправляемым и наделенным необыкновенной силой воли.

Впоследствии его мать рассказала ему, что уже в возрасте двух-трех лет он питал отвращение к мысли о смерти. Его домашние обнаружили, что они могут унять его плач, говоря о смерти или притворяясь мертвыми. Позже, когда он стал хулиганить с соседскими мальчишками, его умиряли точно таким же образом.

Каждый год во время праздника мальчиков, который проводился на пятый день пятого месяца, деревенские мальчики участвовали в состязании по метанию камней. Разделившись на две группы, они бросали друг в друга камни с противоположных берегов реки. Состязание это проводилось со времен периода Хэйан (794—1175) уже более пятисот лет, с тем чтобы воспитывать в мальчиках доблесть. Нам известно, что та сторона, на которой находился Банкэй, неизменно побеждала, потому что он никогда не отступал, сколь бы много камней в него ни летело.

В возрасте одиннадцати лет, менее чем через год после смерти отца, Банкэя отправили в деревенскую школу, где он сразу же проявил большой интерес к учебе. Однако

уроки каллиграфии, проводившиеся после конца занятий в храме соседней деревни, вызвали у него совершенно противоположное отношение. Чтобы избежать монотонного переписывания китайских иероглифов из учебника учителя, Банкэй ввел себе в привычку возвращаться домой задолго до конца урока. Несмотря на то, что Масаясу каждый раз наказывал его за это, усилия брата не увенчались успехом. По дороге домой Банкэю приходилось переправляться через реку, и поэтому его брат предупредил паромщика, чтобы он не перевозил Банкэя на другой берег, если он придет слишком рано. Но справиться с Банкэем было не так-то легко. «Земля должна продолжаться и под водой», — заявил он, зашагал прямо в поток и, едва не задохнувшись, еле-еле выбрался на другой берег.

Желая избежать дальнейших столкновений со своим братом, Банкэй решил совершить самоубийство. Он слышал о том, что можно умереть, если съешь ядовитых пауков, поэтому он проглотил целую горсть пауков и в ожидании конца затворился в маленьком буддийском святилище. Много часов спустя, понимая, что он все еще жив, он отказался от мысли о самоубийстве и пошел домой.

В деревенской школе Банкэй должен был делать то же, что и все остальные школьники периода Токугава, которым вменялось в обязанность читать конфуцианские тексты, повторяя их до тех пор, пока они не запомнят

их наизусть. Однажды, когда класс заучивал «Великое Учение», учитель подошел к центральным словам этой книги:

— Путь Великого Учения заключается в выявлении сиятельной добродетели.²

Банкэй прервал учителя:

— Что такое сиятельная добродетель?

Учитель, повторяя объяснение, данное в одном из традиционных комментариев, ответил:

— Это истинная природа добра, присущая каждому человеку.

Банкэй поинтересовался, что такое истинная природа, присущая каждому человеку, и получил ответ:

— Это основополагающая природа человека.

— А что же это такое? — настаивал он.

— Величайшая истина неба, — ответил учитель.

Ни один из этих ответов не удовлетворил Банкэя. Ему хотелось знать, что же на самом деле значит сиятельная добродетель в сфере его повседневного личного опыта. Этот вопрос отмечает возникновение духовного сомнения в его сознании, которое, вероятно, и так уже было обращено в этом направлении в связи с недавней потерей отца. Шестьдесят лет спустя сам Банкэй упомянул об этом моменте как о начале своих поисков сознания будды. Как бы то ни было, для него этот вопрос о сиятельной добродетели вскоре превратился во всепоглощающую страсть. Сжигаемый неугасимыми сомне-

ниями, Банкэй без долгих отлагательств отправился в самое важное путешествие своей жизни, путешествие, которое займет у него четырнадцать лет жизни и определит своим исходом его будущее.

Вначале молодой человек не упускал ни одной возможности обратиться к другим за помощью. Однажды Банкэй задал свой вопрос группе ученых конфуцианцев, но они растерялись и, будучи не в состоянии найти ответ, посоветовали ему обратиться за помощью к дзэнским наставникам, сказав, что «они знают, как разрешать такие запутанные проблемы». Но так как в то время в округе не было дзэнских храмов, он не мог последовать их совету и был вынужден расспрашивать других конфуцианцев и тех буддийских монахов, которые встречались ему в близлежащих храмах. Кроме этого, он посещал все проповеди и религиозные собрания, на которых ему разрешалось присутствовать, а затем бежал домой и рассказывал своей матери о том, что там говорилось.³

Однако все эти метания не принесли ни малейшего намека на понимание. Банкэй не мог найти никого, кто направил бы его в верном направлении. Именно тогда он потерял интерес ко всем школьным занятиям, что настолько раздосадовало его старшего брата, и так уже много натерпевшегося, что в конце концов Банкэй был «изгнан из дома».

Отныне Банкэй, будучи всего лишь одиннадцати лет от роду, мог рассчитывать только на свои собственные

силы. На его счастье, один близкий друг семьи пожалел его и предложил ему пожить в маленькой хижине на холме за его домом. Банкэй, если в этом отношении можно верить биографическим записям, был не очень-то обеспокоен таким поворотом событий. Наоборот, он даже приветствовал это как возможность полностью посвятить себя решению своей проблемы в удалении от всего, что могло бы его отвлечь. Приняв предложение своего соседа, он затворился в этой хижине, самым серьезным образом намереваясь посвятить себя поискам светлой добродетели.

В том, что касается нескольких следующих лет, записи относительно немногословны. Вполне вероятно, что он провел некоторое время в расположенном неподалеку храме школы Дзёдо Синсю. Наверняка именно там он познакомился с характерной для этой школы практикой Нэмбуцу — возгласения имени Будды Амиды.⁴ Упоминание о длительных периодах времени, посвященных непрерывному повторению Нэмбуцу — «дни напролет в Нэмбуцу-самадхи», — принадлежит, несомненно, к этому отрезку его жизни. Когда ему было пятнадцать лет, Банкэй жил при храме буддийской тантрической школы Сингон, где он ознакомился с учением и практиками эзотерического буддизма. Настоятель храма, впечатленный его устремленностью, попытался убедить его стать монахом и остаться в этом храме его учеником, но Банкэй отверг это предложение. «Ни Дзёдо, ни Сингон не были ему по нраву».

В следующем году, когда ему уже исполнилось шестнадцать, Банкэй прошагал двадцать миль, отделявшие Хамада от города Ако, ради того, чтобы посетить Дзуйодзи, храм школы дзэн, возведенный за двадцать два года до этого для настоятеля Умпо Дзэндзё.⁵ Умпо принадлежал к основной линии школы Риндзай, восходящей к Дайю и Дайто, великим мастерам дзэн периода Камакура.⁶ Ко времени прихода к нему Банкэя (1638) семидесятилетний Умпо был широко известен как строгий наставник, добивающийся от своих монахов полной концентрации. Упоминание об Умпо, содержащееся в «Записях о жизни и учении Банкэя», сообщает нам, что «очень немногие отваживались войти в его покои, да и те, как правило, почти сразу же выбегали оттуда».

Банкэй рассказал Умпо о тех трудностях, с которыми он столкнулся, пытаясь овладеть пониманием светлой добродетели. Умпо ответил, что, если он хочет узнать, что это такое, ему придется практиковать дзадзэн.⁷ В Умпо, учении и практике дзэн, которые он собой олицетворял, было нечто, что вызвало у Банкэя такой отклик, что он тут же, не сходя с места, попросил Умпо принять его в число буддийских монахов. Умпо с радостью выполнил эту просьбу, исходящую от столь устремленного юноши, — он обрил Банкэю голову и дал ему его монашеское имя Ётаку, что значит «Долгое Совершенствование [Драгоценного Камня Сознания]».⁸ Имя, под которым он больше известен — Банкэй, — он принял уже после тридцати,

будучи наставником в дзэндо⁹ храма Мёсиндзи в Киото.

Несмотря на то что мы не обладаем подробными сведениями о том, как Умпо учил Банкэя, мы можем предположить, что за те три года, в течение которых он находился под руководством Умпо, Банкэй прошел весьма обширную программу подготовки. Дзадзэн был, конечно же, основным элементом практики. Вполне возможно, что Банкэй поработал немного и с коанами, хотя этому у нас нет четких доказательств и есть упоминание о том, что Умпо, по-видимому, не уделял использованию коанов такого внимания, как его современники.¹⁰

После трех лет, проведенных в Дзуйодзи, Банкэй отправился в длительное путешествие по Японии, он вдоль и поперек исходил область Киото—Осака и побывал на острове Кюсю. С тех пор, как он попрощался с Умпо, у него не было постоянного места обитания. Иногда Банкэй останавливался в храмах, но большую часть времени он проводил в уединении, занимаясь дзадзэн в сооруженных им же примитивных хижинах. Ему довольно часто приходилось спать под открытым небом. Лишения подобного образа жизни были очень велики, но он переносил их с более чем спартанским презрением к голоду и погодным условиям. Сообщается также, что он прожил несколько лет среди нищих, сперва под мостом Годзё в Киото, а потом подле святилища Тэнмангу в Осаке. Целую неделю, не принимая никакой пищи, просидел он в святилище Мацуно-о в западной части столицы Эдо (ныне Токио).

Когда бы он ни услышал о каком-то учителе, который, как ему казалось, мог дать ему совет, он немедленно отправлялся к нему. Но к тому времени, когда он, после четырехлетнего отсутствия, вернулся к Умпо в 1645 году, Банкэй, которому исполнилось уже двадцать три года, все еще не освободился от своих сомнений и неопределенности, давящей на него изнутри. Когда он сказал Умпо, что не смог найти никого, кто мог бы оказать ему необходимую помощь, в глазах его блеснули слезы. Ответ Умпо был таким: «Это твое желание найти кого-то удерживает тебя от достижения цели». Так он сказал Банкэю о том, что он не достигнет просветления до тех пор, пока будет искать ответ вне себя.

Эти слова произвели ожидаемый эффект. Банкэй снова ушел, но на сей раз он обосновался неподалеку, построив себе хижину в сельской местности к северу от замка Аки. Для того, чтобы подчеркнуть свое намерение справиться со всем совершенно самостоятельно, он полностью изолировал себя от контакта с внешним миром, затворившись в своей хижине. Дни и ночи напролет он, даже еще с большей настойчивостью, чем прежде, сидел в дзадзэн, намереваясь, подобно Будде, не вставать, пока не достигнет просветления. Он обливал себя холодной водой, когда бы ни почувствовал хоть малейшее приближение «демонов сна». Вследствие непрерывного сидения и постоянного соприкосновения с голым каменным полом его бедра и ягодицы воспалились и опухли. Они начали гноиться, но он по-прежнему продолжал сидеть и при этом неделями отказывался от

еды. Далее приводится одно из нескольких имеющих у нас описаний его жизни этого времени.

«Комната размером 10 на 10 футов более походила на тюремную камеру. В ней было всего одно отверстие, достаточное лишь для того, чтобы просунуть сквозь него руку. Через это отверстие ему дважды в день передавали пищу. Закончив есть, он выставлял чашу наружу. Уборная была устроена прямо под стеной, так что он мог облегчиться, не выходя из комнаты». ¹¹

Однако долгие годы борьбы ослабили его физически, и он заболел туберкулезом. Сам он так говорит об этом в одной из своих проповедей:

«Мое полное пренебрежение своим здоровьем... и годы самоистязаний в конце концов взяли свое и завершились тяжелой болезнью... Состояние мое постепенно ухудшалось, день за днем я становился все слабее... Болезнь достигла критической стадии, я харкал кровью и уже в течение целой недели не мог проглотить ничего, кроме небольшого количества рисового отвара».

Врач, осмотревший его, сказал, что Банкэй находится уже за той чертой, до которой его средства могли помочь. Он был обречен на смерть. Но в этих

тяжелейших условиях Банкэй внезапно достиг просветления:

«Я почувствовал какое-то странное ощущение в горле. Я плюнул на стену... Внезапно, именно в этот момент... я постиг то, что до сих пор от меня скрывалось: *абсолютно все противоречия разрешены в Нерожденном*».

После четырнадцати лет невероятно тяжелых и изнуряющих трудов он наконец-то достиг просветления и все его сомнения и неуверенность развеялись как дым. Он сразу же почувствовал, что к нему возвращаются его силы. Его аппетит, а вместе с ним и его здоровье чудесным образом вернулись к нему.

Вскоре после этого Банкэй испытал еще одно сатори, когда утренний ветер донес до него запах цветов сливы, в то время как он умывался у ручья. ¹²

Когда Банкэй несколько окреп, он отправился в Дзуйодзи и рассказал Умпо о том, что с ним произошло. Умпо неимоверно обрадовался. «Это и есть "суть учения Бодхидхармы"». ¹³ Отныне и впредь никто не сможет сбить тебя с Пути», — сказал он, признав понимание Банкэя. Но он добавил также, что ему следует получить подтверждение своего опыта и от других мастеров. Для этого Умпо порекомендовал Банкэю обратиться к Гудо Тосёку, который в то вре-

мя считался самым авторитетным мастером Риндзай-дзэн.¹⁴

Банкэй, которому к тому времени исполнилось уже двадцать шесть лет, направился в провинцию Мино (современная префектура Гифу), где, примерно на полпути между Хамада и Эдо, располагался храм мастера Гудо — Дайсэндзи. Однако Банкэй не смог встретиться с Гудо, так как мастер отбыл в Эдо, поскольку в его обязанности входило регулярное посещение храмов, находившихся под его присмотром. Поэтому Банкэй, преодолев столь долгий путь, решил посетить других учителей дзэн из тех храмов, что были неподалеку. Но, к своему разочарованию, он обнаружил, что никто из них не мог дать ему то подтверждение, за которым он пришел. В одной своей проповеди Банкэй приводит слова кого-то из этих наставников, который сказал, что то, чему он учил людей, не основывается на его собственном опыте (поскольку сам он в действительности не достиг просветления) — он просто повторял то, что узнал от своего учителя, и то, что смог понять из чтения дзэнских текстов.

Весь следующий год или около того Банкэй провел в отшельничестве среди покрытых лесами холмов провинции Мино, занимаясь осмыслением своего опыта. В 1650 году он вернулся в Харима, где и провел весь год, уделяя немало внимания определению приоритетов предстоящего ему служения в качестве учителя. Он размышлял «о естественных способностях простых людей и тех способах, с помощью которых можно наставлять их в Пути», пытаясь

определить, как наилучшим образом передать другим достигнутое им понимание.

Осенью 1651 года, когда Банкэй был все еще погружен в размышления об этом, он получил известие о некоем китайском наставнике по имени Дося Тэгэн, который прибыл недавно из Китая и остановился в городе Нагасаки на острове Кюсю. Умпю предложил Банкэю отправиться в Нагасаки и разузнать, что представляет собой этот китайский наставник, а поскольку Банкэй по-прежнему стремился найти кого-то, кто мог бы подтвердить его просветление, то вряд ли пришлось его долго упрасивать.

Дося прибыл в Японию в шестом месяце 1651 года. К осени весть о его приезде дошла до Банкэя, а вскоре Банкэй уже был в Нагасаки.¹⁵ Его первая встреча с этим китайским мастером состоялась в Софукудзи, большом храме в китайском стиле, который был построен в начале XVII века и стоял на склоне холма с видом на гавань.¹⁶

Во время их первой же встречи Дося подтвердил просветление Банкэя, сказав: «Ты проник в самую суть себя». Но после того как он сказал это, он добавил: «Однако тебе еще предстоит постичь то, что превыше этого, то, что является основой нашей школы».¹⁷

Для Банкэя это было неприемлемо, поскольку он твердо верил в то, что он уже достиг великого просветления, полного и совершенного.¹⁸ Поэтому сперва он отказался от предложения Дося и так ему об этом и сказал. В соответствии с одним отрывком из записей

изречений Дося, Банкэй глянул на него, громко рассмеялся, а затем грубо, даже не поклонившись, вышел из комнаты. Но все же он не ушел из храма и в течение нескольких дней внимательно наблюдал за Дося и за тем, как он наставлял монахов, находившихся под его руководством. Банкэй быстро оценил истинные достоинства Дося как учителя и принял решение продолжить свою практику в храме Софукудзи.

В течение следующих месяцев он часто приходил в покои Дося и наверняка провел там не один духовный поединок со своим новым учителем. Так как Дося не владел японским, а Банкэй не говорил по-китайски, хотя мог читать и писать на этом языке, общаться им приходилось посредством *хицудан*, обмениваясь записками, написанными на китайском языке, — «кисти вместо ртов и глаза вместо ушей». Банкэй присоединился к общине и жил вместе с другими монахами. Но при этом он не желал следовать некоторым обычаям, принятым в храме Софукудзи, монастырский устав которого в точности копировал устав китайских монастырей эпохи Мин (1368–1644). Так, например, он был настроен против рецитации сутр на китайском языке. Когда Дося попытался укорить его за это, Банкэй ответил, что у японцев есть свои монастырские традиции, в том числе и те, что регламентируют правила рецитации сутр, и он не видит причин, по которым ему следовало бы принять другие

правила.¹⁹ «Единственная причина, по которой я вообще пришел сюда, — сказал он, — заключается в том, что я стремлюсь постичь *великое дело*.²⁰ Как же я могу позволить себе тратить драгоценное время на то, чтобы обучиться еще одному способу воспроизведения сутр?» Впоследствии Дося не упоминал об этом инциденте. Та терпимость, которую он проявлял по отношению к Банкэю, и в этом случае, и вообще на всем протяжении их краткого сотрудничества, делает ему честь и говорит о нем как об отличном учителе.

В следующем году, двадцать первого дня третьего месяца, сидя в дзадзэн в полутьме зала дзэндо вместе с другими монахами, Банкэй испытал еще одно просветление — сатори. Он вышел из зала, прибежал в покои Дося, взял кисть и написал вопрос: «В чем основная суть дзэн?» «Чья суть?» — написал Дося в ответ. Банкэй развел руками. Дося поднял кисть, но прежде чем он успел что-либо написать, Банкэй выхватил ее из его руки и бросил на пол. Затем он «тряхнул рукавами и вышел».²¹

На следующее утро Дося сказал дежурному монаху, что «Банкэй завершил великое дело», и дал ему наказ перевести Банкэя в ранг старшего монаха. Однако Банкэй отклонил эту честь. Он предпочел обязанностям старшего монаха свое старое место при кухне и продолжал трудиться как и прежде, разнося монахам пищу и поддерживая на кухне огонь.

С самого начала некоторые члены общины Дося отнюдь не приветствовали присутствие среди них Банкэя. Биографические записи, которыми мы обладаем, не вдаются на этот счет в подробности, но мы можем предположить, что его независимость, которую другие монахи восприняли как проявление неуважения к их учителю, была напрямую связана с их недовольством. Когда они узнали, что учитель признал просветление Банкэя, их охватило чувство сильной зависти. Как только Дося узнал об этом, он в тайне вызвал к себе Банкэя и попросил его на некоторое время покинуть храм, дабы избежать возникновения раздора в общине.²²

Итак, пробыв под руководством Дося немногим более года, Банкэй оставил Софукудзи и вернулся в родную провинцию Харима. Оттуда он проследовал в Ёсино, практически незаселенную часть провинции Ямато (современная префектура Нара); из-за своей недоступности эта область была издавна известна как излюбленное место *сюэндзя*, «горных аскетов» эзотерического буддизма. Поселившись там в уединенной хижине, Банкэй осуществлял Путь среди гор и долин Ёсино. Во время своего пребывания там Банкэй сочинил цикл незатейливых буддийских песен для наставления крестьян, с которыми он время от времени общался.

Из Ёсино Банкэй перебрался в провинцию Мино, где в следующем (1653) году мы видим его в обители отшельников Гёкюрю-ан, где он упорно работал над дальнейшим углублением своего просветления.

Где-то к концу года, во время очень суровой зимы, Банкэй каким-то необъяснимым образом узнал о том, что его учитель Умпю смертельно болен. Среди других монахов, бывших в то время в Гёкюрю-ан, был некий монах по имени Сэн, личный ученик дзэнского мастера Дайгу.²³

— Как это ты мог узнать, что твой учитель заболел? — спросил он.

— Ведь он же находится в Аки, а это много дней пути отсюда.

— Я знаю, — сказал Банкэй.

— Ха! Ты обманщик, Банкэй, — насмеялся Сэн. —

Но раз уж ты уходишь, я пойду вместе с тобой. Все равно я давно уже хотел навестить Дайгу.

Где-то на полпути Банкэй внезапно сказал:

— Только что в Осаке умерла жена одного моего старого друга.

— Чушь! — сказал Сэн.

Но так как их путь пролегал через Осаку, то, оказавшись там, они направились напрямик к дому друга Банкэя. Тот поспешил к двери, чтобы поприветствовать их.

— Три дня назад я потерял жену, — воскликнул он. — Как странно, что вы пришли именно сейчас. Когда она болела, она часто вспоминала тебя. Как необыкновенно! Заходите, пожалуйста, и воскурите за нее благовония на алтаре.

Повернувшись к Сэну, Банкэй сказал:

— Я — обманщик, не так ли?

Сэн уставился на него в изумлении.

— После того как я повидаюсь с Дайгу, — занка-юсь, произнес он, — я стану твоим учеником и буду служить тебе до конца моих дней.²⁴

Банкэй не успел вовремя добраться до Аки, чтобы попрощаться со своим старым учителем. В ночь перед его приходом, на восьмой (или девятый) день двенадцатого месяца Умпо покинул этот мир, будучи в возрасте восьмидесяти пяти лет. Перед смертью он дал своему приемнику Бокуо Согю следующее предписание:

«Я уверен в том, что Банкэй — единственный человек, который способен высоко поднять стяг Дхармы, укрепив положение дзэн в будущем. Я хочу, чтобы ты, заступив на мое место, убедил его нести учение в мир. Ниоим образом не должно позволить ему сокрыть свои таланты».²⁵

Весной 1654 года, когда Банкэй вернулся в Нагасаки с пятью своими неотступно следовавшими за ним учениками, он обнаружил, что ситуация там радикально изменилась. Годом ранее высокопоставленный наставник Иньюань Лун-ци (1592–1673) прибыл в Нагасаки из Китая в сопровождении группы из двадцати монахов. В отличие от Дося, Ингэн — если называть Иньюаня его японским именем — прибыл в Японию по официальному приглашению группы важных японских чинов-

ников, возглавляемых губернатором Нагасаки. Между последователями Дося и Ингэна сразу же установились весьма напряженные отношения. Ученики Ингэна стремились утвердить главенство своего мастера, дабы удовлетворить его притязания на статус верховного представителя континентального (китайского) дзэн. В связи с этим они рассматривали Дося как очень опасного для своих целей соперника, особенно учитывая наличие на его стороне множества верных учеников, а также и то, сколь успешно он обустроился в Японии. Они прибегали к различным методам преследования и даже открытого давления на Дося, пытаясь заставить его признать себя старшим учеником Ингэна, а когда все это не принесло им желаемых результатов, Му-юань (японское Мокуан, 1611–1684), один из ближайших помощников Ингэна, предпринял несколько более сильных ходов с тем, чтобы дискредитировать Дося как учителя и затруднить ему его деятельность по распространению дзэн в Японии.²⁶

Когда Банкэй узнал о тех неприятностях, с которыми столкнулся его бывший учитель, он приложил немало усилий к тому, чтобы найти храм, куда Дося мог бы перебраться для того, чтобы продолжить обучение своих японских учеников. Он отплыл на остров Хирадо, надеясь на помощь князя Мацуура Сигэнобу, который уже около двух лет являлся учеником Дося в миру.²⁷ Оттуда Банкэй отправился в Канадзава, порт на северо-запад-

ном побережье острова Хонсю. Это путешествие он предпринял для того, чтобы посоветоваться с наставником школы Сото-дзэн по имени Тэссин Доин (1593—1680), который в свое время учился вместе с Банкэем в храме Софукудзи, а потом стал настоятелем храма Тэнтоку-ин, что расположен неподалеку от Канадзава. Однако в конце концов все эти усилия ни к чему не привели. Хотя Дося и провел в Японии еще четыре года, будучи настоятелем Фумондзи, семейного храма клана Мацуура на острове Хирадо, впоследствии, осенью 1658 года он вернулся в Китай. Согласно одним сведениям, он скончался на борту корабля по пути домой, согласно другому, вероятно, более надежному источнику, он умер в Китае в 1661 или 1662 году в возрасте шестидесяти одного года. Перед отплытием корабля князь Мацуура спросил Дося, кто из его учеников действительно постиг суть дзэн. Дося ответил: «Только Банкэй».

С этого момента и далее история жизни Банкэя может быть рассказана довольно просто. В 1657 году, через четыре года после смерти Умпо, Бокуо, в соответствии с предсмертным желанием своего мастера, объявил Банкэя своим официальным наследником. Таким образом, в дополнение к Передаче Дхармы,²⁸ которую он получил от Дося (а это соединило его с китайской линией дзэн этого мастера), была установлена формальная принадлежность Банкэя к традиции Мёсиндзи, основной линии японской школы Риндзай-дзэн.

Время странствий закончилось, и хотя из стремления постоянно совершенствовать свое просветление Банкэй по-прежнему придерживался довольно сурового образа жизни, он становился все более внимательным к духовным нуждам все увеличивающегося потока людей, приходивших к нему за наставлениями. В течение последних тридцати шести лет своей жизни он неустанно проповедовал в монастырях и храмах по всей Японии. Богатые ученики Банкэя возвели для него несколько храмов, а кроме этого, под его непосредственным руководством было восстановлено множество других храмов. Три нижеперечисленных храма служили основными центрами распространения дзэн Банкэя: храм Рюмондзи в его родной деревне Хамада, храм Нёходзи в городе Одзу на острове Сикоку и храм Кориндзи в Эдо.

Первый из них, Рюмондзи, тот храм, с которым наиболее тесно связано имя Банкэя, был построен на пожертвования богатого купца из Хамада по имени Сасаки Мития.²⁹ Нужно отметить также, что этот храм был построен с невиданным для провинции размахом.

В 1669 году владелец замка Одзу князь Като Ясуоки возвел для Банкэя храм Нёходзи.³⁰ Банкэй выбрал участок земли, расположенный далеко в горах за этим храмом, для того чтобы построить там небольшой зал для медитации, который он назвал Оси-кэн («Обитель Истинной Сути»). Через несколько лет после постройки

Нёходзи он удалился туда с несколькими избранными учениками, дабы заняться с ними интенсивной практикой дзэн, и прервал свое двухлетнее затворничество только потому, что его многочисленные последователи неоднократно просили его оказать им помощь в их духовных устремлениях.

Постройка последнего из трех, храма Кориндзи, расположенного в районе Адзабу города Эдо, была завершена в 1677 году, после чего даймё провинции Сануки Кёгоку Такатое передал этот храм Банкэю по просьбе своей матери, монахини Ёсё-ни, которая была убежденной сторонницей дзэн Нерожденного.³¹ Когда Банкэй приезжал в столицу, этот храм посещали многие важные даймё и их вассалы, а также многие высокопоставленные правительственные чиновники, приходившие для того, чтобы получить его наставления и послушать его проповеди.

Кроме этих трех храмов он часто посещал Фумондзи на острове Хирадо, Гёкурюдзи в провинции Мино, Дзидзодзи в Киото и около сорока других храмов, что он построил или восстановил. Итак, Банкэй посвятил остаток своей жизни распространению учения о Нерожденном, пытаясь вернуть школе дзэн былое процветание, поскольку к тому времени она уже около ста лет находилась в периоде относительного упадка. В 1672 году, будучи в возрасте пятидесяти лет, Банкэй сменил Бокуо на его посту, став двести восемнадцатым настоятелем храма Мёсиндзи в Киото.

Когда ему было уже под шестьдесят, Банкэй стал проводить большие медитативные собрания (затворы) с тем, чтобы сделать свое учение дзэн еще более доступным для великого множества людей, приходивших к нему за наставлениями.³² Во время этих затворов он проповедовал о Нерожденном и отвечал на задававшиеся ему вопросы, указывая всем собравшимся на путь разрешения их проблем и сомнений. Подобные затворы, продолжительностью по девятисто дней, он проводил, как правило, дважды в год, летом и зимой, вплоть до своей смерти в 1693 году. Число участников некоторых затворов было ограничено кругом его личных учеников, которых у него было несколько сотен человек, но большинство затворов были открыты для всех желающих и посещались большими толпами монахов и мирян вне зависимости от их сословной принадлежности и общественного положения.

Среди бесчисленного множества людей, окружавших в то время Банкэя, была Дэн Сутэдзё, поэтесса, стихотворения которой пользовались большой популярностью у ее современников.³³ Буддийской монахиней Дэн стала уже на склоне лет, после смерти своего мужа. Банкэй дал Дэн ее монашеское имя — Тэйкан.

Ее первая встреча с Банкэем произошла в 1683 году в Киото. В том же году она стала его ученицей. Тэйкан вела дневниковые записи, охватывающие последние десять лет жизни своего учителя. Эти дневники представляют собой ценный источник информации о последних годах

жизни Банкэя. Благодаря Тэйкан мы осведомлены о поездках Банкэя, о тех местах, что он посетил, о времени проведения затворов и числе присутствовавших на них людей. Ниже приводится ее описание великого затвора 1690 года в храме Рюмондзи. Оно достойно того, чтобы привести его здесь, и не только из-за запечатленной в нем живой картины именно этого затвора, но и из-за переданного в нем общего настроения, той атмосферы, которая наверняка была такой же и в храме Нёходзи на острове Сикоку, и в храме Кориндзи в Эдо, и во всех других храмах, где Банкэй проводил свои затворы.

«Я не ожидала того, что на этот затвор прибудет так много людей, поскольку его проведение было запланировано только в начале девятого месяца, то есть всего за четыре-пять недель до его начала. Однако известие об этом распространилось по всей стране: они пришли с далекого северного острова Хоккайдо, с западных пределов острова Кюсю и из всех провинций острова Хондо. Это известие дошло даже до отдаленных островов Рюкю.

На затворе присутствовали многие важные наставники школ Риндзай и Сото-дзэн, равно как и монахи и монахини всех других буддийских школ, и набралось их несколько тысяч. Все они собирались вокруг возвышения, на котором восседал Банкэй, внимательно слушали его слова и со всей серьезностью посвящали себя осуществлению Пути. Кроме этого, множество мирян и ми-

рянок заполнили западный зал дзэндо и главный зал дзэндо. Чтобы обеспечить кров для вновь прибывающих паломников, каждый день возводились новые временные залы. Улицы Абоси заполнились духовными людьми со всех концов страны. Этот маленький поселок на берегу Внутреннего моря вдруг превратился в столицу, центр всего сущего, и все его жители преисполнились радости от осознания важности этого события.

Все присутствующие были счастливы оттого, что они оказались в Рюмондзи и смогли услышать, как проповедует Мастер Банкэй.

Вот уже затвор подходил к концу, но никто не торопился с отбытием, а когда пришел новый год, развернулось незабываемое зрелище: тысячи и тысячи мужчин и женщин столпились вокруг Банкэя, чтобы попрощаться с ним и поблагодарить его. Невозможно выразить словами или описать кистью ту грусть, что витала в воздухе оттого, что им приходится покидать его, и ту великую радость, что они испытывали оттого, что приняли участие в этом совершенно непревзойденном буддийском собрании. На многих лицах блестели слезы глубокой и искренней благодарности.

Я не могу выразить всю ту радость, что я испытываю в своем сердце оттого, что моя карма оказалась настолько благоприятной, что я родилась в то время, когда смогла повстречать Мастера Банкэя, столь подобного самому Будде Шакьямуни».³⁴

Затвор в храме Рюмондзи завершился на пятый день первого месяца. После того как Банкэй совершил поездки в Эдо и Осаку, он отплыл вместе с князем Мацуура на остров Хирадо, где и оставался до конца лета. Зимний затвор 1691 года в Рюмондзи был ограничен несколькими сотнями его личных учеников, в число которых входили и монахи, и миряне. В следующем году зимний затвор состоялся в храме Гёкурюдзи в провинции Мино. Более шести тысяч человек приняли участие в этом собрании, которое завершилось на пятый день нового (1693) года.

По завершении этого затвора Банкэй остался на несколько месяцев в Гёкурюдзи, а затем отправился в Эдо, совершив по пути несколько остановок, с тем чтобы исполнить обращенные к нему просьбы произнести проповедь. В пятом месяце он уехал из Эдо и направился в Рюмондзи, намереваясь, как обычно, совершить по пути несколько остановок для произнесения проповедей. В городе Хамамацу мастер занемог и решил поспешить домой. Паланкин Банкэя внесли в ворота храма Рюмондзи на десятый день шестого месяца, а на следующее утро Банкэй сказал одному из своих помощников, что умрет через два месяца, но, дабы не вызвать всеобщей тревоги, он запретил ему говорить об этом кому-либо.

Среди тех, кто ожидал возвращения мастера в Рюмондзи, была и Тэйкан. Пусть она продолжит отсюда свой рассказ:

*«Десятый день шестого месяца,
шестой год Гэнроку (1693)»*

Мастер Банкэй вернулся из Эдо. Он приболел в пути и очень ослаб. Все глубоко огорчены.

*Проповеди на 14-й, 27-й, 28-й, 30-й день шестого
месяца и 1-й день седьмого месяца*

На четвертый день восьмого месяца он вышел в западную часть главного зала, чтобы встретить собравшихся там монахинь. Едва я взглянула на его лицо, как сердце мое пришло в трепет при мысли о том, что это, быть может, наша последняя встреча. Он просто вышел к нам, а затем, не сказав ни слова, вернулся в свои покои.

Проповеди на 5-й, 6-й и 7-й день восьмого месяца

Несмотря на то что мастер был очень слаб, говорил он спокойно, уделяя много внимания подробностям, чтобы все совершенно точно поняли суть дзэн Нерожденного. Каждое его слово было предельно искренне.

Седьмой день восьмого месяца

Закончив проповедь, он ушел в свою комнату и отдышал там в одиночестве. Он никого не принимал.

Лето в этом году выдалось очень жарким, жара не спала даже к девятому месяцу, и поэтому, как только стало чуть-чуть прохладнее, я начала надеяться, что он будет поправляться. Но на третий день девятого месяца

меня известили о том, что он скончался. Я готовилась к худшему, но теперь, когда это уже произошло, я не могла сдержаться слез.

Я поспешила в Рюмондзи и спросила настоятеля Сэ-кимона, можно ли мне в последний раз проститься с мастером.³⁵ «Конечно», ответил он, и меня провели в ту комнату, где находилось тело. Я думала, что, увидев его, я преисполнюсь скорби, но, к моему удивлению, мое сознание было абсолютно свободно от подобных эмоций. Слезы мои остановились. Когда я внимательно посмотрела на его доброе и исполненное сострадания лицо, мне показалась, что он еще жив и просто спит».³⁶

За несколько месяцев до своей смерти Банкэй перестал принимать пищу и отвергал все предлагавшиеся ему лекарства, но с удовольствием проводил время в беседах со своими учениками. В день своей смерти он передал им свои последние наставления и, увидев, что некоторые из них погрузились в грусть, сказал: «Как это вы хотите увидеть меня, глядя на меня из мира рождений-и-смертей?» Кто-то спросил его, не собирается ли он сочинить предсмертное стихотворение, традиционное для школы дзэн, на что он ответил: «Я прожил семьдесят два года. Сорок пять из них я распространял учение. То, что в течение этого времени я говорил вам и всем прочим людям, все это и есть мое предсмертное стихотворение. И сейчас, перед тем как я умру, я не стану сочинять еще одно толь-

ко потому, что так поступают все остальные». Сказав это, он отошел. Согласно одному источнику, он умер сидя, согласно другому — лежа на правом боку, как Будда.³⁷

На следующий день тело было кремировано, и, согласно указаниям Банкэя, прах был разделен на две части; одна часть была помещена в погребальную ступу в храме Рюмондзи, а другая перенесена в храм Нёходзи и также помещена в ступу, возведенную там еще в предыдущем году под руководством самого Банкэя.

Ко времени смерти Банкэя его личными учениками были более четырехсот монахов и двести семьдесят монахинь. Кроме них, его учениками считались также более пяти тысяч мирян и мирянок, принявших от него обеты и получавших его наставления. В число учеников Банкэя входили люди со всей страны, среди них были даймё и прочие люди высокого положения и происхождения, равно как и множество учеников из крестьян. В 1740 году, через сорок семь лет после смерти Банкэя, император Сакурамати пожаловал ему посмертный титул Дайхо Сёгэн («Истинное Око Великой Дхармы») Кокуси («Наставник Страны»).

БЕСЕДЫ О ДХАРМЕ МАСТЕРА ДЗЭН БАНКЭЯ

ПРОПОВЕДИ В ХРАМЕ РЮМОНДЗИ

В третьем году Гэнроку (1690), во время великого зимнего затвора в Рюмондзи, проводившегося под руководством основателя этого храма дзэнского мастера Бутти Косай Банкэя, в списке присутствующих числились 1683 монаха,¹ представлявших различные школы буддизма: Сото-дзэн и Риндзай-дзэн, Сингон, Тэндай, Дзёдо, Дзёдо синсю и Нитирэн.² Мастера и послушники, а также монахи разных рангов собрались во множестве у трона Дхармы.³ Мастера Банкэя, почтенного учителя и повелителя всех людей и небожителей во вселенной, можно было принять за самого Будду.

Когда мастер пришел и воссел на трон Дхармы, он

сказал, обращаясь к собравшимся перед ним монахам и мирянам, такие слова:

— Будучи еще довольно молодым человеком, я постиг Нерожденное [сознание будды] и распознал его отношение к мысли. «Мыслью» мы называем то, что уже отдалилось на несколько шагов от живой реальности Нерожденного. О монахи, если бы вы просто жили в Нерожденном, мне нечего было бы рассказать вам о нем, а вы бы и не пришли сюда слушать меня. Однако в своей нерожденности и чудесной всеосвещающей силе, присущей сознанию будды, оно с готовностью отражает все проходящие перед ним вещи и превращается в них; так сознание будды обращается в мысль. Сейчас я расскажу присутствующим здесь мирянам все об этом сознании будды и хочу, чтобы и монахи тоже прислушались.

Ни один из вас не является непросветленным. Прямо сейчас все вы сидите передо мной как Будды. При рождении каждый из вас получил от своей матери сознание будды. Это унаследованное вами сознание будды вне всяких сомнений является нерожденным и наделено чудесной всеосвещающей мудростью.⁴ *В Нерожденном абсолютно все противоречия разрешены.* Я могу привести этому доказательство. Все вы внимательно слушаете то, что я говорю вам, но если бы сейчас каркнула ворона, чирикнул воробей или раздался любой другой звук, вам вовсе не было бы сложно понять, что это ворона, воробей или что-либо еще, даже если у вас и в мыслях не было

намерения услышать эти звуки, а все потому, что вы слышали бы их посредством проявления Нерожденного.

Если кто-либо убедится, что эта нерожденная, всеосвещающая мудрость и есть, в сущности, сознание будды, и он будет просто жить как он есть в сознании будды, то прямо в тот же момент он станет живым Татхагатой,⁵ и пребудет им в течение неисчислимых будущих кальп.⁶ Утвердившись в этом [сознании будды], он пребудет в сознании всех будд, поэтому школу, к которой я принадлежу, называют также школой «сознания будды».⁷

Все вы сидите здесь и слушаете меня, но если зачирикает воробей, вы не спутаете его с вороной, вы не примете звон колокола за барабанный бой или мужской голос за женский, или голос ребенка за голос взрослого человека. Вы слышите и безошибочно различаете все эти звуки действительным проявлением чудесной всеосвещающей мудрости. Это и есть доказательство тому, что сознание будды является нерожденным и наделено чудесной всеосвещающей силой.

Никто из вас не смог бы сказать, что он услышал эти звуки оттого, что заранее приготовился услышать их. А если бы кто-то и сказал так, то это не было правдой. Все вы очень внимательно слушаете меня, вы полностью сосредоточились на этом, и в вашем сознании нет ни единой мысли о том, чтобы услышать какой-то шум или звуки, которые могут раздаться вокруг вас. Однако когда эти звуки действительно раздаются, вы способны слы-

шать и различать их без какого-либо предварительного намерения сделать это. Это происходит потому, что вы слышите посредством проявления нерожденного сознания будды.

Если какие-либо люди убедятся в том, что сознание будды является нерожденным и наделено чудесной всеосвещающей мудростью, и будут просто, как они есть, жить в нем, то с этого момента и впредь они суть живые Будды и Татхагаты. «Будда» — это всего лишь имя, появляющееся впоследствии. Это только лишь [внешняя] оболочка и [пустая] шелуха. Когда вы говорите «Будда», вы уже отдалены на несколько шагов от места пребывания Нерожденного. Человек Нерожденного — это тот, кто обретается в источнике всех Будд. Все восходит к Нерожденному и начинается в нем. Нет никаких других начал, кроме него. Итак, быть Нерожденным — значит пребывать в источнике всех Будд.

Если вы живете в Нерожденном, то нет больше нужды говорить о «неисчезновении» или «неумирании», ибо это было бы напрасной тратой времени. Вот почему я всегда говорю о «Нерожденном» и никогда о «Неумирающем». Не может быть смерти тому, что никогда не было рождено, так как если оно является нерожденным, то вполне очевидно, что оно является также и неумирающим. Вы можете найти выражение «нерожденное, неумирающее» в сутрах Будды и в записях изречений мастеров дзэн.⁸ Но никогда прежде не было никакого

доказательства, подтверждения Нерожденному. Люди знали всего лишь слова «нерожденное, неумирающее», но никто прежде не постиг Нерожденное, приняв его всем своим существом.

Когда мне было двадцать шесть лет, я впервые осознал, сколь абсолютно все противоречия разрешены в Нерожденном, и с тех пор вот уже на протяжении сорока лет я говорю об этом всем людям. Я был первым, кто сделал это, предоставив вам настоящее подтверждение Нерожденного, показав, что Нерожденное суть сознание будды, что всегда и без тени сомнения чудесно ясно и всеосвещающе. Никто из монахов и мирян, собравшихся здесь сегодня, не может сказать, что слышал о ком-то, кто совершил бы это прежде меня.

Если вы являетесь Нерожденным, вы находитесь в источнике всего сущего. Все Будды прошлого обрели свою самореализацию в нерожденном сознании будды, и все Будды будущего обретут ее в нем. Если хоть один человек живет в Нерожденном, то несмотря на то, что живем мы в дни Конца Дхармы, истинная Дхарма процветает в этом мире.⁹ Нет этому сомнений.

Утвердив себя в Нерожденном, вы обретаете способность прозревать сердца других людей. То имя, которым называют иногда школу дзэн — «Яснокая школа», происходит от этого. Только в Нерожденном Дхарма Будды постигается полностью. Если вы постигнете Нерожденное, то, кто бы вы ни были, вы станете истинными

наследниками моей Дхармы, и где бы вы ни находились, это место и есть место вашей полной самореализации.

Некий монах сказал:

— Каждый день Вы повторяете одно и то же. Вам следовало бы сменить тему, так как Ваши слушатели будут более восприимчивы к Вашим словам, если Вы расскажете им несколько историй о мастерах дзэн прошлого.

Возможно, я и вспомнил бы пару анекдотов, чтобы рассказать их вам. Но это было бы равносильно тому, как если бы я преподнес вам яд. Я не хочу делать этого.

Когда я учу вас, я никогда не цитирую слова Будды или изречения патриархов дзэн. Я только указываю вам прямо на путь разрешения ваших проблем, а это самое главное. Для этого мне вовсе не обязательно повторять чьи-то слова. Поэтому вы не услышите от меня разъяснений «Дхармы Будды» или «Дхармы дзэн». Мне вовсе не обязательно говорить вам об этом, если здесь и сейчас я могу прояснить для вас все, указав вам прямо на путь освобождения.¹⁰ У меня нет причин проповедовать вам «буддизм» или «дзэн».¹¹

Несмотря на то что все вы, появившись в этом мире, уже обладали нерожденным сознанием будды, привя-

занность к своим желаниям заставляет вас стремиться к тому, чтобы все было по-вашему. Вы теряете свой покой, гневаетесь, становитесь раздражительными и агрессивными, а затем думаете: «Я вовсе не выходил из себя. Этот человек не слушал меня. Это он, оказавшись столь неразумным, заставил меня сорваться». Так-то вот вы и превращаете свое бесценное сознание будды в вечно сражающегося демона-асура. Если вы обращаете все свое внимание на какую-то безделицу и окружаете ее бешеным круговоротом мыслей, то вы можете в конце концов настоять на своем, но после этого вы уже не понимаете в своем неведении, сколь бессмысленно было вовлекать себя в подобную круговерть. А так как неведение является причиной перерождения в облике животного, то, покинув жизненно важное для вас сознание будды, вы уже обращаете себя в самое что ни на есть настоящее животное.

Все вы здесь люди понимающие. Только ваше неведение сознания будды заставляет вас постоянно превращаться то в голодного духа, то в демона-асура или животное. Вы обращаете свое сознание будды и в то, и в это, а потом вы этим и становитесь.¹² Ну а если вы станете животным, то даже когда к вам будут обращены слова истины, вы не поймете их. Предположим, что вы все же поймете их, но раз уж вы не придерживались истины даже тогда, когда жили в человеческом облике, то вряд ли вам хватит понимания придерживаться исти-

ны, будучи животным. Так-то вот вы и путешествуете из одного ада в другой или проводите бесчисленное количество жизней в образе голодного духа или животного. Бесконечно перерождаясь и испытывая невообразимые страдания, проходите вы сквозь эти бесчисленные жизни в полной темноте и нет у вас ни малейшей возможности избавиться от отягчающего вас бремени пагубной кармы. Это может случиться с каждым, кто из-за какой-то мысли позволит сознанию будды ускользнуть от него. Итак, как видите, все это очень серьезно.

Вам следует понять, что не стоит превращать сознание будды во что-либо иное. Как я уже сказал ранее, ни один из вас не является непросветленным. Вы — собрание нерожденных сознаний будды. И если кто-нибудь из вас подумал: «О нет, только не я. Я не просветлен», то пусть он выступит вперед и ответит мне: «Что делает человека непросветленным?»

В действительности здесь нет непросветленных людей. Тем не менее, когда по завершении этой проповеди вы встанете со своих мест и один за другим начнете выходить из зала, вы можете натолкнуться на кого-то впереди вас или же кто-то может подбегать к вам сзади и сбить вас с ног. Когда вы вернетесь домой, кто-нибудь из домашних может сказать или сделать что-то, что вам не понравится. Если вы зацепитесь за это, начнете волноваться и выставлять наружу все свои колючки, то из-за своей привязанности к себе вы низойдете в иллюзии,

а ваше сознание будды обернется демоном-асуром. Пока вы не преображаете свое сознание будды и просто как вы есть живете в Нерожденном, вы не являетесь непросветленным и не омрачены иллюзиями. Когда же вы обращаете свое сознание будды во что-то иное, вы становитесь невежественным, опутанным иллюзиями человеком. Все иллюзии возникают из-за этого. Если вы раздражительны, если вы ублажаете свое эго, то тем самым вы обращаете свое сознание будды в демона-асура, оказываясь в иллюзорном бытии своего собственного изготовления.

Итак, что бы ни происходило, оставьте все как есть. Не беспокойтесь из-за этого. Оставайтесь как есть в своем сознании будды, не обращая его во что-либо иное. Если вы последуете моему совету, то иллюзии не ослепят вас и вы будете постоянно пребывать в нерожденном сознании. Вы — живой, дышащий, твердо стоящий на своих ногах Будда. Разве вы не видите? Прямо под рукой у вас неисчислимое сокровище.

Вы должны понять, что нерожденное сознание наделено чудесной всеосвещающей силой. Когда вы идете по дороге и случается так, что навстречу вам приближается толпа людей, никто из вас не думает о том, как бы

вам избежать столкновения с ними, но тем не менее вы с ними не сталкиваетесь. Никто не сбивает вас с ног и не переступает через вас. Вы проходите сквозь толпу, уклоняясь от людей в ту или другую сторону, не обдумывая свои действия специально, и все же вы продолжаете свой путь, не получив повреждений. Чудесное и всеосвещающее сознание будды справляется со всеми возможными ситуациями точно таким же образом.

Предположим, что мысль отступить в сторону, чтобы пропустить людей, все же возникнет в вашем сознании перед тем, как вы действительно отступите в сторону — и это тоже будет проявлением всеосвещающей мудрости сознания будды. Вы можете отступить влево или вправо, потому что вы приняли решение сделать это, но, как бы то ни было, движение ваших ног, шаг за шагом, не контролируется этим решением. Если вы идете просто и естественно, вы идете в гармонии с Нерожденным.

Встречаясь с вами, я вновь и вновь повторяю одно и то же. Но те из вас, кто уже слышал это, не должны терять терпение. Чем чаще вы будете слышать это, тем более вы уверитесь в том, что я говорю вам. Каждый день сюда приходят новые люди, не слышавшие ранее моих бесед. Сегодня многие из здесь собравшихся впер-

вые услышат о Нерожденном. Ради их спасения я должен объяснить все с самого начала. Вот почему день за днем я повторяю все снова и снова. Постоянные мои слушатели еще более утвердятся в моем учении, а вновь прибывшие не будут чувствовать, что они что-то пропустили. Поэтому каждый раз я начинаю все сначала, с самых основ, тщательно и обстоятельно объясняя вам свое учение, а делаю я это для того, чтобы никто не затруднился с пониманием.

Здесь присутствуют люди со всех концов страны, члены всех четырех разрядов буддийской сангхи:¹³ старые и молодые, мужчины и женщины, аристократы и простолюдины, монахи и миряне. И, как я вижу, монахов здесь больше всего. А теперь, поскольку все уже собрались здесь, пусть те из вас, кто считают себя достигшими просветления, выступят вперед и позволят мне дать этому подтверждение.

Когда меня озарило, что абсолютно все противоречия разрешены в Нерожденном, мне было двадцать шесть лет. С тех пор я разъясняю это другим людям. Я пронес мое учение по всей стране, но и по сей день я не столкнулся ни с кем, кто смог бы опровергнуть его. Однако, после того как я достиг просветления, я не мог получить подтверждения своему пониманию. Я не забыл о том, какие затруднения я испытывал с этим, и поэтому теперь, хотя мне, как вы видите, нездоровится, я принял великий обет делать все, что от меня зависит в том, чтобы

дать подтверждение каждому, кто достиг просветления. Вот почему я выхожу к вам сюда каждый день. Итак, если кто из вас считает, что он или она достигли понимания, подойдите ко мне и скажите это. Я дам вам подтверждение.

Когда мне исполнилось тридцать лет, мой учитель сказал мне, что некий китайский мастер дзэн по имени Дося Тёгэн прибыл в Японию из Китая и обосновался в городе Нагасаки.¹⁴ Он подумал, что мне было бы неплохо отправиться туда и встретиться с ним. Когда я готовился к этому путешествию, мой учитель обратился ко мне с такими словами: «До сих пор ты носил одежды мирянина, но если ты собираешься говорить с этим китайским наставником, то лучше тебе одеть достойное монашеское облачение».

Таким образом, впервые в своей жизни облачившись в монашеское одеяние, я встретился с мастером дзэн Дося. Я сразу же высказал ему свое понимание Нерожденного. Он глянул на меня и сказал: «Этот парень находится за пределами мира рождений-и-смертей». В то время Дося был единственным мастером, который мог дать мне подобное подтверждение моего просветления. Но тогда я не был полностью удовлетворен этим. Теперь, оглянувшись назад, я вижу, что даже самореализация Дося была далека от совершенства. Если бы он был еще жив сегодня, я мог бы сделать из него отличного учителя. Позор на мою голову, но умер он слишком рано.

Всем вам очень повезло. Когда я был молод, все было по-другому. Я не мог найти хорошего учителя, а так как я был очень упрямым, то с юных лет я посвятил себя исключительно трудной практике и испытывал в связи с этим невообразимые страдания. Я потратил на все это ужасно много напрасных усилий, а след этих тяжелых испытаний глубоко отразился на моем здоровье. Этого я не смогу забыть никогда.

Вот почему я прихожу сюда каждый день, убеждая вас не делать моих ошибок, дабы вам не пришлось проделывать всю эту необязательную работу, поскольку вы можете постичь Дхарму, просто и удобно сидя здесь на татами. Вы должны считать, что вам очень повезло, потому что нигде более вы не найдете учения, подобного этому.

Если я расскажу вам о том, что мне пришлось пережить, то наверняка кое-кто из вас вобьет себе в голову, что невозможно постичь Дхарму, не пройдя через то же, что и я. Если это произойдет, я буду считать это моей ошибкой. Однако я все же хочу рассказать вам о своем опыте, поэтому давайте-ка объясним это еще раз. Вы можете постичь Дхарму, не подвергая себя самоистязаниям. Я хочу, чтобы хорошо помнили это, когда будете слушать то, что я говорю.

Мой отец был ронин, родом он был с острова Сикоку

и придерживался конфуцианства. Он переехал в эти места и стал здесь жить, здесь же я и родился. Мой отец умер, когда я был еще мал, и воспитала меня моя мать. Она рассказала мне о том, что я был очень неуправляемым юнцом и подбивал соседских детей на всяческие выходки. Еще она рассказала мне, что в возрасте двух-трех лет я уже выказывал отвращение к мысли о смерти. Мои домашние обнаружили, что они могут унять мой плач, говоря о смерти или притворяясь мертвыми. Точно таким же образом они кляли конец и моим безобразиям.

Учение Конфуция было тогда в этой области в большой моде, и поэтому, когда пришел срок, меня отправили к учителю, который, стоя с розгами в руке, заставлял нас заучивать наизусть «Великое Учение».¹⁵ Когда я подошел к тому отрывку, где говорится, что «путь великого учения заключается в выявлении сиятельной добродетели», я запнулся на словах «сиятельная добродетель». Я никак не мог понять, что же они значат.

Помнится, я спросил однажды группу ученых-конфуцианцев о сиятельной добродетели. Что это такое? Что это значит? Но никто из них не смог мне ответить. Один из них сказал, что запутанные проблемы вроде моей относятся к тому, с чем имеют дело наставники дзэн. Он посоветовал мне обратиться к кому-нибудь из них, заметив, что он и его товарищи не знают, что есть сиятельная добродетель, так как все свое время они пос-

вящают дословному истолкованию конфуцианских писаний.

Я решил последовать его совету, но в те дни в этой области не было дзэнских храмов и мне довольно долго не удавалось сделать это.

Затем я решил, будь что будет, но я все равно доберусь до этой сиятельной добродетели. Я стремился также объяснить это моей матери прежде, чем она уйдет из этой жизни. В надежде разрешить мою проблему я посещал проповеди. Если я слышал, что где-то поблизости будет проводиться проповедь, я немедленно бежал туда. После я возвращался домой и сообщал моей матери то, что там было сказано. Однако сиятельная добродетель оставалась за пределами моего понимания.

В конце концов мне удалось найти наставника дзэн.¹⁶ Он сказал мне, что если я хочу овладеть пониманием сиятельной добродетели, мне следует заняться дзадзэн. Я приступил к практике дзадзэн. Я ушел в горы и сидел в дзадзэн семь дней. Усевшись в позу дзадзэн, я, не принимая во внимание свое здоровье, сидел до тех пор, пока не падал от усталости, а так как я находился в горах и некому было принести мне еды, то в течение многих дней я вообще ничего не ел.

После этого я вернулся домой. Я выстроил себе небольшую хижину и затворился в ней. Я возглашал Нэмбуцу и входил в Нэмбуцу-самадхи, проводя долгое время без сна.¹⁷ Я перепробовал все, что только было возможно, но это не привело меня к пониманию.

В конце концов пагубное влияние многолетних самоистязаний привело к тому, что я тяжело заболел. А я, несмотря на все мои усилия, все еще не постиг сиятельную добродетель. Состояние мое постепенно ухудшалось. Я становился все слабее и слабее и начал харкать кровью.

Добрые люди, жившие поблизости, прислали кого-то присматривать за мной. Но болезнь уже достигла критической стадии. В течение целой недели я не мог проглотить ничего, кроме небольшого количества рисового отвара. Я был обречен на смерть и уже рассматривал это как нечто неизбежное, но не чувствовал никакого сожаления по этому поводу. Единственное, что меня беспокоило, было то, что мне приходится умирать, так и не раскрыв смысл сиятельной добродетели, к которой столь долго были обращены все мои устремления. Затем я почувствовал, что в моем горле возникло какое-то странное ощущение. Я харкнул на стену. Небольшой черный комочек слизи скатился вниз по стене. Мне показалось, что боль в моей груди утихла. Внезапно, именно в этот момент меня озарило. Я постиг то, что до сих пор от меня скрывалось: *абсолютно все противоречия разрешены в Нерожденном*. Я понял также, что то, чем я занимался в течение всего этого времени, было ошибкой. Я понял, что все мои усилия были напрасны.

Болезнь моя стала отступать. Мой аппетит вернулся ко мне. Я обрадовался этому и позвал человека, при-

смастривавшего за мной, сказал ему, что хочу есть, и попросил его приготовить немного риса. Это желание показалось ему странным, так как он думал, что я стою уже на пороге смерти, но он тут же приступил к приготовлению пищи. Я упледел две или три чаши риса и стал постепенно выздоравливать. Итак, я исполнил свой обет, а после смог привести свою мать к пониманию Нерожденного.

С тех пор и до сего дня я не встретил никого, кто смог бы опровергнуть мое учение. Если бы за время моих странствий я встретил кого-то, обладающего истинным пониманием Дхармы, то мне не пришлось бы тратить напрасно так много усилий. Но я не встретил такого человека и продолжал заниматься болезненными и бессмысленными аскетическими практиками, подвергая свое тело столь суровым испытаниям, что след их и поныне сказывается на моем здоровье. Вот почему я не могу выходить сюда и встречаться с вами так часто, как мне бы хотелось.

После того как я осознал, что *абсолютно все противоречия разрешены в Нерожденном*, мне захотелось обсудить это с кем-нибудь. Когда я раздумывал о том, кого бы мне посетить, мой мастер рассказал мне о некоем наставнике по имени Гудо из провинции Мино.¹⁸ Он отозвался о нем как об отличном учителе и посоветовал мне отправиться к нему. Я принял его совет и направился в Мино, но когда я туда добрался, Гудо был в отъезде

в Эдо и я не смог встретиться с ним. Я подумал, что раз уж я проделал столь долгий путь, то мне стоит посетить других наставников дзэн в этой области, чтобы не возвращаться ни с чем.

Одному из них я представился как дзэнский монах из провинции Харима и сказал, что пришел к нему издалека для того, чтобы получить его наставления. Он изложил мне учение дзэн. После того как он закончил говорить, я сказал: «Я понимаю, что мне вообще-то не пристало говорить, но все же я хотел бы сказать Вам кое-что. Простите меня за недостаток почтительности. Все, что сказали мне Вы, и то, что говорили мне все остальные, все это правильно. Не то чтобы я был не согласен с этим. Однако, так или иначе, у меня возникает чувство, подобное тому, как если бы я попытался почесать свою ногу, обутую в туфлю. Она по-прежнему чешется. Ваши поучения не достигают цели, не затрагивают самую суть».¹⁹

Мои слова несколько не обескуражили его и он ответил: «Конечно. Все обстоит точно так, как ты сказал. Мы учим других так же, как обучали нас. Мы следуем наставлениям мастеров прошлого, которые содержатся в сутрах и дзэнских писаниях. Мне стыдно признаться в этом, но то, чему мы учим вас, не подкреплено просветлением. Так как в действительности мы не достигли просветления, то вполне понятно, что ты говоришь о нашем учении как о неспособном зат-

ронуть то место, где чешется. Ты смог увидеть это и понял, что я на самом деле из себя представляю. Ты, конечно же, необыкновенный человек».

Естественно, что при таких обстоятельствах мне не представлялось возможным принять от кого-то из них подтверждение моему опыту. Я вернулся домой и вновь уединился. И вот тогда, когда я размышлял о природных способностях обычных людей и тех способах, с помощью которых можно наставлять их в Пути, я услышал о приезде Дося в Нагасаки. По настоянию моего учителя Умпо я посетил его, и, как я уже сказал вам ранее, он подтвердил мое просветление. Итак, вы видите, что в свое время я испытывал большие затруднения в том, чтобы найти кого-то, кто мог бы дать мне настоящее подтверждение моего просветления.

Я предстаю здесь перед вами именно по этой причине. Если кто-либо из вас достиг просветления, то вам повезло, что рядом с вами есть некто, могущий дать вам подтверждение того, что вы действительно достигли. Если вы верите в то, что достигли просветления, вам следует сказать об этом. В противном случае вам стоит внимательно прислушаться ко мне и самим убедиться в том, о чем я говорю. Тогда вы просветлитесь. Когда вы говорите о «Будде» или о «патриархе», [помните, что] это всего лишь имена. Это слова, которые остаются после того, как они по-

являются или «рождаются», и слова эти отдалены от того места, где обретается Нерожденное, а потому они вовсе не являются хоть сколько-нибудь важными.²⁰ Когда вы пребываете в Нерожденном, вы находитесь в самом источнике будд и патриархов. Никому не известно, где пребывает человек, твердо убежденный в том, что сознание будды является Нерожденным. Это неизвестно даже буддам и патриархам.

Если вы утвердитесь в Нерожденном, то тогда просто, без каких-либо затруднений или усилий, вы суть Татхагата, живой Будда. У вас откроется око, прозревающее сердца других людей, и вы сможете увидеть все сущее из этой совершенной точки вашей самореализации. Я никогда не ошибаюсь в своих суждениях о людях, так же, как и любой другой, кто обладает оком Нерожденного. Когда-то именно из-за этого наша школа именовалась «Ясноокой школой». А поскольку эта способность возможна оттого, что вы пребываете в нерожденном сознании будды, нашу школу называют также школой «сознания будды».

До тех пор, пока вы сами не поймете того, что я говорю вам, вы можете считать, что в это трудно поверить. Вы можете даже подумать, что я пытаюсь ввести вас в заблуждение. Но придет тот день, когда вы действительно поймете это, и в тот же день и на том же месте, кто бы вы ни были, вы сможете прозревать сердца других людей. Тогда вы и узнаете, что все мной сказан-

ное — истинно. Стремитесь к обретению Пути ради этого грядущего дня. Если бы я лгал вам, то после моей смерти мне вырвали бы за это язык. Неужели вы думаете, что я стоял бы здесь и лгал вам, зная, что из-за этого я попаду в ад?²¹

Нерожденная Дхарма исчезла и в Японии, и в Китае, очень долго она была забыта. Но теперь она вновь появилась в этом мире. С того момента как вы убедитесь в том, что нерожденная, всеосвещающая мудрость и есть сознание будды, ваша вера в это станет непоколебимой.

С тех пор, как вы вне всяких сомнений постигнете, что чудесная всеосвещающая мудрость Нерожденного есть сознание будды и что сознание будды приводит все сущее в гармонию посредством Нерожденного, ни-кто впредь не сможет сбить вас с пути истинного. С этого дня и на протяжении бесчисленных будущих калып вы суть нерожденные, истинные будды.

Когда я впервые стал провозглашать нерожденную Дхарму, люди не понимали ее. Они думали, что я проповедую какую-то ересь или же принимали меня за христианина.²² Они боялись меня. Никто не подходил ко мне близко. Но вскоре они осознали свою ошибку и совершенно точно узнали, что я преподношу им истин-

ную Дхарму. Теперь многие осаждают меня, взывая ко мне о помощи, и просят меня принять их.

Всему свое время. С тех пор как я стал жить в этом храме, прошло уже более сорока лет, а поскольку я неустанно проповедовал свое учение в этих краях, здесь можно найти немало людей, превосходящих глубиной своего понимания многих мастеров.

В корне всех ваших иллюзий лежит эгоизм. Когда вы не привержены к своему «я», нет никаких иллюзий. Если люди, сидящие рядом с вами, начнут ссориться, то вы легко сможете определить, кто из них прав, а кто нет, поскольку сами вы не вовлечены в этот спор. Вы наблюдатель, и поэтому храните спокойствие. Ну а что если вы участвуете в споре? Тогда вы станете на свою сторону и будете противостоять другому человеку. А сражаясь друг с другом, вы обращаете свое сознание будды в сознание сражающихся демонов-асуров.

Сознание будды наделено чудесной всеосвещающей мудростью, поэтому то, что вы сделали и испытали в прошлом, не может не отразиться в нем. Но если вы цепляетесь за эти образы, когда они отражаются, то вы, сами того не зная, творите иллюзии. Мысли уже не существуют там, где отражаются эти образы; они вызваны вашим

прошлым опытом и возникают тогда, когда то, что вы видели и слышали в прошлом, отражается в сознании будды. Изначально мысли лишены действительной сущности. Поэтому если они отражаются [в сознании будды], лучше просто позволить им отразиться и позволить им возникнуть, если они возникают. Не думайте о том, чтобы остановить их. Если они не возникают, позвольте им не возникать. Не уделяйте им внимания. Оставьте их в покое. Тогда иллюзии не будут появляться. А поскольку нет никаких иллюзий, когда вы не обращаете внимания на отражающиеся образы, то, несмотря на то, что образы эти могут отражаться в сознании, это все равно как если бы они и не отражались в нем. Тогда могут возникнуть тысячи мыслей, но все же они не причинят вам беспокойства и вам не придется очищать свое сознание от мыслей — нет ни одной мысли, от которой нужно было бы избавиться.

В первый день двенадцатого месяца Банкэй обратился к собранию с такими словами:²³

— В моих храмах все время — и день, и ночь — является временем, предназначенным для практики. Я не поступаю как все остальные и не говорю вам, что к практике следует приступать тогда-то и тогда-то.

Однажды некий монах задремал в моем храме. Другой монах увидел это и ударил его палкой. Я упрекнул его: «Зачем же бить его, когда он наслаждается сном? Неужели ты думаешь, что он покидает свое сознание будды, когда спит?» Нет, нет, я вовсе не склоняю вас к тому, чтобы вы здесь заснули. Но если кто-то заснет, то вы совершите большую ошибку, если ударите его. Впредь ничто подобное не должно происходить здесь. Мы никого не наказываем и не хвалим за сон более, чем мы наказываем или хвалим его за бодрствование.

Если вы бодрствуете, вы бодрствуете. Если вы спите, вы спите. Когда вы спите, вы спите в том же сознании будды, в котором вы бодрствовали. Когда вы бодрствуете, вы бодрствуете в том же сознании будды, в котором вы спали. Вы спите в сознании будды, когда вы спите, и бодрствуете в сознании будды, когда вы бодрствуете. Таким образом, вы всегда пребываете в сознании будды. Вы ни на мгновение не отделены от него.

Вы ошибаетесь, если думаете, что люди изменяются во время сна. Если бы вы пребывали в сознании будды только тогда, когда вы не спите и превращались во что-то иное, когда засыпаете, то это не соответствовало бы истинной Дхарме Будды. Это значило бы, что вы всегда находитесь в состоянии перерождения.

Все вы здесь старательно трудитесь над тем, чтобы стать буддами. Поэтому вы наказываете тех из вас, кто засыпает [в неподобающее время]. Но это неправильно. При рождении каждый из вас получил от своей матери сознание будды. Вместо того чтобы пытаться стать Буддой, просто пребывайте в нерожденном сознании, спите и бодрствуйте в нем, и вы будете настоящим Буддой в своей повседневной жизни — и всегда. Нет ни одного мгновения, когда вы не были бы Буддой. Поскольку вы всегда суть Будда, то в дополнение к этому нет никакого другого Будды, которым можно было бы стать. Вместо того чтобы пытаться *стать* Буддой, гораздо более короткий и легкий путь — просто *быть* Буддой.²⁴

Нерожденное сознание будды совершенно свободно и спонтанно реагирует на все, что предстает перед ним. Но если кому-либо из вас случится изменить сознание будды мыслью, то вы потеряете эту свободу. Позвольте мне привести этому пример. Представьте себе, что некая женщина занята шитьем. И тут в комнату заходит ее подруга и заговаривает с ней. Пока она слушает ее и шьет в Нерожденном, она не испытывает затруднений ни с тем, ни с другим. Но вот она пере-

водит свое внимание на слова своей подруги, и, когда она обдумывает, что бы ей ответить, мысль возникает в ее сознании, а руки ее останавливаются; если же она обращает все свое внимание на шитье и думает об этом, то она слышит не все, что говорит ее подруга, и беседа не клеится. И в том, и в другом случае ее сознание будды не находится в Нерожденном. Она обратила его в мысль. Когда мысли фиксируются на чем-то одном, они лишают сознание свободы.

То, что я называю «Нерожденным», является сознанием будды. Это сознание будды является нерожденным и наделено чудесной добродетелью всеосвещающей мудрости. В Нерожденном все сущее находится на своих местах и пребывает в совершенной гармонии. Когда все, что вы совершаете, находится в согласии с Нерожденным, у вас открывается око, прозревающее сердца других людей, и вы понимаете, что все, кого вы видите, суть настоящие будды. Познав великую ценность сознания будды, вы не сможете позволить себе покинуть его ради иллюзий. Но до тех пор, пока вы не познаете его великой ценности, вы будете создавать иллюзии во всем, что бы вы ни делали, и будете жить как непросветленный человек.

Я вижу, что сегодня здесь присутствует много женщин. По сравнению с мужчинами женщины более склонны к тому, чтобы испытывать беспокойство. Даже чего-то совсем незначительного может быть достаточно для того, чтобы обеспокоить вас и обратить ваше нерожденное сознание будды в сражающегося демона-асура, невежественное животное или извивающегося голодного духа, утопить вас в потоке иллюзий и создать предпосылку к последующему перерождению во многих различных формах. Вам следует обратить особое внимание на все, что я говорю.

В домах с прислугой на работу часто нанимают мальчиков и девочек. Некоторые из них не всегда осторожно обращаются с вашими вещами и иногда могут разбить ценное блюдо, вазу или что-либо еще. Пусть даже это было что-то такое, о чем и вовсе не стоило бы упоминать, но глаза ваши наливаются кровью. В гневе своем вы строго наказываете провинившегося. Но как бы вы ни ценили это блюдо или чашку, она не была разбита преднамеренно. Это просто случайность и с этим уже ничего не поделаешь. Однако вы все равно гневаетесь и загрязненность ваших эгоистичных мыслей превращает драгоценное сознание будды, которым вы были наделены от рождения, в сражающегося демона-асура. А ведь всегда можно купить другую чашку. Чай остается чаем, пьете вы его из обычной чашки или же из бесценной корейской чаши, но устранить последствия, вызванные гневом и невежеством, очень не легко.

Ну а теперь, если вы действительно поняли то, что я сказал о чашке, вам следует также знать, что то же самое относится и ко всему остальному. Что бы ни случилось, не обращайтесь свое сознание будды в сражающихся демонов-асуров. Не ввергайте его в состояние неведения, не позволяйте вашим эгоцентричным мыслям обращать его в голодных духов. Тогда вы будете естественно пребывать в сознании будды. Познав великую ценность сознания будды, вы никоим образом не сможете уклониться от пребывания в Нерожденном, даже если вы и не хотите этого. Я хочу, чтобы вы осознали, сколь важно не обращать сознание будды в три яда,²⁵ а поэтому вам придется внимательно выслушать меня и впредь быть внимательными с тем, чтобы не превращать сознание будды во что-либо иное.

Некоторые люди, услышав то, что я говорю о Нерожденном, полагают, что я сам создал это учение. Такое мнение ошибочно. Если вы просмотрите сутры и прочие буддийские тексты, то вы обнаружите, что учение о Нерожденном так или иначе провозглашалось и в прошлом.²⁶ Патриархи школы дзэн упоминали о нем. Это учение исходило из золотых уст самого Шакьямуни. Даже дети знали об этом. Однако вы всегда встретите только

слова «нерожденное, неумирающее» и нигде не указано, что же является «нерожденным, неумирающим». Я же в свою очередь начал учить людей, впервые объяснив им, что есть Нерожденное [сознание будды]. Те, кто не знают об этом, ошибочно полагают, что я придумал эти слова сам (т.е. что учение о Нерожденном не является истинно буддийским учением, освященным авторитетом Будды).

Будучи молодым человеком, стремящимся постичь сознание будды, я беседовал с наставниками дзэн и принимал участие в мондо (*вэнь да*) на китайском языке. Я очень усердно учил его. Но, для того чтобы задавать вопросы, относящиеся к Пути, нам, японцам, лучше пользоваться своим языком, языком, на котором мы говорим каждый день. Так как мы не очень-то сильны в китайском языке, то когда нам приходится задавать на нем такие вопросы и на нем же получать ответы, мы испытываем определенные затруднения в том, чтобы полностью выразить себя и сказать именно то, что мы хотим сказать. Но если мы пользуемся своим языком и говорим как обычно, то нет ничего, о чем мы не могли бы спросить. Вместо того чтобы путаться в дебрях китайского языка, нам следует говорить на том языке, который для нас удобнее, освободившись от давления и ограничений чужого языка. Конечно, если бы мы не

могли достичь просветления, не овладев китайским, то в первую очередь я порекомендовал бы вам приступить к его изучению. Но в действительности мы можем без каких-либо затруднений спросить о Пути и постичь его, воспользовавшись для этого своим родным языком. Вы должны помнить это, и если вы хотите спросить меня о чем-либо, не сомневайтесь. Спрашивайте об этом своими словами, и я помогу вам выяснить истинный смысл вашего вопроса. А раз уж вы можете разрешить таким образом все свои проблемы, то что же тогда может быть для вас более удобным, как не тот самый японский язык, на котором вы говорите каждый день?

В большинстве своем люди неверно представляют себе, что такое сознательный подход к жизни и смерти. Они считают, что если кто-то принимает решение умереть на следующий день, если он точно предсказывает дату своей смерти и действительно умирает в тот день своей смертью, или если он способен продлевать свою жизнь по своей воле, то это и есть сознательный подход к жизни и смерти. Таковы их представления об этом. Сам я не возражаю против того, что в некотором смысле все это можно назвать примером сознательного подхода к жизни и смерти. Но так как подобные способности являют-

ся результатом долгих занятий и специальной тренировки, то ими могут овладеть даже те, в ком не открылось еще око Нерожденного. Да кто угодно может узнать день своей смерти. Но поскольку в подобном случае их око Нерожденного закрыто, они не имеют ни малейшего представления об истинном смысле сознательного подхода к жизни и смерти.

Человек Нерожденного пребывает за пределами колеса рождений-смертей (сансары). Вот что я имею в виду: тот, кто является нерожденным, является также и неумирающим, поэтому он находится за пределами колеса рождений-смертей. Когда кто-то умирает, не тревожась о жизни и смерти, о бесконечной смене рождений и смертей, о рождении и смерти, каковы суть бытие сансары, то я называю это сознательным подходом к жизни и смерти. Рождение и смерть занимают каждое мгновение двадцати четырех часов суток; смерть приходит к вам в течение вашей жизни не единожды, не только тогда, когда вы перестаете дышать. Если вы живете, не тревожась о жизни и смерти, вы всегда живете так, что, когда бы ни пришла смерть, пусть даже прямо сейчас, она не беспокоит вас. Вот что я называю «сознательным подходом к жизни и смерти». Это есть жизнь, утвержденная в сознании будды. Прилюдно объявлять о том, что вы умрете в такое-то время определенного дня, и постоянно держать это в своих мыслях — можете ли вы представить себе подобную несвободу и скованность?

От людей сангхи вы часто можете услышать о том, что сансара, или колесо рождений-смертей, это то же самое, что нирвана.²⁷ Но, говоря об этом, они рассуждают с позиций сансары, поэтому, фактически, она не имеет ничего общего с нирваной. Они совершают подобную ошибку потому, что они все еще не постигли присущее им нерожденное сознание будды. Нет никакого смысла в том, чтобы искать подтверждение тому, что «сансара есть нирвана» где-либо еще и опутывать себя словами и письменными знаками, обращая свое нерожденное сознание будды в мысль «сансара есть нирвана» — скованные сансарой ни днем, ни ночью не имеют они ни минуты покоя. Поскольку сознание будды является Нерожденным, оно не имеет ничего общего ни с сансарой, ни с нирваной. Если смотреть на них из Нерожденного, они подобны призрачным теням. Но если тот, кто вчера еще был погружен в сансарическое бытие, осознает сегодня свою ошибку и перестанет обращать свое сознание будды к трем ядам, то, поскольку сознание будды наделено чудесной всеосвещающей силой, отныне и впредь он будет пребывать в сознании будды, освободившись от всего, что связано с такими вещами, как сансара. Когда физическим элементам его тела придет время рассеяться в смерти, он полностью отдаст свое тело этому рассеянию и умрет без сожалений и привязанностей. Такой человек

проживает в своей жизни истинный смысл выражения «сансара есть нирвана» и в то же время совершенно сознательно подходит к жизни и смерти.

Я всегда убеждаю людей просто жить в нерожденном сознании будды. Я не пытаюсь заставить вас делать что-либо еще. Здесь у нас нет особых правил, но раз уж вы собрались вместе и решили проводить ежедневно по шесть часов (время курения двенадцати благовонных палочек) в дзадзэн, я позволил вам поступить так, как вам хочется. Такой отрезок времени был отведен для занятий дзадзэн. Но не стоит привязывать нерожденное сознание будды к этому отрезку времени. Заниматься дзадзэн — значит пребывать в сознании будды. Не блуждайте в иллюзиях, не ищите просветления вне сознания будды. Просто сидите в сознании будды, стойте в сознании будды, спите в сознании будды, пробуждайтесь в сознании будды, действуйте в сознании будды, и тогда вы будете действовать как настоящий Будда во всем, что вы совершаете в своей повседневной жизни. Нет ничего превыше этого.

Вернемся к дзадзэн. Сознание будды постоянно совершает дзадзэн. Дзадзэн не ограничивается тем временем, в течение которого вы сидите. Вот почему, если вам

необходимо сделать что-то в то время, пока все остальные сидят, вам позволяется встать и заняться своим делом. Вы вольны сами выбрать себе занятие. Вы можете в течение получаса совершать кинхин.²⁸ Но нельзя же все время ходить, поэтому вы садитесь и в течение другого получаса занимаетесь дзадзэн. Вы не можете все время спать, поэтому вы просыпаетесь. Вы не можете постоянно разговаривать, поэтому вы прекращаете беседу и занимаетесь дзадзэн. Вы не связаны какими-то жестко установленными правилами.

В наши дни, куда бы вы ни пошли, вы увидите, что наставники дзэн используют в обращении со своими учениками «старые орудия» (т.е. методы обучения дзэн).²⁹ Похоже, что они считают, будто бы без них ничего нельзя сделать. Они неспособны учить непосредственно и не могут выступить вперед, представ перед своими учениками без своих орудий. Ох, уж эти безглазые бонзы и их «дзэнские методы»! Лишись они своих костылей, так и вовсе не смогут общаться с людьми.

И что еще хуже, так это то, что они говорят своим ученикам, будто бы до тех пор, пока они не воздвигнут в своем сознании «огромный шар сомнений» и не сумеют пробиться сквозь него, у них якобы не может быть никакого продвижения в дзэн.³⁰ Вместо того чтобы обучить их жить нерожденным сознанием будды, они начинают с того, что любыми средствами принуждают своих учеников воздвигнуть в своем сознании этот шар сомнений.

Люди, не имевшие прежде сомнений, попадают под их тяжкий гнет. Они обращают свое сознание будды в «шар сомнений». Это достойно сожаления.

Мое учение не имеет ничего общего ни с дзирики, ни с тарики.³¹ Оно превыше и того и другого. Вот вам мое доказательство: если сейчас, в то время как вы смотрите на меня и слушаете то, что я говорю вам, зачирикает воробей или закаркает ворона, или кто-нибудь скажет что-то, или ветер зашелестит листьями, то, хотя вы сидите здесь, не намереваясь услышать это, вы услышите и различите каждый звук. Так как сами вы не прислушивались, то это не ваше *личное усилие*. С другой стороны, что пользы было бы вам в том, если бы кто-то другой слушал и различал для вас эти звуки. Поэтому это и не *сила другого*. Вот почему я могу сказать, что мое учение не имеет ничего общего ни с личным усилием, ни с силой другого — оно превыше и того и другого. Когда вы слушаете в Нерожденном, вы слышите каждый звук таким, каков он есть. То же самое можно сказать и обо всем остальном, ибо совершенно все освещается в Нерожденном. Ни один из тех, кто живет в Нерожденном, не связан ни своим личным усилием, ни силой другого. Он находится за пределами и того, и другого.

Я много скитался по всей стране и тратил свое время и силы на аскетические упражнения, а все потому, что хотел открыть свое сознание будды. Однако моя аскеза привела меня к тяжелой болезни и я на себе узнал все, что связано с болезнями. Каждый, кто рождается в этом мире, получает телесную форму, и в связи с этим подвержен болезням. Но вы не будете обеспокоены страданием, которое обычно сопровождает болезнь, если вы утвердитесь в нерожденном сознании будды. Болезнь и страдание различны: болезнь есть болезнь, страдание есть страдание. Будучи изначально нерожденным, сознание будды не затронуто ни болью, ни радостью. Поскольку оно является нерожденным, сознание будды совершенно не привязано к мыслям, а так как единственно возникновением мысли обусловлено ощущение и боли, и радости, то до тех пор, пока сознание будды пребывает как есть в своей изначальной нерожденности, необеспокоенное и непривязанное к болезни, оно не испытывает страдания. Но если при возникновении мысли вы начинаете беспокоиться о своей болезни, вы сами создаете себе страдание; вы обращаете свое сознание будды в страдание. Даже адские страдания ничем не отличаются от этого состояния.

А теперь предположим, что кто-то страдает от того, что он очень обеспокоен своей болезнью. Его болезнь может уже сходиться на нет, но все же он очень волнуется и о самой

болезни, и о том, что лекарство вроде бы не действует, и о том, что врач, как ему кажется, профан; этим он обращает свое сознание будды в разнообразные болезненные мысли до тех пор, пока болезнь в его сознании не становится большим источником страдания, чем болезнь его тела. В то время как он пытается избежать страданий, вызванных болезнью, заполнив свое сознание бешеным круговоротом мыслей, сама болезнь может уже сойти на нет и он может быть уже совершенно здоров. Но теперь он страдает от того, что обеспокоен мыслями, крутящимися в его сознании, мыслями, которые возникли и усилились за время его болезни и в ходе выздоровления.

Однако если тот, кто болен, скажет, что он не страдает, то его можно назвать лжецом. Он находится в неведении относительно того, как проявляется чудодейственная мудрость сознания будды. Даже если он чеством своей клянется, что он вовсе не страдает, то это значит лишь то, что его страдание всего-навсего приняло форму нестрадания. Такой человек никак не может освободиться от страдания. Поскольку сознанию будды присуще проявление всеосвещающей мудрости, которой оно способно распознавать не только страдание, но и все сущее (все вещи/дхармы), то даже когда приходит болезнь, сознание будды остается незатронутым болью и страданием. Тем не менее, поскольку вы все равно будете думать о своей болезни, то лучше уж в такое время отдаться болезни — если вам действительно больно, можно и постонать. Тогда вы всегда — и когда вы

больны, и когда вы здоровы — будете жить в нерожденном сознании будды. Но вам следует помнить, что, когда в ваше страдание вовлекается мысль, сознание будды обращается в *мысль* о болезни или в *мысль* о страдании, которая отлична от самой болезни или страдания, а это их только усугубит.

Изначально нерожденное сознание будды свободно от всех мыслей, поэтому до тех пор, пока человек не ведает о нерожденности сознания будды, он страдает оттого, что обращает его в мысль. Сколь бы громогласно ни отрицал он свое страдание, его отрицание — фраза «я не испытываю страданий» — является всего лишь [абстрактным] определением, выведенным из его мыслей. Он никак не может быть непривязанным к страданию, но может считать, что он не испытывает страданий, поскольку не утвердился еще в нерожденном сознании будды, что не привязано к рождению и смерти, каковые суть причина страдания.

ОТВЕТЫ ВОПРОШАЮЩИМ

Некий монах сказал Банкэю:

— От рождения я наделен скверным характером. Я очень раздражителен. Меня часто охватывают вспышки гнева. Мой мастер постоянно укоряет меня за это, однако это не приводит ни к малейшему улучшению. Я знаю, что мне следует справиться с этим, но так как я родился с таким скверным характером, то, невзирая на все мои старания, мне никак не удастся избавиться от него. Что же мне сделать для того, чтобы исправиться? Я надеюсь, что на этот раз с помощью Вашего учения я смогу исцелить себя. Затем, по возвращении домой я смогу предстать перед своим мастером, и это, несомненно, будет благотворно воздействовать на меня до конца моей жизни. Пожалуйста, скажите, что мне делать.

Банкэй ответил:

— Экое у тебя любопытное наследство. Твой характер сейчас при тебе? Дай-ка мне его и я исцелю тебя.³²

Монах:

— Сейчас я не злюсь. Мой характер проявляется неожиданно, когда что-то провоцирует меня.

Банкэй:

— Значит, ты не был рожден с ним. Ты сам создаешь его при появлении какого-либо повода. Где был бы твой характер, если бы ты не проявлял его? Ты сам связал себя своим характером, потому что из-за своего

эгоизма ты противопоставляешь себя другим людям с тем, чтобы все было по-твоему. А после ты несправедливо обвиняешь своих родителей в том, что они отяготили тебя скверным характером. Какой же ты непочтительный сын!

При рождении каждый человек получает от своих родителей сознание будды. Свои иллюзии вы творите сами, исходя только из эгоистической привязанности к себе. Глупо считать, что ваши иллюзии являются чем-то унаследованным. Где находится твой характер тогда, когда ты не проявляешь его? Все иллюзии одинаковы — они не существуют, если вы сами не способствуете их возникновению. Вот что никому не удается понять. Поэтому вы создаете из своих эгоистичных желаний и загрязненных умственных привычек нечто, что не является врожденным, и считаете, что это досталось вам по наследству. Из-за этого вы неспособны избежать омраченности [иллюзиями] во всем, что бы вы ни делали.

Получается, что вы лелеете свои иллюзии, дабы превращать в них сознание будды и продолжать быть омраченными. Если бы вы только познали великую ценность сознания будды, то никогда более вы не смогли бы опять стать омраченными, даже если бы вам и захотелось этого. Хорошенько запомните это: если вы не омрачены [иллюзиями], вы — Будда, просветленный. Вы не сможете стать Буддой как-то иначе.

Поэтому придвиньтесь ко мне поближе и слушайте внимательно.

Вы создаете свои вспышки гнева, когда органы ваших шести чувств [зрение, слух, обоняние, вкус, осязание и сознание] стимулируются какими-то внешними обстоятельствами и побуждают вас к тому, чтобы противопоставлять себя другим людям, поскольку вы желаете утвердить свои представления как единственно верные. Если нет привязанности к себе, то нет и иллюзий. Поймите это.

Ваши родители передали всем вам при рождении сознание будды. И ничего иного. Но что же вы сделали с ним? Еще с того времени, когда вы были маленькими детьми, вы видели и слышали людей, которые срывались по пустякам. Вы приучились к этому и тоже стали раздражительными, поэтому вы позволяете себе впадать в приступы гнева. Однако глупо считать, что это у вас врожденное. Если вы поймете сейчас, что вы ошибались, и впредь не позволите своему характеру возникать, то у вас не будет характера, о котором можно было бы беспокоиться. Вместо того чтобы пытаться исправить его, лучше просто не позволять ему возникать. Это самый быстрый способ, не правда ли? Пытаться справиться с ним после того, как он проявился — это весьма затруднительно, да к тому же и бесполезно. Для начала просто не гневайтесь, и тогда не будет нужды

избавляться от характера. Не останется ничего, от чего можно было бы избавиться.

Когда вы поймете это и прекратите способствовать возникновению этого вашего характера, вы обнаружите, что у вас нет также и других иллюзий, даже если бы вам хотелось обратного, ибо вы будете постоянно пребывать в нерожденном сознании будды. Нет ничего иного.

Моя школа известна также как школа «сознания будды», ибо все находится в совершенной гармонии, если вы живете и работаете в нерожденном сознании будды. Живите в сознании будды и вы будете настоящим Буддой. Это и есть бесценное *прямое указание*.³³ Я хочу, чтобы вы полностью доверились тому, что я говорю вам. Просто делайте так, как я сказал. Для начала попытайтесь оставаться в Нерожденном на протяжении тридцати дней. С тех пор как вы познаете, что значит жить в Нерожденном, вы обнаружите, что жить вне Нерожденного просто невозможно. Оно естественно вернется к вам, и даже если бы вы не хотели этого или устали от него, вы никак не сможете уклониться от жизни в Нерожденном и от его облагораживающего воздействия. Все, что вы будете делать, будет находиться в согласии с Нерожденным. Вы будете живым Буддой.

Вам следует слушать мои слова так, как если бы вы пришли в этот мир только сегодня. Если вы чем-то обеспокоены, если у вас имеются какие-то предубеждения, то вы не сможете по-настоящему воспринять то, что я говорю. Но если вы слушаете меня так, как если бы вы были новорожденными детьми, то это было бы подобно тому, как если бы вы слушали меня впервые в жизни. Поскольку в этом случае ваше сознание ничем не отягощено, вы можете постичь его сразу же, с одного единственного слова, и полностью проникнетесь Дхармой Будды.

Некая мирянка из Идзумо, пришедшая на затвор, потому что она что-то слышала о Банкэе и его учении, спросила:

— Судя по тому, что вы говорите, все, что нам надлежит делать — это просто и без усилий пребывать в сознании будды. Не кажется ли вам, что это слишком уж легковесно?

Банкэй:

— Легковесно? Вы ни во что не ставите сознание будды, вы гневаетесь и обращаете его в сражающегося демона-асура. Вы потворствуете своим эгоистич-

ным желаниям и обращаете сознание будды в голодного духа. Вы делаете что-нибудь глупое и обращаете его в животное. Окутавшись иллюзиями, вы обращаете сознание будды во все что угодно — это легковесно, а не мое учение. Нет ничего важнее и достойнее почитания, чем жизнь в сознании будды. Вы можете считать, что мои убеждения о необходимости пребывания в сознании будды легковесны, но поверьте мне, это происходит оттого, что это так тяжело, что вы неспособны на это.

Эти мои слова могли вызвать у вас представление о том, что жизнь в сознании будды — весьма трудное занятие. Но если вы внимательно прислушиваетесь к моему учению, хорошо его понимаете и живете в сознании будды, то легко и просто, не выполняя [для этого] никакой тяжелой работы, вы суть настоящие Будды уже здесь и сейчас.

Услышав то, что я сказал, вы могли решить, что пребывать без усилий в сознании будды проще простого. Но на самом деле это нелегко, потому что вы продолжаете превращать его в сражающегося демона-асура, голодного духа или животное. Вы гневаетесь даже по пустякам. Поступая так, вы создаете предпосылки к последующему перерождению в облике демона-асура. Поэтому, хотя вы можете и вовсе не знать об этом, вы тратите время своего пребывания в человеческом облике на создание первостатейного

демона-асура. И, конечно же, если вы столь упорно работаете над этим, вы будете сражающимся демоном не только во время этой жизни — после своей смерти вы окажетесь в сфере бытия демонов-асуров, даже не сомневайтесь в этом.

Из-за своей эгоистичности вы тщательно трудитесь над тем, чтобы омрачить свое сознание будды жадностью и страстными желаниями, а так как это является причиной перерождения в мире голодных духов, то вы, сами того не зная, прокладываете себе дорогу к перерождению в облике голодного духа. Вы готовитесь к посмертному падению в сферу бытия голодных духов.

Из-за своих эгоистичных мыслей и установок вы хватаетесь то за одну мысль, то за другую, бессмысленно беспокоясь о том, что не приведет вас ни к чему хорошему. А дальше вы уже неспособны остановиться и обращаете сознание будды в неведение. Неведение является причиной перерождения в облике животного. Уже сейчас, пока вы живете здесь в этом мире, создавая причину своей столь пагубной судьбы, очевидно, что, когда вы умрете, вы окажетесь в сфере бытия животных.

Я вижу, что люди, сами не зная об этом, посвящают свои жизни подготовке предпосылок своего последующего перерождения в трех плохих мирах.³⁴ Это достойно сожаления. Но если вы не обращаете

свое сознание будды в сражающегося демона-асура, голодного духа или животное, то вы, несомненно, естественно пребываете в сознании будды.

Мирянка:

— Да, конечно. Это правда! У меня просто нет слов, чтобы отблагодарить Вас.

Некий монах:

— Вы учите людей, что им следует жить в Нерожденном. Мне кажется, что этим вы убеждаете их вести бесцельную и бессмысленную жизнь.

Банкэй:

— Ты называешь пребывание в Нерожденном сознании будды бессмысленным? Ты сам не находишься в сознании будды. Вместо этого ты всегда с воодушевлением работаешь над чем-то другим, делаешь то и это, тратишь все свое время на то, чтобы превращать сознание будды в нечто иное. Что может быть более бессмысленным?

Монах ничего не ответил.

Банкэй:

— Живи в Нерожденном. Это вовсе не бессмысленно.

Некий монах:

— Жить в нерожденном сознании будды так, как вы говорите об этом, значило бы жить в состоянии неведения, быть совершенно бесчувственным.

Банкэй:

— А что если бы кто-то подошел к тебе сзади и ударил тебя ножом в спину? Ты бы почувствовал боль?

Монах:

— Конечно, я бы почувствовал боль.

Банкэй:

— Значит, ты вовсе не бесчувствен, не так ли? Если бы ты был бесчувственным, то боли бы не было. Ты чувствуешь ее, потому что ты не бесчувствен и никогда таковым не был. Доверься мне и живи в нерожденном сознании будды.

Некий монах:

— Вы говорите людям о пребывании в Нерожденном, но мне кажется, что это значит быть совершенно безразличным ко всему.³⁵

Банкэй:

— Предположим, что кто-то подойдет к тебе сза-

ди и ткнет тебе в спину горящий факел. Ты почувствуешь жжение?

Монах:

— Конечно.

Банкэй:

— Значит, ты не безразличен. Как может тот, кто чувствует жар, быть безразличным? Ты чувствуешь его, потому что ты не безразличен. Ты нисколько не затруднишься отличить горячее от холодного и для этого тебе не приходится думать о том, как провести подобное различие. Уже само то, что ты задал этот вопрос о безразличности, свидетельствует о том, что ты не безразличен. Тебе вовсе не сложно почувствовать, безразличен ли ты или нет — а это потому, что ты не безразличен. Сознание будды, с присущей ему всеосвещающей мудростью, способно с чудесной точностью различать все что угодно. Как может тот, кто способен думать, быть безразличным? Безразличный человек не станет думать. Могу заверить тебя, что ты не безразличен и никогда таковым не был.

Некий монах:

— Не знаю почему, но мне иногда кажется, что мое сознание блуждает где-то очень далеко. Не мог-

ли бы Вы помочь мне сделать так, чтобы мое сознание не сбегало от меня?

Банкэй:

— Все люди получают при рождении от своих родителей изумительно яркое и всеосвещающее нерожденное сознание будды. Никто и никогда не бывает отделен от него. С твоей рассеянностью все обстоит точно так же. На самом деле твое сознание нигде не блуждает. Просто ты не знаешь о сознании будды, поэтому, вместо того чтобы пребывать в нем, ты обращаешь его во все другие вещи. Даже если ты слушаешь что-то, ты не можешь по-настоящему понять это — в действительности ты не слышишь этого. Ты не рассеян, ты обращаешь сознание будды во все эти вещи.

Стал бы тот, чье сознание действительно блуждает где-то, спрашивать об этом? Если бы твое сознание было в каком-то другом месте, ты вряд ли задал бы этот вопрос. Ты не отделен от своего сознания, даже когда ты спишь, потому что, если кто-нибудь станет тебя будить, ты ответишь ему и проснешься. Ты не был отделен от своего сознания в прошлом, ты не будешь отделен от него в будущем и ты не отделен от него сейчас. Никто из вас никогда не был отделен от своего сознания точно так же, как никто из вас не является непросветленным. Каждый из вас был рожден с сознанием будды. Оно ваше по праву.

Впредь относитесь ко всему так же, как сейчас, в этот момент, когда вы слушаете меня, и вы будете пребывать в нерожденном сознании будды. Люди приобретают плохие привычки, стремятся к личной выгоде и нисходят в иллюзии единственно из-за загрязненности, идущей от желаний и эгоистичных страстей. Покидая сознание будды, люди становятся непросветленными. Но нет изначально непросветленных людей.

Представьте себе двух людей, идущих вместе по одной дороге. Один из них крадет чужие вещи, а другой нет. Хотя тот, кто крадет, является человеком ничуть не меньше, чем его спутник, он помечен особым именем — вор. Куда бы он ни отправился, это имя последует за ним по пятам. Но другого человека никто не назовет вором, и он не отягощен таким именем. Вор подобен человеку заблуждающемуся, а тот, кто не крадет и не заблуждается, подобен человеку Нерожденного, который живет в сознании будды.

Ни одна мать не производила еще на этот свет вора. Дело вот в чем. Вор, будучи еще ребенком, приобретает, сам того не зная, пагубные наклонности, забирая себе то, что принадлежит другим людям. Шаг за шагом, по мере того как он взрослеет, его эгоизм выступает на первый план до тех пор, пока он не становится искусным вором и уже не может удержаться от того, чтобы что-нибудь не стянуть. Если бы он не

начал воровать, ему не нужно было бы останавливаться. Но он не замечает своего падения. Он заявляет, что его стремление к воровству не может быть остановлено, потому что он прирожденный вор. Это несусветная чушь. Люди становятся ворами, перенимая плохие привычки других людей, и, подражая им, из жадности крадут чужую собственность, делая это по своей воле. Как же можно называть это врожденным?

Вор может оправдываться тем, будто бы у него плохая карма, и говорить вам, что сам он не может с этим справиться, не может удержаться от воровства из-за своей плохой кармы. Но он не скажет ни одного слова о своих эгоистичных желаниях, которые укоренили в его характере эту отвратительную привычку. Крадет он не из-за кармы. Само воровство и есть карма. Предположим, что причиной воровства все же является карма, пусть даже склонность к воровству является врожденной, все равно даже и в таком случае вор может осознать, что он занимается дурным делом, и перестать воровать. Неправда, что он не может остановиться. Если бы он ничего не крал, у него не было бы причин перестать воровать.

Даже закоренелый разбойник, человек, на которого вчера еще с опаской показывали пальцем, может осознать сегодня несправедность своих действий, а если начиная с этого момента он станет жить в своем сознании будды, то отныне и впредь он будет живым Буддой.

Когда я был еще мал, в этом округе жил известный грабитель Каппа, который был чем-то похож на знаменитого разбойника по имени Кумасака Тёхан.³⁶ Он промышлял на больших дорогах и обладал одной странной способностью: он мог с одного взгляда определить, сколько денег имеет при себе тот человек, на которого он смотрит. И что удивительно, он никогда не ошибался в этом. Однажды его схватили и заключили в тюрьму в Осаке, но, поскольку он согласился стать тайным агентом стражей порядка, ему отменили смертный приговор и выпустили на свободу. Позже он стал известным буддийским скульптором, адептом школы Чистой Земли и с миром скончался в Нэмбуцу-самадхи.³⁷

Исправив пути свои, даже такой закоренелый разбойник, как Каппа, умер в состоянии глубокого духовного подъема, вызванного надеждой на перерождение в Чистой Земле. Так где же тот человек, который ворует из-за своей пагубной кармы и тяжести своих грехов? Воровство само по себе и есть пагубная карма. Воровство и есть грех. Если вы не воруете, у вас нет ни кармы, ни греха. Вы сами определяете, воровать вам или нет, а карма здесь ни при чем.

Но не думайте, что все, сказанное мной сейчас, относится только к воровству. Это точно так же применимо по отношению к любым иллюзиям, ибо все они одинаковы. Только от вас зависит, есть у вас иллюзии или нет. Если вы оупутаны иллюзиями, вы непросветленный че-

ловек; если нет — вы Будда. Помимо этого нет более краткого пути к тому, чтобы быть Буддой. Каждый из вас должен запомнить это.

Некий мирянин:

— Говорят, что Вы можете читать мысли других людей. Правда ли это?³⁸

Банкэй:

— В моей школе нет места подобным странностям.³⁹ Даже если бы я, благодаря нерожденности сознания будды, действительно обладал такой способностью, я не стал бы ей пользоваться. Люди думают, что я могу читать мысли, когда они слышат, как я обращаюсь с проблемами тех, кто приходит ко мне за наставлениями. Я не могу читать мысли. Я ни в чем не отличен от любого из вас. Если вы пребываете в сознании будды, что является источником всех присущих Буддам сверхъестественных способностей, все ваши проблемы разрешаются [сами собой] и все находится в совершенной гармонии и без того, чтобы вам приходилось обращаться к подобным силам. Поэтому мне нет нужды заниматься всеми этими побочными делами. Все, что необходимо истинной нерожденной Дхарме для того, чтобы полностью явить себя, — это *прямое указание* на вас и ваши жизненные проблемы.

Некий мирянин:

— Вот уже в течение долгого времени я усердно практикую [дзадзэн], но каждый раз, когда мне кажется, что я достиг чего-то, что уже не ускользнет от меня, я вновь оказываюсь на начальной ступени. Что я могу сделать для того, чтобы от меня не ускользал результат практики?

Банкэй:

— Живи в нерожденном сознании будды. Тогда не будет никакого отступления. Не будет нужды в продвижении. Любая мысль или желание достичь чего-то уже является отклонением от Нерожденного. Человек Нерожденного не имеет ничего общего ни с продвижением, ни с отступлением [в практике]. Он превыше и того, и другого.

Некий монах:

— Уже много лет я работаю над коаном «Лис Хякудзё». ⁴⁰ Только я сам знаю, сколь упорно я сосредоточивался на нем, но мне все никак не удается уловить его суть. Я думаю, что это происходит оттого, что я неспособен достичь полной концентрации сознания. Если позволите, я хотел бы получить Ваши указания.

Банкэй:

— Я не заставляю людей тратить свое время на никчемные старые документы вроде этого (имеется в виду «Мумонкан»). Ты не знаешь еще о своем нерожденном сознании будды и его всеосвещающей мудрости, поэтому я расскажу тебе о нем. Это прояснит для тебя все. Слушай внимательно.

Банкэй преподнес ему учение о Нерожденном, и монах совершенно уверился в нем. Известно также, что впоследствии этот монах стал отличным наставником.

Другой монах (слышавший все вышеизложенное):

— Если это истинно, то что же тогда Вы скажете о всех старых коанах? Неужели они бесполезны и необязательны?

Банкэй:

— Когда мастера дзэн прошлого представляли перед теми, кто приходил к ним, каждое их слово и движение соответствовало моменту. Так они, лицом к лицу со своими учениками, реагировали на них и их вопросы. Их ответы не предполагают ничего иного. Как же я могу сказать тебе, было ли это обязательным и полезным или нет. Если бы все вы просто пребывали в сознании будды, а это все, что вам надлежит делать, то это разрешило

бы все ваши проблемы. Почему же ты хочешь отправиться [куда-то еще] и раздумываешь, чем бы тебе заняться? В этом нет никакой необходимости. Просто пребывай в Нерожденном. Ты стремишься выполнить какую-то побочную работу, но ты занят лишь порождением иллюзий. Перестань этим заниматься. Оставайся в Нерожденном. Нерожденное [сознание] и его чудесная всеосвещающая мудрость полностью постигаются [только] в сознании будды.

Некий наставник сказал:

— Представьте себе, что прямо сейчас перед Вами появится трижды калека [человек, одновременно слепой, глухой и немой].⁴¹ Как бы Вы обошлись с ним?

Банкэй:

— Ты, должно быть, очень уважительно относишься к подобным калекам, раз уж ты провел так много времени, изучая их и страстно желая вступить в их ряды. Однако прямо сейчас, в этот момент, ты вовсе не являешься трижды калекой. Вместо того чтобы пытаться стать одним из них — что было бы весьма затруднительно — тебе следует заглянуть вглубь себя. Поскольку ты лишен упомянутых тобой недостатков, то именно это является для тебя делом первоочередной важности. Если ты будешь

носиться вокруг да около с подобными разговорами, то это тебя ни к чему не приведет. А сейчас удели внимание тому, что я тебе скажу.

Банкэй всегда выделял для монахов школы Рицу, приходивших к нему на затворы, отдельный маленький храм.⁴² Среди участников великого зимнего затвора в Рюмондзи были пятьдесят три монаха этой школы. Двое из них спросили Банкэя:

— Мы соблюдаем все двести пятьдесят буддийских предписаний. Мы верим в то, что это способствует достижению состояния будды. Как Вы считаете, хорошо это или плохо?

Банкэй:

— В этом нет ничего плохого. Это хорошо. Но я не могу сказать, что это самое лучшее. Постыдно лишь то, что вы кичитесь своими правилами словно неким знаком отличия и называете себя «школой Предписаний», как будто вы думаете, что это превыше всего. Изначально Будда предназначал эти предписания для тех нечестивых монахов, которые поступали вопреки Дхарме. В двухстах пятидесяти предписаниях перечислены различные прегрешения, совершавшиеся такими отступниками. Благочестивые монахи не воспринимали эти предписа-

ния как что-то, направленное в их сторону, ибо они не шли против Дхармы. Непьющему человеку нет нужды в предписаниях против употребления алкоголя. Тому, кто ничего не крадет, нет нужды в предписаниях против воровства. Предписания против лжи не нужны правдивому человеку. Вы говорите мне о том, что вы блюдете все предписания, но в действительности только нечестивый монах может задумываться над тем, соблюдать ли ему предписания или нарушать их. Когда вы говорите: «Мы — школа Предписаний», и ставите предписания превыше всего, то этим вы заявляете, что вы — нечестивые монахи. Это подобно тому, как если бы кто-то, будучи добрым человеком, пытался выставить себя злодеем. Не думаете ли вы, что это достойно сожаления?

Сознание будды является Нерожденным. Если вы живете в согласии с ним, то с самого начала нет различия между соблюдением и несоблюдением [предписаний], ибо это всего лишь обозначения, возникающие вследствие [недостойного поведения]. Они удалены от места [пребывания] Нерожденного.

Так эти монахи обрели глубокое понимание учения Банкэя. Перед уходом они поблагодарили мастера и сказали ему, что они полностью постигли истинность его слов.

Во время проведения затвора множество женщин из провинций Тамба, Танго, Идзумо и Мино пришли на встречу с Банкэем. Некоторые из них глубоко скорбели

о смерти родителей. Другие неутешно горевали из-за потери детей. Они пришли к Банкэю в надежде на то, что он сумеет облегчить боль их тяжелых утрат.

Вот что он сказал им:

— Скорбь, что испытывают родители, потерявшие своего ребенка, и скорбь сына или дочери, потерявших своих отца или мать, во всем мире одна и та же. Глубока карма, связующая воедино родителей и детей. Когда смерть забирает кого-то из них, скорбь естественна. И все же, сколь бы велика ни была ваша скорбь, мертвых не вернуть. Следует ли вам провести всю свою жизнь в непрерывной печали, горюя о том, что вам уже никак не изменить? Слышали ли вы когда-нибудь о том, что кому-то удалось вернуть мертвого к жизни благодаря глубине своей скорби? Конечно, нет. А раз уж мертвые не вернутся, не предавайтесь напрасной скорби. Вместо этого займитесь-ка лучше дзадзэн, прочитайте какую-нибудь сутру или возложите за них цветы к алтарю и воскурите благовония. Это и будет настоящим проявлением вашего почтения к родителям или вашей любви к своим детям.

Пока вы еще не знаете этого, но, предаваясь скорби, на самом деле вы создаете препятствия для умерших. Все вы оплакиваете своих родителей или детей из жалости к ним. Вы думаете, что делаете это ради их спасения. Однако в действительности вы наносите им вред. Своими обетами скорби вы не проявляете к ним жалости, но действуете так, как если бы вы были настроены

против них. Если это так, то, оплакивая их, вы поступаете как нельзя лучше. Но если вы испытываете к ним истинное сострадание, то вы должны прекратить оплакивать их. Вы поступаете неверно, если вы оплакиваете их из жалости. Вы не могли бы сделать ничего глупее, чем денно и нощно обращать все свои мысли к своей печали, оплакивая непоправимое, переполняя каждую мысль грустью и сожалением, без толку проливая потоки слез, причиняя всем этим вред своему здоровью и совершенно не воспринимая то, что пытаются сказать вам другие люди. Это лишено смысла. Не забывайте о том, что глупость является причиной перерождения в облике животного. Если вы умрете в таком состоянии сознания, то вы, несомненно, попадете вместе со своими родителями и детьми прямиком в сферу бытия животных, а если это произойдет, то вам придется провести это существование в постоянных схватках друг с другом.

Каждый человек приходит в этот мир ни с чем иным, как с сознанием будды, что он получил от своих родителей. Если ваши родители или ваши дети служат причиной тому, что вы обращаете свое сознание будды в состояние неведения, то в глубине себя вы уже живете как самое настоящее животное. Это истинно не только во время вашей жизни, но и после смерти, ибо вы попадете прямо в сферу бытия животных, где дети и родители постоянно грызутся между собой и цапают друг друга когтями. Неужели вы видите в этом нечто достойное

похвалы? Я уверен, что вы согласитесь со мной в том, что это абсурдно и достойно порицания.

Слушайте внимательно. Естественно, что родители испытывают сострадание к своим детям и столь же естественно, что дети преданы своим родителям. Но если ребенок, умерев прежде своих родителей, огорчает их и вызывает у них чувство глубокой скорби, ведущее их к перерождению в облике невежественных животных, то можно ли назвать такого ребенка почтительным к своим родителям? Конечно, нет. Из-за этого и родители, и их ребенок окажутся в неблагоприятных сферах бытия.

Если родители позволяют себе впасть в скорбь о том, что уже нельзя изменить, и омрачатся [иллюзиями] из-за [смерти] своего ребенка, то сами они обращаются в животных и отправляют своего любимого ребенка в ад. Может ли это быть названо проявлением родительской любви? Нет, это ненависть. Точно таким же образом ребенок, смертью своей обративший своих родителей в животных, глубоко непочтителен. Родители, обратившие из-за своего ребенка свое сознание будды в животных, отправляются вместе с ним в ад и сражаются там друг с другом как смертельные враги.

Теперь вы видите, что если вы лишились своих родителей или детей и неумно скорбите об этом, то скорбью своей вы обрекаете их на огромные страдания. Оплакивая их, вы причиняете им вред. Могли бы вы так оплакивать их, зная об этом? Я так не думаю. А посему

почитайте-ка лучше вместо этого какую-нибудь сутру, или займитесь дзадзэн, или возложите цветы и воскурите благовония для их высшего блага. Этим вы гораздо лучше проявите свое чувство жалости и сострадания к ним. Может случиться и так, что неверующий человек, перенесший потерю того, кого он любит, воспрянет в истинной вере и станет стремиться к благому перерождению. Можно сказать, что ушедший спас его, ибо веру он обрел в связи со своей утратой. Если смерть ребенка обращает его родителей к вере, то можно сказать, что в ней есть и воздаяние. Он будет делать для них много больше, чем он успел сделать для них при жизни.

Неужели вы думаете, что ребенка, спасшего своих родителей таким проявлением сыновней почтительности, ждет неблагоприятное перерождение? Нет. Спасены и родители, и ребенок. Если благодаря своему ребенку родители обретают веру и живут в нерожденном сознании будды, то даже его смерть в какой-то мере возмещается им, ибо ребенок в таком случае выступает по отношению к ним в роли доброго учителя.⁴³

Хорошо, что все вы преодолели столь долгий путь в это холодное время года ради того, чтобы встретиться со мной и попытаться облегчить скорбь в сердцах ваших. Если вы хотите, чтобы ваше паломничество действительно имело смысл, возвращайтесь теперь по домам. Если вы пришли сюда для того, чтобы об-

легчить свои страдания, то не уносите свою скорбь обратно. Оставьте ее здесь со мной и идите домой без нее. Если вы полностью поняли смысл того, что я сказал, то вы не будете опять предаваться скорби и печали, зная о том, что это только навредит вам и вашим любимым.

Но если кто из вас не сможет положить конец своим печалям, то помните, что этим вы обращаете свое сознание будды в неведение. Ребенок попадет в ад за грех обращения своих родителей в состояние неведения, а родители, обратившие свое сознание будды в неведение из-за смерти своего ребенка, попадут вместе с ним в сферу бытия животных. Если же кто-нибудь скажет вам, что вы должны горевать и предаваться скорби, то вам не стоит прислушиваться к такому совету. Неужели вы будете горевать, зная о таких последствиях?

И тогда женщины, пришедшие к Банкэю с сердцами, пораженными скорбью, сказали:

— Мы понимаем все, что Вы нам сказали. Вы очистили наше сознание от страданий. Мы глубоко благодарны Вам, и у нас просто нет слов, которыми мы могли бы отблагодарить Вас в полной мере.

Банкэй:

— Хорошо! Я хочу, чтобы вы оставались такими, как сейчас, и после того, как вы уйдете из этого храма и вернетесь домой.

Женщины:

— Мы уверились в том, что Вы сказали нам. Оплакивать ушедших — значит причинять им вред, а мы не хотим этого. В своем неведении мы не осознавали того, что делаем. Отныне и впредь мы будем всегда оставаться в Нерожденном и никогда не обратим свое сознание будды во что-либо иное.

Главным объектом поклонения в храме Рюмондзи была статуя бодхисаттвы Каннон, которую Банкэй собственноручно вырезал из дерева.⁴⁴ Во время одной из проповедей некий монах из Осю, засмотревшийся на нее, перебил Банкэя на полуслове:

— Эта статуя — новый Будда или старый?

Банкэй:

— А как тебе кажется?

Монах:

— Новый Будда.

Банкэй:

— Если тебе кажется, что это новый Будда, то пусть так и будет, и на этом можно остановиться. Тебе непременно нужно было спросить меня об этом? Поскольку ты не знаешь еще о том, что Нерожденное — это сознание будды, ты задаешь бессмысленные вопросы вроде

этого, думая, что это и есть дзэн. Вместо того, чтобы мешать окружающим своими дурацкими вопросами, сядь, помолчи немного и прислушайся к тому, что я говорю.

Некий монах сказал:

— Иногда, когда я крепко сплю, мне снятся сны. Почему нам снятся сны? Что они значат?

Банкэй:

— Когда ты крепко спишь, сны тебе не снятся. Твои сны значат только то, что ты спишь некрепко.

Монах ничего не ответил.

Некий мирянин из провинции Идзумо поклонился Банкэю и спросил:

— Правда ли, что тот, кто достиг просветления, вот как вы, например, может видеть миры прошлого, настоящего и будущего так же легко, как если бы он глядел на свою ладонь?⁴⁵

Банкэй глянул на него и спросил:

— Ты заранее подготовил этот вопрос или он возник у тебя прямо сейчас?

Мирянин:

— Этот вопрос возник у меня не тогда, когда я задал его. Я подготовил его заранее.

Банкэй:

— В таком случае можно отложить его на потом. Прежде всего, ты должен познать самого себя. А до тех пор, пока ты не совершишь этого, как бы я ни описывал тебе, как выглядят эти три мира, ты не сможешь понять то, что я говорю, поскольку сам ты не видишь их. Если ты познаешь себя, то вопрос о видении или невидении трех миров разрешится сам собой. Мне незачем рассказывать тебе о трех мирах и тебе незачем просить меня об этом. Вместо того, чем тебе следовало заняться сегодня, обратившись к самой сути своей, ты приходишь сюда с никчемными вопросами о том, о чем тебе на самом деле нет нужды спрашивать, и попадаешь мимо цели; ты направляешь свои усилия в неверном направлении. Это подобно тому, как если бы ты подсчитывал чьи-то деньги, зная, что сам ты не получишь из них ни одной монетки.

Послушай то, что я скажу тебе. Самое важное для тебя — познать самого себя. Если ты последуешь моим наставлениям и полностью удостоверись в их истинности, ты станешь живым Буддой. Тогда ты поймешь, как ты ошибался, когда носился вокруг да около с ненужными вопросами вроде того, что ты задал мне, и не станешь более направлять свои усилия туда, куда не следует.

Некий монах на протяжении двадцати лет практиковал дзадзэн с таким усердием, что даже спал урывками. Он прибегал к различным методам достижения просветления, но все тщетно. Однажды он услышал о Банкэе и его учении и пришел встретиться с мастером. Банкэй немедля преподнес ему учение Нерожденного. Монах выслушал его и тут же пришел к пониманию:

— Учения, подобного этому, не было никогда прежде. Теперь я вижу, что все эти годы я ошибался.

Банкэй:

— Даже двадцать лет упорной практики не сравнятся с одним словом «Нерожденное», что я сказал сегодня.

Монах:

— Да, Вы совершенно правы. Все обстоит именно так, как Вы говорите.

ПРОПОВЕДИ В ХРАМЕ ХОСИНДЗИ

В конце осени третьего года Гэнроку (1690) Банкэй переправился через Внутреннее море в город Маругамэ, что находится в провинции Сануки, и провел проповеди в храме Хосиндзи.⁴⁶

Двадцать третий день восьмого месяца: дневная проповедь

— То, чему я учу вас в этих своих проповедях, есть не что иное, как нерожденное сознание будды, [исполненное] всеосвещающей мудрости. Все вы наделены сознанием будды, только вы не знаете этого. Ради того, чтобы это стало известно вам, я выхожу к вам и говорю все это.

Итак, вы наделены сознанием будды, но что это значит? Все вы, присутствующие здесь сегодня, пришли сюда из желания услышать то, что я скажу. Если бы сейчас, в то время как вы слушаете меня, за стенами храма залаяла собака, то вы услышали бы это и поняли, что это лает собака. Если бы закаркала ворона, вы бы услышали это и поняли, что это каркает ворона. Вы услышали бы голос взрослого человека как голос взрослого человека, а голос ребенка как голос ребенка. Пришли вы сюда вовсе не для того,

чтобы слушать лай собаки, воронье карканье или какие-либо другие звуки, что могут донестись до вас во время этой беседы из-за пределов храма. Но все же, поскольку вы находитесь здесь, вы услышали бы все эти звуки. Глаза ваши видят и различают разнообразные оттенки цветов, а нос ваш может отличить хорошие запахи от плохих. Вы никак не могли знать заранее, что вы увидите и услышите здесь, но тем не менее вы распознаете все эти непредвиденные зрительные образы и звуки без какого-либо предварительного обдумывания. Это возможно потому, что вы видите и слышите в Нерожденном.

То, что вы действительно видите и слышите именно так, без возникновения у вас мысли или намерения [увидеть или услышать нечто], доказывает, что присутствующее [вам] сознание будды является нерожденным и обладает чудесной всеосвещающей мудростью. Нерожденное проявляет себя в том, что мысль «я хочу увидеть» или «я хочу услышать» не рождается. Если вы услышите, что воеет собака, то пусть даже десять миллионов людей хором скажут, что это воронье карканье, я сомневаюсь, что вы поверите в это. Очень маловероятно, что им удастся обмануть вас. А все благодаря чудесной чуткости и нерожденности сознания будды. Я говорю, что вы видите и слышите в «Нерожденном», потому что ваше сознание «не рождает» никакой мысли или намерения видеть или слы-

шать. Поэтому оно является *нерожденным*. Будучи нерожденным, оно является также и неумирающим, ибо невозможно исчезнуть тому, что не было рождено. Поэтому я и говорю о том, что все люди наделены нерожденным сознанием будды.

Все Будды и бодхисаттвы вселенной и все в этом мире людей наделены им. Но не ведая о том, что вы обладаете сознанием будды, вы пребываете в иллюзиях. Почему вы омрачены иллюзиями? Из-за вашего эгоизма. Что это значит? Предположим, что вы услышите, что ваш сосед распространяет о вас какие-то слухи. Вы разозлитесь. Каждый раз, встретившись с ним на улице, вы будете чувствовать негодование. Вы будете думать, о, что за глупый и злобный человек! Все, что бы он ни сказал, будет представляться вам в черном свете. Гневаясь и выходя из себя, вы обращаете свое единое сознание будды в пагубную сферу бытия сражающихся демонов-асуров.

Если же ваш сосед похвалил вас или сказал что-то, что вам понравилось, то это вызовет у вас радость, даже если вы ничем не заслужили такой похвалы и радость ваша исходит из все той же эгоистической привязанности к себе.

А теперь остановитесь и взгляните на то, откуда появилось это ваше «Я». Когда вы появились на свет, ваши родители не дали вам никаких мыслей, но одно только сознание будды. Потом, когда у вас сформирова-

ровался разум, вы, наблюдая за тем, как другие люди совершают дурные поступки, и слушая их невежественные речи, переняли у них все это. К тому времени, когда вы повзрослели, эти пагубные привычки уже очень глубоко укоренились в вас. Теперь, потворствуя себе и своим предвзятым представлениям, вы обращаете свое сознание будды на путь демонов-асуров. Если вы жаждете того, что принадлежит другим людям, вы вступаете на путь голодных духов и обращаете свое сознание будды в эту сферу бытия. Вот что известно как перерождение.

Если вы полностью поймете смысл того, что я только что сказал, и не станете гневаться, не будете думать о том, что вы должны чем-то овладеть, или считать, что что-то другое вам не нравится, то это и есть, в сущности, нерожденное сознание будды. Вы будете живым Буддой.

Я всегда говорю людям о сознании будды. Делаю я это потому, что сам я, будучи еще юношей, очень упорно пытался постичь сознание будды. Я искал помощи у буддийских учителей, беседовал с ними и расспрашивал их о разнообразных сомнениях и неопределенности, что я чувствовал. Никто из них не смог мне помочь. Поэтому я продолжал вести очень суровую аскетическую практику. Я занимался дзадзэн. Я удалялся в горы и подвергал себя тяжким испытаниям. Но все это нисколько не помогло мне. Я не про-

двинулся хоть сколько-нибудь ближе к пониманию сознания будды.

В конце концов, когда мне исполнилось двадцать шесть лет, оно внезапно явилось мне и я достиг своей самореализации. С тех пор я возвещаю о сознании будды всем людям. Я уверен в том, что никто кроме меня не научит вас этому с такой всеобъемлющей полнотой.

Со слов моих вы можете понять, что моя практика продолжалась на протяжении многих долгих лет и что я постиг свое сознание будды только после великих трудов. Но вы легко можете постичь свое сознание будды прямо сейчас, не прибегая для этого к такой длительной и небезопасной для вашего здоровья практике. Всем вам очень повезло.

С тех пор, как я познал чудесное сознание будды, я повсюду возвещаю о нем. Многие люди утвердились в сознании будды. Конечно, это [учение] не есть что-то, что я узнал от какого-то буддийского учителя. Я самостоятельно обнаружил его. Поэтому то, что я говорю о сознании будды, исходит непосредственно из моего опыта и знания. Если у вас есть какие-либо вопросы, задавайте их мне и я отвечу вам.

Однажды, когда я был в Эдо, некий конфуцианец задал мне несколько вопросов. Я думаю, что вам будет полезно услышать об этом. Он сказал: «Мне не составляет труда принять то, что вы говорите о “не-

рожденном, неумирающем»». Это вполне обоснованно. Пока в теле есть силы, уши слышат звуки, глаза видят и различают предметы, нос распознает запахи, язык чувствует оттенки вкуса и говорит, и все это происходит без сознательного вмешательства каких-либо мыслей, направленных на то, чтобы делать это. Но когда тело умирает, оно не может ответить на обращенные к нему речи; оно не может отличить один цвет от другого и не чувствует запахов. Вряд ли в подобном случае можно говорить о нерожденном и неумирающем».

Этот довод в основе своей неверен, хотя сперва он может показаться вполне резонным. Но мы можем воспользоваться им, дабы сделать более понятным истинный смысл выражения «нерожденное, неумирающее». Так как наше тело является тем, что было рождено и составлено из временно соединившихся вместе элементов земли, воды, огня и воздуха, то, поскольку ничто рожденное не может избежать исчезновения, наше тело тоже должно однажды исчезнуть.⁴⁷ Сознание будды является нерожденным; тело можно сжечь огнем или похоронить, но о сознании будды этого сказать нельзя. Нерожденное сознание будды просто делает это рожденное тело своим временным домом. Пока оно находится в теле, оно может видеть, слышать, чувствовать запахи и так далее. Но когда тело исчезает и сознание будды теряет свое местопо-

бывание, оно уже больше не может этого. Тело, будучи созданным, подвержено жизни и смерти, но сознание, изначально являющееся нерожденным сознанием будды, не подвержено им. То же самое и со смертью, или нирваной, Будды Шакьямуни: *нэ* [в японском слове «*нирвана*» — прим. ред.] — это нерожденное, а *хан* — неумирающее сознание. И то и другое указывает на Нерожденное.⁴⁸

Слушайте меня внимательно, ибо все, что я говорю, имеет самое непосредственное отношение к унаследованному вами сознанию будды. Самое важное для вас — самим постичь его.

Изначально в вас нет никакой омраченности, но вы позволяете своим нечаянным ошибкам обращать ваше сознание будды в мысль. Вор, например, сперва крадет только какие-то безделицы. Затем он приходит к выводу, что воровство является на удивление удобным способом приобретения различных вещей. Поэтому он выходит за пределы мелких краж и становится законченным грабителем. Однако в конце концов его выслеживают, связывают, бросают в тюрьму, и ему приходится предстать перед лицом закона. Когда же после этого его подвергают наказанию, он забывает обо всех своих преступлениях и гневается на слуг закона за то, что они так суровы с ним. Я уверен, что вы согласитесь со мной в том, что он очень заблуждается. Он обратил свое сознание будды на путь голодных духов и животных.

У меня есть небольшая обитель в Ямасина близ Киото.⁴⁹ Когда я останавливаюсь там, я ежедневно хожу в Киото, проходя по дороге Аватагути, где располагается тюрьма. Там выставляют на всеобщее обозрение отрубленные головы преступников на кольях. Это прискорбное зрелище, но оно являет собой действенный пример того, что может повлечь за собой ошибка, кажущаяся сперва весьма незначительной. Пусть этот урок побудит вас оставаться непосредственно в сознании будды, чтобы вы не были омрачены иллюзиями, привязанностями и эгоистичными страстями, что являются источником всех ваших пагубных привычек, растающих постепенно в ваш характер.

Первое требование для любого человека, состоящего на службе, — всецелая верность. Не должно быть никаких мыслей о себе; все что вы делаете, вы делаете ради своего господина. Такое проявление совершенной верности своему господину есть одновременно и проявление сыновней почтительности к вашим родителям. Если из-за своего эгоизма, который не был присущ вам при рождении, вы совершите нечто неподобающее или наносящее вред интересам вашего господина и не оправдаете его доверия, то тем самым вы обратите свое сознание будды на пагубные пути трех плохих миров, что является очень непочтительным по отношению к вашим родителям. Если же вы проявляете почтительность к своим родителям, то ваш господин почувствует эту почтитель-

ность и его благосклонность к вам возрастет, а когда ваши родители узнают об этом, они будут очень довольны. Таким образом, верность вашему господину является в то же время сыновней почтительностью, а сыновняя почтительность является верностью вашему господину. Это показывает, что вам непременно нужно обрести понимание нерожденного сознания будды.

Когда ваша мать родила вас на свет, у вас не было ни пагубных привычек, ни эгоистичных желаний; ваше сознание не испытывает стремления к тому, чтобы улаживать себя. Нет ничего, кроме сознания будды. Но где-то с возраста четырех или пяти лет вы стали наблюдать за людьми и копировать их неверное поведение, слушая их, вы переняли у них их неверное понимание. Неудивительно, что в подобных условиях у вас возникли эгоистичные желания, ведущие к очень сильной привязанности к себе, которая является источником всех ваших иллюзий и плохих дел. Если исчезнет привязанность к себе, то иллюзии не омрачат вас. Если вы живете в Нерожденном, то вы пребываете в неомраченности иллюзиями. Состояние будды и сознание будды не обретается нигде более, [кроме как в этой неомраченности иллюзиями, или просветленности].

Итак, если у кого-нибудь из вас есть какие-то сомнения, спрашивайте меня и я отвечу вам, чего бы ни касались ваши вопросы. Для этого я и нахожусь здесь. Ведь это же не вопрос о чем-то, что обладает преходящим

значением для вашей жизни в этом мире, а вопрос, имеющий отношение к вашему будущему существованию, что простирается перед вами в бесконечность. Если у вас есть какие-либо сомнения или вопросы, спрашивайте сейчас. Так как я не уверен, когда я смогу снова встретиться с вами, я прошу вас воспользоваться этой возможностью прояснить все, в чем вы испытываете затруднения. Если вы сможете прийти к совершенному пониманию нерожденной природы своего сознания будды, это принесет вам великую пользу.

Двадцать пятый день восьмого месяца: утренняя проповедь

Все вы собрались здесь перед рассветом, дабы выслушать то, что я скажу. Я расскажу вам о сознании будды, сознании Нерожденного.

Те из вас, кто дожил до пятидесяти лет, прожили эти пятьдесят лет в полном неведении относительно того, что вы обладаете сознанием будды. Если вам тридцать лет, то вы не ведали о своем сознании будды на протяжении тридцати лет, вплоть до этого утра. Вы прожили эти годы как во сне. Но если сегодня, присутствуя на этом собрании, вы придете к совершенному пониманию того, что вы обладаете нерожденным сознанием будды и станете жить в Нерожденном, то с этого момента и на

протяжении неисчислимых будущих калып вы — настоящий Будда.

Единственная причина, по которой я обращаюсь к вам с такими словами, заключается в том, что я хочу, чтобы все узнали о чудесной всеосвещающей ясности нерожденного сознания будды. Если вы утвердитесь в нем, вы будете являться сознанием будды, и будете ни в чем не отличны от самого Шакьямуни. Тело Будды (*Дхармакая*) станет вашим навсегда и никогда более не окажется вы на путях трех пагубных миров.

И все же, если вы постигнете на этом собрании свое сознание будды, а по возвращении домой позволите себе раздражаться и гневаться из-за чего-то, что вы увидите или услышите, то малейший всплеск гнева обратит нерожденное сознание, постигнутое вами в просветлении, на путь сражающихся демонов-асуров или голодных духов. Это будет даже еще более пагубным для вас, чем если бы это произошло до того, как вы узнали о Нерожденном, и послужит причиной вашего бесконечного круговращения в колесе сансары.

Я уверен, что никто из вас не скажет мне, что он настроен против того, чтобы стать Буддой. Вот почему я стараюсь преподнести вам мое учение. Если вы понимаете его, то отныне и впредь вы — живые Будды.

Как бы вы отреагировали на то, если бы я пришел сюда с тем, чтобы сказать вам, что вам не следует стать Буддами? Предположим, что вместо этого я предложил

бы вам отправиться в ад. Я не думаю, что нашлось бы много людей, желающих совершить такое путешествие. То, что вы присутствуете на этом собрании, только подтверждает это. Вы оставили свои теплые постели еще до рассвета с тем, чтобы прийти сюда, и сидите здесь, ибо ваше сознание направлено на то, чтобы стать Буддами. Впредь вы должны быть очень внимательными с тем, чтобы оставаться в сознании будды во всем что бы вы ни совершали.

Как вы думаете, почему мы родились в мире людей? Мы получили свое сознание и тело ради того, чтобы стать Буддами.⁵⁰ Стремление стать Буддой возникло во мне уже тогда, когда я был еще маленьким мальчиком. В течение долгого времени я очень упорно работал над этим. Я смог стать Буддой. Если вы не станете Буддами в этой жизни, то после смерти вы окажетесь в сфере бытия голодных духов или животных. Если вы окажетесь в сфере бытия животных, вы не сможете стать Буддами в течение сотен миллионов калып. Вы могли бы привести сюда корову или лошадь, и я преподнес бы им то же учение, что я даю вам. Но поймет ли его животное? Конечно нет. Когда вы станете животным, будет уже слишком поздно. Вы не сможете понять Дхарму, и у вас не появится стремление стать Буддой. Теперь, поскольку каждый из вас услышал о том, как проявляется сознание будды, вам следует стать нерожденным [Буддой] сегодня же и тем избежать перерож-

дений. Все это зависит только от вашего сознания.

Теперь вы, наверное, хотите узнать о том, как проявляется это нерожденное сознание будды. Если бы сейчас из-за пределов храма сюда донесся лай собаки или крик уличного торговца, то несмотря на то, что вы так внимательно слушаете меня, каждый из вас, благодаря проявлению сознания будды, что видит и слышит все в Нерожденном, услышал бы эти звуки, хотя никто из вас и не намеревался услышать их. Сознание будды, нерожденное и освещающее все сущее с совершенной ясностью, подобно чистому и безупречно отполированному зеркалу. Зеркало, как вам известно, отражает все, что предстает перед ним. Что бы ни появилось перед ним, зеркало безупречно отразит его форму, хотя у зеркала нет ни мысли, ни намерения сделать это. А когда этот объект исчезает, зеркало уже не отражает его, хотя оно не принимает решения прекратить отражать. Сознание будды проявляется точно так же. Благодаря жизненно важному проявлению нерожденного сознания будды, которое каждый из вас получил при рождении, вы видите и слышите все, что бы ни предстало перед вами, хотя вы не порождаете ни одной мысли о том, чтобы увидеть или услышать это.

Если сегодня, находясь здесь, вы не постигнете это сознание будды, то вряд ли вы сможете понять мое учение, сколь бы много раз вы ни приходили слушать меня. Но те, кто действительно понимают то, что я говорю о нерожденном сознании будды всего лишь после одной

встречи со мной — такие люди уже сейчас являются настоящими Буддами и будут ими в течение бесконечных будущих кальп.

Позвольте мне привести вам пример. Предположим, что вы не знаете, как добраться из Эдо в Киото и спросили об этом кого-то, кто знает дорогу. Вы четко и во всех подробностях зафиксируете в своем сознании все указания, что даст вам этот человек. Если вы в точности последуете его указаниям, то вы достигнете цели своего путешествия без каких-либо осложнений. Если все вы сегодня столь же внимательно прислушиваетесь к тому, что я говорю вам, и приходите к пониманию, то *здесь и сейчас* вы уже пребываете в сознании будды. Это *воистину* так. Если же вы не последуете указаниям о том, как добраться из Эдо в Киото, то вы наверняка собьетесь с пути и окажетесь в совершенно другом месте.

Итак, как видите, вам следует внимательно слушать то, что я говорю. Если вы отправитесь куда-то слушать других людей, то вряд ли вы найдете кого-то, кто расскажет вам о нерожденном сознании будды. Не вращайте множество бесполезных мыслей в своих головах. Примите решение, что вы не собираетесь более вращаться в колесе сансары. Не забывайте, что если вы упустите возможность стать Буддами в этой жизни, то вы не родитесь снова в мире людей и не получите такой возможности в течение миллионов кальп. Стало быть, вам во что бы то ни стало необходимо утвердиться в нерож-

денном сознании будды прямо сейчас и освободиться от иллюзий. Если вы совершите это, то все вы станете Буддами. Просветленными Буддами.

Я вижу, что сегодня здесь присутствует множество женщин. Как мне известно, многие женщины глубоко обеспокоены тем, что люди говорят, будто бы они не способны достичь состояния будды уже только потому, что они родились женщинами.⁵¹ Это неверно. Сейчас я обращаюсь к присутствующим здесь женщинам, поэтому слушайте меня внимательно. Как могут женщины хоть чем-то отличаться от мужчин в том, что касается сознания будды? Мужчины суть Будды. Женщины — тоже. Не стоит сомневаться в этом ни на секунду. Как только вы утвердите в своем сознании суть Нерожденного, вы и есть Нерожденный [Будда], мужчина вы или женщина. Мужчины и женщины выглядят по-разному. Все мы знаем это. Но в том, что касается их сознания будды, между ними нет различия толщиной даже в волос. Итак, не обманывайтесь внешними различиями.

Вот то, что докажет вам, что сознание будды является одним и тем же и в мужчинах, и в женщинах. Здесь собралось много людей. А теперь представьте себе, что кто-то за пределами храма начнет бить в барабан или звонить в колокол. Услышав эти звуки, примут ли женщины барабанный бой за колокольный звон или колокольный звон за барабанный бой? Нет. Между мужчинами и женщинами нет различия в восприятии этих

звуков. Это истинно не только по отношению к мужчинам и женщинам, ибо в этом зале присутствуют самые различные люди: старые и молодые, монахи и миряне, и так далее. Но в том, как слышат эти звуки монахи и миряне, нет никакой разницы. То, в чем нет разницы в восприятии звуков, есть Нерожденное, сознание будды, а оно равно присуще всем людям и суть одно и то же в каждом из вас. Когда мы говорим «это мужчина» или «это женщина», то эти обозначения являются результатом возникновения [различающей] мысли. Они появляются после [непосредственного восприятия]. В Нерожденном, до возникновения мысли, просто не существуют такие определения, как «мужчина» или «женщина». Это значит, что между сознанием будды мужчин и женщин нет никакого различия. Стало быть, нет никаких причин подвергать сомнению то, что женщины обладают сознанием будды.

Понимаете ли, вы всегда суть нерожденные [Будды]. Пребывая в сознании будды, вы живете, не осознавая того, что вы являетесь мужчиной или женщиной. Но предположим, что случится так, что вы увидите или услышите нечто, что обеспокоит вас; может быть, кто-то скажет вам, что вы ему не нравитесь или что-либо еще в том же роде. Вы позволите своему сознанию ухватиться за это, станете волноваться, и мысли заполнят ваше сознание. Вы можете почувствовать, что вам чего-то хочется или что вы несчастны, но если вы не позволите

всему этому сбить вас с пути и вызвать мысли о том, что с этим ничего не поделаешь, потому что вы *всего лишь женщина*, то вы обретете утверждение в Нерожденном. А тогда вы сами и есть Будда, равный не только всем прочим мужчинам и женщинам, но также и всем Буддам прошлого и будущего. Поэтому нет ни малейшего основания к тому, чтобы говорить, будто бы женщины не могут стать Буддами. Если бы вы действительно не могли этого, то что пользы было бы в том, если бы я глал вам об этом? Если бы я обманывал вас, я был бы первым кандидатом на отправление в ад. Еще с тех пор, когда я был маленьким мальчиком, я, из желания стать Буддой, упорно стремился к постижению сознания будды. Неужели вы думаете, что, достигнув этого, я возымел желание оказаться в аду за лживые речи? Все, что я говорю вам, есть несокрытая истина. Слушайте меня внимательно. Дайте мне свое неразделенное внимание, и я успокою ваше сознание.

Тема, которую я затронул, напомнила мне о том, что произошло в прошлом году, когда я прибыл в Бидзэн, чтобы проповедовать в этом месте. Среди собравшихся там людей была группа из четырех-пяти человек, в том числе две женщины, которые пришли из местечка Нивасэ (находящегося ныне в пределах города Окаяма) в провинции Биттю. Одна из тех женщин прислала мне записку, в которой говорилось, что она хочет меня о чем-то спросить. Она считала, что женщинам не подобает

задавать вопросы во время проповеди, поэтому она хотела узнать, может ли она задать мне свой вопрос после проповеди, без такого скопления людей.

Я дал ей на это свое согласие, и немного погодя она пришла ко мне с тремя или четырьмя сопровождающими. Они представились, и эта женщина сказала: «Я пришла из Нивасэ. Я замужем и живу вполне обычной жизнью. У нас с мужем нет своих детей, но у моего мужа есть сын от его бывшей жены, которого я вырастила. Сейчас он уже взрослый и обращается со мной с таким почтением, какое следует выказывать своей родной матери. Он мне как сын, и я вполне довольна таким ходом вещей.

Но есть нечто, что меня очень беспокоит. Я слышала, что бездетная женщина не может стать Буддой, сколь бы ни было велико ее стремление к Чистой Земле. Я расспрашивала буддийских монахов, правда это или нет. Они сказали мне, что так оно и есть, что такие женщины не способны достичь состояния будды. И вот я здесь. Я удостоилась рождения в мире людей, и все же я лишена возможности достичь состояния будды. Поэтому мне кажется, что обретение человеческого облика было для меня бессмысленным. Жаль, что мне не повезло и я родилась женщиной. Эта мысль очень отяготила меня, и, как вы видите, я вся исхудала от этого. Я так долго ждала и надеялась встретить великого наставника, подобного вам, который смог бы дать мне ответ на

мой вопрос. Услышав, что вы придёте сюда, дабы произнести проповедь, я преисполнилась радости. Это был ответ на мои молитвы. Теперь-то я совершенно точно узнаю, правда ли, что бездетная женщина, как мне всегда говорили, не может достичь состояния будды».

Люди, пришедшие с ней, добавили: «Все в точности так, как она говорит. Мысль о том, что бездетная женщина не может достичь состояния будды, причиняет ей страдания с тех самых пор, как только она узнала об этом. Это беспокоит ее днем и ночью. От этого ей уже несколько лет нездоровится и она похудела как тень. В мире, конечно, есть много бездетных женщин, но наверняка ни одна из них не беспокоится о своем будущем существовании более, чем она. Она не думает ни о чем ином. Вы и сами можете видеть, сколь глубоко она обеспокоена».

Я рад тому, что сегодня мне представилась возможность рассказать вам эту историю. Я сказал этой женщине то же, что я говорю всем людям. То же самое, что я говорю вам, поэтому слушайте внимательно. Чтобы доказать ей, что люди, не имеющие детей, могут стать Буддами, я привел ей тот факт, что во всех поколениях мастеров дзэн, начиная от Бодхидхармы и продолжая вплоть до меня, среди нас не было ни одного, у кого были бы дети. Я спросил ее, слышала ли она о том, что Бодхидхарма или кто-либо из других

[мастеров дзэн] попал в ад? Она ответила, что не смотря на то, что ни у одного из нас не было детей, она не верит, что люди, подобные нам — она сказала, что все мы суть Будды — могут попасть в ад.

«Не хочешь ли ты сказать мне, что сознание бездетной женщины в корне отлично от сознания других людей? Ты наделена сознанием будды, и это не зависит от твоего пола. Когда ты слышишь звук колокола, то в том, как слышат этот звук Будды, патриархи, я, ты или кто-либо еще, нет разницы. Если ты и в самом деле хочешь родиться Буддой, то тебе это удастся. Любой, кто скажет, что это не так, будет неправ».

«Ваши слова обнадежили меня, — сказала она, — но мне все еще трудно забыть все эти разговоры о том, что бездетная женщина не способна достичь состояния будды».

«Но ты только подумай о всех тех женщинах, которые стали Буддами со времен Шакьямуни. Разве ты не слышала о Шримале, дочери раджи Прасенаджита? Или о восьмилетней девочке Нага? В Китае была Лин-чжао, дочь мирянина Пана. В Японии была Тайма Тюдзэхимэ.⁵² Все они стали Буддами. Так кто же скажет, что тебе это недоступно?»

Это окончательно убедило ее. «Как я рада слышать это, — сказала она. — Вы избавили меня от сомнений, терзавших меня долгие годы».

Она провела еще некоторое время в Бидзэн и посещала мои проповеди. Ее аппетит пришел в норму, и дух ее воспрянул. Все ее спутники были удивлены и обрадованы тем, что она пришла в себя. Разве не примечательно то, что подобное устремление пробудилось у обычной женщины, став определяющим началом ее жизни? Я хочу, чтобы подобное устремление появилось и у вас, поэтому я и рассказал вам эту историю.

Более того, даже плохие люди не обделены сознанием будды и все, что им надо сделать для того, чтобы начать жить в Нерожденном, — это оставить свои пагубные пути и вернуться к сознанию будды. Позвольте мне привести вам следующий пример.

Двое мужчин направляются в город Такамацу. Один из них добрый человек, а другой — злодей, хотя, конечно, ни один из них не подозревает об этом. Они идут вместе и по пути разговаривают о чем угодно, но если что-то встретится им на дороге, они увидят это, хотя у них нет мыслей о том, чтобы увидеть это. То, что предстает их взорам, они видят одинаково. Если навстречу им приближается лошадь или корова, оба отступят в сторону, чтобы пропустить ее. Они отступают в сторону, даже если в этот момент они заняты разговором, и делают это не смотря на то, что ни один из них не принимал решения поступить так. Если они должны перепрыгнуть через канаву, они перепрыгнут через нее, а когда они подойдут к ручью, оба перейдут его вброд. Все это они совершают

без предварительных размышлений, и нет никакого различия в том, как они это делают. Это показывает, что нерожденным сознанием будды наделен и добрый человек, и злой.

До сих пор ваше сознание было в основном направлено к мыслям о различных сожалениях, желаниях и так далее; вы гневались и злились, обращая свое сознание будды на пути сражающихся демонов-асуров или голодных духов и в своей омраченности иллюзиями безостановочно вращались в колесе сансары. Но если вы, несмотря на все это, придете к пониманию того, о чем я говорю вам, то это исполненное сожалений и желаний сознание само собой станет сознанием будды, и впредь вы уже никогда не лишитесь его. Вы станете живыми Буддами. *Берегите себя*, ибо если вам не удастся обрести вновь свое сознание будды, если вы не сумеете постичь его в этой жизни, то у вас не будет другой такой возможности в течение миллионов и миллионов кальп. Поэтому уверьтесь в том, что все это утвердилось в вашем сознании.

Двадцать шестой день восьмого месяца: утренняя проповедь

Все вы, здесь собравшиеся, хотите стать Буддами. Именно это и привело вас в этот зал столь ранним

утром. Хорошо что вы пришли, ибо если вам не удастся стать Буддами, то в течение тысяч и тысяч кальп вам не представится другой такой возможности. Вы родились в мире людей единственно для того, чтобы стать Буддами. Если вы упустите эту возможность и попадете в ад, то вас ждут еще более тяжкие страдания — вы будете бесконечно вращаться в колесе сансары, рождаясь вновь и вновь во многих жизнях в различных мирах. Никто из вас не хочет, чтобы это произошло с ним, поэтому уверьтесь в том, что вы очень хорошо понимаете то, что я говорю вам.

Вы могли уже сталкиваться в своей жизни с людьми, которые говорят, будто бы людей учат тому, что после смерти они переродятся на небесах или в аду, только для того, чтобы запугать их. Вполне очевидно, что говорящие так не имеют никакого понятия о том, что такое истинный Путь Будды. Если бы в действительности был кто-то, чье учение было бы сравнимо с учением Шакьямуни, и он отрицал бы существование ада и рая, то мы могли бы уделить некоторое внимание тому, что он сказал. Но могут ли такие слова, исходящие из уст человека, чья мудрость не простирается дальше кончика его болтливового языка, не быть ошибочными?

Шакьямуни обладал шестью сверхъестественными силами (проникновениями).⁵³ Там, где это было необходимо, он применял искусные средства. Не вста-

вая с места, он ведал все и про ад, и про рай. Он много проповедовал свое Учение. Дхарма Будды распространилась по всей Индии, проникла в Китай, и пришла из Китая в Японию. Учение Будды записано в великом множестве сутр. Но вот какой-то человек, не имеющий об этом ни малейшего представления, заявляет, что все Будды и их учения, да и сама буддийская Дхарма просто не существуют. Такой человек подобен летнему насекомому, которое никогда не видело зимы и воображает, что в мире всегда тепло.

Шакьямуни — это Будда, чье имя известно всем последовавшим за ним поколениям и в Индии, и в Китае, и в Японии. Стал бы он проповедовать о существовании ада и рая, если бы их не было? Если кто считает, что ада и рая нет, то это его личное дело, и пусть он держит свое мнение при себе. Но совершенно непозволительно разрешать таким людям дерзко распространять повсюду эту ничем не обоснованную чушь.

Я уверен, что все вы знаете, как это иногда случается — когда все хвалят человека, проявляющего выдающиеся способности в каком-либо виде искусства или ремесла, всегда найдется некий самодовольный умник, который будет отрицать общепринятое мнение и преуменьшать достоинства этого человека. Что можно сказать о подобной низости? Если же такие люди благоволят к кому-то, кто обладает пустячными способ-

ностями, не стоящими даже упоминания, они все равно будут превозносить его до небес. Таких людей очень много и легко увидеть, как они неправы. Если вы хвалите кого-то, хвалите его так, чтобы ему было приятно, если вы слышите о чьей-то радости, вы и сами должны испытывать от этого радость, как если бы это с вами произошло что-то хорошее. Вот как надлежит жить людям в этом мире. Это также является непременным условием пребывания в Нерожденном. Если все, что вы видите и слышите, вы воспринимаете с эгоистичным уклоном, то присущее вам сознание будды — то самое сознание будды, что вы получили при рождении от своих родителей — обращается в ад. Тот, кто из-за эгоистической привязанности к самому себе обращает свое сознание будды в сражающегося демона-асура или в обитателя ада, достоин только сожаления. К тому же это идет вразрез с принципом сыновней почтительности.

Нет таких родителей, которые хотели бы, чтобы их ребенок вырос негодяем или ничтожеством, предметом людской ненависти, чтобы он преследовался законом или был приговорен к мечу палача. Если вы не стремитесь со всей серьезностью вести себя достойно, то вы не можете даже и упоминать о сыновней почтительности. Все вы должны быть почтительны к своим родителям, ибо нет ничего чудеснее любви родителей к своему ребенку. Они заботились о вас тог-

да, когда вы даже не знали, что происходит вокруг вас. Они вырастили вас, и теперь вы в состоянии заботиться о себе самостоятельно. Вы ничего не знали о буддизме. Теперь вы услышали это удивительное учение и узнали о нерожденном сознании будды. Вы только подумайте об этом. Это стало возможным только благодаря глубокой и искренней родительской любви. Почитать своих родителей за все, что они сделали для вас, есть естественное поведение хорошего сына или дочери. Если вы находитесь в согласии с путем сыновней почтительности, ваше сознание суть сознание будды. Не думайте, что оттого, что мы говорим о сознании сыновней почтительности и сознании будды, они представляют собой два разных сознания. Есть лишь одно единое сознание, и оно напрямую взаимодействует со всем сущим.

Откажитесь от эгоистического образа мысли, что является причиной возникновения вспышек гнева, заставляет вас чувствовать себя глубоко несчастными, и вызывает у вас страстные желания. Не будьте жестокими со своими слугами. С ними тоже надо обходиться мягко. То, что вы платите им за службу, не дает вам права бить их или грубо разговаривать с ними. Не следует относиться к ним как к чужакам. Считайте их членами своей семьи.

Если раньше вы часто гневались, наказывали своих людей и притесняли их, даже не обращая на это

особого внимания, то вы очень ошибались. Вы не осознавали причины таких действий, пребывая в иллюзии, что гнев и злость есть одна из норм общества. Однако отныне и впредь, поскольку вы узнали, как стать Нерожденным [Буддой], вы должны не совершать ничего, что идет против Нерожденного. Кстати, не думайте, что это ваши слуги уговорили меня сказать вам все это. Они не просили меня об этом.

Как бы ни был неуклюж и неповоротлив ваш слуга, если вы потеряете свое спокойствие, гневаясь на него, то тем самым вы потеряете свое сознание будды, а о последствиях этого вы уже осведомлены. Все это в равной мере относится и к слугам. Если слуги добросовестно исполняют свои обязанности, ни в чем не подводят своего господина и не дают ему ни малейшего повода быть недовольным ими, то тем самым они вызовут к себе его доброе расположение и проявят сыновнюю почтительность к своим родителям, удостоившись всеобщей похвалы. Поэтому слуги тоже должны хорошо запомнить все, что я говорю.

Некоторые из вас могут подумать что-нибудь вроде: «Банкэй говорит нам, что мы не должны гневаться, терять спокойствие и так далее. Наблюдайте за каждым своим шагом. Практикуйте самоконтроль. Но если кто-то подойдет к нам и начнет нас высмеивать, называть нас глупцами, то мы не сможем выдержать это и согласиться с ним: “Да, я глупец”».

Что ж, я вполне могу понять ваши доводы, но вы должны знать, что тот, кто называет другого глупцом, тогда как он таковым не является, сам в свою очередь довольно-таки глуп. Не стоит обращать внимание на слова подобного человека.

Самурай, конечно же, ни от кого не стерпит таких речей, ибо он ставит свою честь и чувство собственного достоинства превыше всего. Если он услышит хоть одно слово, задевшее его честь, он немедленно призовет сказавшего это слово к ответу. Если один самурай бросит другому вызов, то они будут биться до тех пор, пока один из них не будет сражен в этой схватке.

Если самурай сразит в бою противника для того, чтобы защитить своего господина от опасности, то мы не рассматриваем этот поступок как убийство. Это было бы убийством, если бы он убил кого-то из эгоистичных побуждений. В таком случае его сознание будды обращается в демона-асура. Если же самурай не принимает смерть ради своего господина, когда к этому зовет их долг, если они отступают или бегут с поля битвы, если они проявляют хоть малейшие признаки трусливости, то их сознание будды обращается в животное. Птицы и звери не обладают человеческими способностями к пониманию и не могут отличить достойное от недостойного, поэтому у них нет никакого понятия о чувстве долга и совершении

правильных действий. Они даже и не задумываются об этом. Они лишь бегут от приближающейся опасности и делают все, что могут, чтобы сохранить свою жизнь. А посему самурай, который вместо того, чтобы атаковать врага, забывает о чувстве долга и позорно бежит из рядов своих товарищей по оружию, ничем не отличается от животного.

При моем храме в Эдо, что расположен в районе Адзабу на окраине города, некогда работал один человек.⁵⁴ Я думаю, что он испытывал определенный интерес к духовным вопросам, поскольку он всегда наблюдал за ежедневными занятиями монахов. Как бы то ни было, однажды вечером один из монахов послал его с поручением по какому-то срочному делу. Посланнику предстояло идти через окраину города, где домов мало и расположены они далеко один от другого. В этой части города время от времени появлялся некий самурай, который убивал случайных прохожих, испытывая острие своего клинка на человеческом теле.⁵⁵ Монахи забеспокоились было о безопасности гонца, потому что уже смеркалось, а ему надо было идти по этой довольно опасной дороге, но он попросил их не волноваться за него и отправился в путь, сказав что скоро вернется. Когда он уже возвращался обратно, из темноты внезапно выступил самурай и толкнул его.

«Ты нарочно толкнул меня», — рывкнул он, вынимая свой меч из ножен.⁵⁶

«Но я даже и не дотрагивался до Вас», — ответил гонец и трижды поклонился ему. Самурай, который уже занес меч для удара, вдруг почему-то опустил его.

«Ты не такой, как другие», — сказал он. «Так и быть, иди, я позволю тебе пройти». И гонец остался невредим.

В то же время некий торговец видел, как все это произошло. Он убежал под прикрытие расположенного неподалеку чайного домика и наблюдал за происходящим из своего укрытия.

Когда он увидел, что меч вот-вот обрушится на гонца, он отвел глаза в сторону, в страхе ожидая, что сейчас произойдет неизбежное. Когда же он снова поднял голову, то к своему удивлению он увидел, что гонец стоит прямо перед ним.

«Каким чудом тебе удалось спастись?» — воскликнул он, и уже немного погодя спросил его, почему он поклонился.

Гонец ответил, что там, где он работает, все люди совершают троекратные поклоны. «Я поклонился, не думая ни о чем. Тот человек сказал мне, что я не такой, как другие, и что он пощадит меня. Затем он позволил мне уйти».

Итак, едва избежав смерти, гонец благополучно вернулся в храм. Я сказал ему, что спасся он благодаря глубине своего постижения сути сознания, что помогло ему затронуть сердце даже столь беззаконного самурая.

По всему видно, что нет ничего, что было бы достойно доверия больше, чем буддийская Дхарма.

*Первый день девятого месяца:
утренняя проповедь*

Я очень рад тому, что все вы собрались перед рассветом здесь, в этом переполненном зале, дабы услышать то, что я скажу вам. Все вы встали в предрасветной темноте со своих постелей и пришли сюда единственно потому, что каждый из вас хочет стать Буддой. Естественно присущая вам мудрость, которой вы наделены от рождения, побудила вас к тому, чтобы прийти сюда. Другими словами, вы пришли сюда благодаря проявлению в вас вашего сознания будды. Хотя каждый из вас наделен сознанием будды, вы отделены от него своим неверным воспитанием. Однако несмотря на все приобретенные вами пагубные привычки и заблуждения, созданные вашими мыслями, вы по-прежнему наделены сознанием будды. Вы никак не можете потерять его. Оно просто омрачено иллюзиями, возникшими из ваших эгоистических страстей и привязанностей.

Может быть, следующее сравнение поможет вам уяснить это. День за днем безупречно сияет Солнце, но когда появляются облака и застилают собой небо,

его невозможно увидеть. Каждое утро оно по-прежнему восходит на Востоке и заходит на Западе. Разница заключается лишь в том, что вы не видите его, потому что оно сокрыто за облаками. Солнце — это ваше сознание будды, облака — ваши иллюзии. Вы не знаете о своем сознании будды, потому что оно сокрыто иллюзиями и его не видно. Но вы никогда, даже когда вы спите, не теряете его. Таким образом, нерожденное сознание будды, что дали вам при рождении ваши матери, всегда с вами, неизменно чистое, светлое и всеосвещающее. Если бы в тот самый момент, когда вы только-только появились на свет, кто-то облил бы вас холодной водой, вы почувствовали бы холод. Если вы протянете руки к огню, вы почувствуете тепло — все это возможно благодаря проявлению сознания будды. Оно охватывает собой все сущее.

Когда в вашем сознании возникает гнев, вы отходите от чудодейственной мудрости своего сознания будды и встаете на пути голодных духов и сражающихся демонов-асуров. И гнев, и счастье существуют только из-за вашей привязанности к себе, которая приводит вас к тому, что вы теряете чудодейственную мудрость сознания будды и погружаетесь в бесконечную иллюзорность колеса сансары. Если же эта эгоистическая привязанность исчезнет, то ваше сознание станет сознанием Нерожденного [Будды], и вы уже

не будете подвержены перерождениям. Вот почему так важно постичь свое сознание будды. Постигнув его, а для этого вам вовсе не обязательно прибегать к каким-то специальным практикам, вы станете нерожденным [Буддой]. Если сознание будды постигнуто в совершенстве, то этого вполне достаточно, и вам уже нет нужды в чем-то еще — ни в какой-то специальной практике, ни в соблюдении предписаний, ни в дзадзэн или коанах. Будучи такими, какие вы есть, вы естественны и свободны, и все совершается само собой.

Если мы сравним обязанности буддийского монаха и обязанности самурая, то мы увидим, что во многих отношениях самураю приходится гораздо легче. Оставившие дом с тем, чтобы стать монахами, обычно вступают на Путь еще в юном возрасте. Осуществляя Путь, они проходят по всей Японии, а иногда даже отправляются в другие страны, отделенные от нас морем. Они никогда не знают, что ждет их там, куда они направляются. В своих странствиях они не несут с собой ни денег, ни еды, и куда бы они ни отправились, их там не ждут какие-то удобства. Если кто-нибудь предложит им крышу над головой, они с благодарностью принимают это предложение, считая его проявлением благосклонности Будды. Когда же им негде укрыться, они ночуют прямо в поле или в горах. Если им нечем подкрепить свои силы, они берут свою чашу для сбора подаяний и просят немного еды, но обычно они почти всегда голодны.

Если им повезет, то после многих трудностей, которые они претерпевают за время своих скитаний, они могут получить в свое распоряжение небольшую обитель. Или им могут доверить какой-то храм, и их прихожане будут приносить им подношения. Это, конечно, придает их положению некоторую определенность, но они покинули свои дома и семьи, вступив в ряды буддийских монахов, вовсе не для того, чтобы обрести эти блага. Вся их многотрудная практика, все их действия вдохновляются единственно их стремлением достичь просветления и постичь сознание будды.

Взглянем теперь на путь самурая. Его господин платит ему жалованье. Самурай тепло одет, хорошо ест и большую часть своего свободного времени проводит как ему заблагорассудится. Если он постигнет сознание Нерожденного, это будет сообразно его верности своему господину, а исполнение своих обычных обязанностей нисколько не затруднит его, поскольку сознание будды охватывает в своих проявлениях все сущее, в том числе и обязанности самурая. Если самурай пребывает в Нерожденном, он всегда справедлив и беспристрастен, поскольку его сознание не обеспокоено эгоистичными мыслями. Это будет приветствоваться всеми, с кем он общается. Любой представитель сёгуната, который так хорошо обходится с людьми, не может не быть хорошим слугой своему господину. Все воздают ему хвалу. Если при исполнении своих обязанностей он пребывает в

Нерожденном и придерживается Учения Будды, то, даже будучи самураем, он воистину является человеком Пути, что приносит ему огромную пользу.

У монаха же нет настоящего дома, и ему негде приклонить голову. Ему приходится ночевать прямо в поле или среди холмов. Никто не ждет его там, куда он идет. Он голоден и мерзнет в своей рясе в холодную погоду. Я считаю, что ничто не сравнится с теми лишениями, которые испытывает в своей жизни монах.

Однако он продолжает осуществлять Путь и делает это единственно ради того, чтобы постичь чудодейственное сознание будды. По завершении своей практики он принимается учить других людей и получает от них подношения и знаки почтения. Долгие годы его многотрудной практики преобразуются в Дхарму, и он живет в чудесном знании сознания будды.

Сейчас я расскажу вам одну историю, которая являет собой пример чудодейственного проявления сознания будды. Лет тридцать тому назад я был знаком с неким торговцем — впоследствии он стал моим учеником — люди звали его Магоэмон-вор, потому что он всегда продавал свои товары втридорога. Куда бы он ни пошел, люди показывали на него пальцем и говорили: «Вот идет Магоэмон-вор». Он был удачливым торговцем и очень богатым человеком. Когда он приходил в мой храм, я укорял его, говоря: «Магоэмон, ты

неисправим. Все вокруг говорят, что ты вор. Ты сам виноват в этом и тебе не на кого пенять».

Магоэмон не соглашался со мной. «Если бы я вламывался в чужие дома, чтобы обокрасть их владельцев, то я знал бы, чего мне стыдиться. Но я не вор. Если Вы обратите на это свое внимание, то Вы увидите, что те люди, которые дурно говорят обо мне, в большинстве своем и сами торговцы. Они не получают таких прибылей, как я, и поэтому клеветают на меня и пытаются причинить мне неприятности. Но дело есть дело, как я это понимаю». И он продолжал жить как и прежде, не обращая на все это особого внимания.

Через некоторое время, я уж не знаю, что вызвало в нем подобную перемену, но он передал своим племянникам свое дело, раздал своим родственникам все деньги, что он скопил за многие годы, и явился ко мне со смиренной просьбой обрить ему голову и принять его в число буддийских монахов.

Я немедленно удовлетворил его просьбу, и он укрепился в вере. Не прошло и тридцати дней, как он стал монахом, а люди уже звали его «Будда Магоэмон». Вот как это произошло. Я хочу, чтобы каждый из вас понял, что вы можете быть твердо уверены в том, что нет ничего чудесней вашего сознания будды.

Любой из вас может стать нерожденным [Буддой] и постичь сознание будды, утвердившись в том, что я говорю вам. Я не говорю, что вам следует осуществлять

Путь так-то и так-то, что вы должны придерживаться определенных правил и предписаний, что вам надлежит читать определенные сутры и дзэнские писания или что вы обязаны заниматься дзадзэн. Опять же, я вовсе не собираюсь передавать вам сознание будды, ибо вы уже наделены им. Если вы, внимательно выслушав меня, постигнете естественно присущее вам сознание будды, то вы станете настоящим живым Буддой, и, где бы вы ни находились, это место и будет местом [полной самореализации] Нерожденного. Делайте что хотите. Если вы хотите почитать какие-то сутры или практиковать дзадзэн, возглашать Нэмбуцу или Даймоку, то вы вольны заниматься всем этим.⁵⁷ Если вы, к примеру, земледелец или купец и вы хотите обрабатывать свою землю или вести свое дело, займитесь этим; в чем бы ни состояла ваша работа, совершайте ее — это и будет вашим самадхи.⁵⁸

Что до меня, то моя роль заключается только в том, чтобы объяснить вам все это и постараться помочь вам утвердиться в сознании будды, которым все вы наделены от рождения.

Когда дайме из разных частей страны приглашают меня проповедовать в их владениях, я всегда иду им навстречу. Я иду туда, куда бы меня ни попросили прийти. Иногда собрания длятся по двадцать-тридцать дней, и, куда бы я ни пришел, всюду я вижу множество людей, пришедших для того, чтобы послушать меня. А когда

через некоторое время я прихожу туда еще раз, мне неизменно сообщают, что число верующих возросло и что в общественной морали также заметны значительные улучшения. Я хочу, чтобы вы знали, что я очень рад тому, что все вы приходили сюда каждое утро, дабы принять участие в этих собраниях, и так внимательно слушали то, что я говорю.

ЗАПИСИ БЕСЕД И ВЫСКАЗЫВАНИЙ МАСТЕРА ДЗЭН БАНКЭЯ

Записи следующих бесед и высказываний Банкэя со-
держатся в сборнике «Бутти косай дзэндзи хого» («Слова
Дхармы мастера дзэн Бутти Косая», т.е. Банкэя), состави-
тель которого, Ицудзан Сонин (1655–1734), с 1689 по
1693 год был приближенным помощником Банкэя. Сбор-
ник Ицудзана охватывает несколько больший отрезок вре-
мени, чем предыдущие проповеди, и состоит в основном из
ответов Банкэя на вопросы его учеников и последователей,
а также из ответов Банкэя представителям других школ
буддизма. Рукописная копия этого сборника, хранящаяся в
храме Рюмондзи, датирована 1730 годом. Для перевода я
воспользовался текстом этой рукописи, приведенным в ра-
боте Фудзимото Цутисигэ «Банкэй дзэндзи хого сю». К
этому я также добавил несколько весьма интересных слу-
чаев из других источников.

Некий мирянин сказал:

— Я слышал, что Вы говорите, будто бы из-за наших невежественных мыслей мы становимся животными и, неспособные достичь состояния будды, блуждаем из одной тьмы в другую. Но все же, поскольку в сознании животных нет сожалений, они могут делать то, что им нравится, не ведая о своих страданиях. Разве нельзя назвать это безмятежной жизнью?

Банкэй:

— Но разве не грустно жить в полном неведении относительно того, что вы обращаете в адские мучения единственно существующее сознание будды, что дали вам ваши родители при рождении в этом мире? Когда кто-то бьет собаку, украшную вчера дыпленка, собака не понимает, что бьют ее за то, что она натворила вчера, и жалобно воет. Будучи животным и не зная о законе причинности, собака подвержена бесконечным страданиям. Но так как ты человек и, несомненно, обладаешь способностями к пониманию, ты довольно просто можешь встретить доброго учителя и стать Буддой. Ты должен быть очень рад тому, что тебе повезло родиться в человеческом облике. Не трать свое время зря!

Некий мирянин:

— Как только я очищаю свое сознание от одной мысли, тут же появляется другая. В моем сознании постоянно появляются какие-то мысли. Что мне делать с ними?

Банкэй:

— Очищение сознания от возникающих [в нем] мыслей подобно тому, как если бы ты попытался смыть кровь кровью. Ты можешь смыть первоначальную кровь, но ты по-прежнему останешься загрязнен кровью, и до тех пор, пока ты будешь продолжать смывать кровь кровью, пятна крови никогда не исчезнут. Так как ты не знаешь, что твое сознание, изначально будучи нерожденным и неумирающим, является свободным от иллюзий, ты считаешь, что мысли твои существуют на самом деле и возвращаешься в колесе перерождений. Тебе следует осознать, что мысли эфемерны и нереальны. Не притягивай и не отбрасывай их, пусть они приходят и уходят. Они подобны отражениям в зеркале. Светлое и чистое зеркало отражает все, что бы перед ним ни предстало. Но отражение не остается в зеркале [при исчезновении отражаемого объекта]. Сознание будды в десять тысяч раз светлее любого зеркала, а поскольку оно наделено чудодейственной всеосвещающей силой, в свете его все мысли исчезают без следа.

Некий крестьянин сказал:

— В моем сознании очень легко возникают гневные мысли, так как от рождения я наделен вспыльчивым характером. Это отвлекает меня от моей работы, а из-за этого мне чрезвычайно трудно пребывать в Нерожденном. Как мне сделать так, чтобы мое сознание пришло в согласие с нерожденным сознанием?

Банкэй:

— Поскольку и ты, и все другие люди в этом мире от рождения обладают нерожденным сознанием будды, ты никак не сможешь обрести его сейчас впервые в жизни. Займись-ка своей обычной работой и не думай ни о чем ином. Это и будет проявлением нерожденного сознания. Если ты гневаешься, когда косишь свое сено, то твоя работа становится трудным и тяжким занятием. Если же твое сознание не затмевается злобой и другими иллюзиями, то работа легка и приятна. Это и есть практика (претворение в деяниях) нерожденного и неумирающего сознания будды.

Некий монах сказал:

— Великим мастерам прошлого приходилось долго

и упорно практиковать, дабы в совершенстве достичь просветления. Я слышал о том, что и к Вам просветление пришло только после многих трудов и усилий. Сам я не занимался дзадзэн или какими-либо другими практиками и нисколько не приблизился к просветлению, но все же мне кажется, что я не смогу достичь истинного успокоения сознания, всего лишь узнав о том, что для этого мне просто необходимо жить в нерожденном сознании будды, оставаясь таким, каков я есть.

Банкэй:

— Представь себе, что несколько путешественников, совершающих переход через высокую горную гряду, испытывают сильную жажду. Один из них спускается далеко вниз, в долину, чтобы затем вернуться к остальным и принести им воды. Это нелегко, но в конце концов он находит источник и приносит своим спутникам воды. Разве те, кто пьют эту воду, не утомив себя поисками источника, не утоляют свою жажду точно так же, как тот, кто принес ее? Если кто-то откажется пить эту воду только потому, что ему кажется, что это неверно, то ему нечем будет утолить свою жажду.

Мне пришлось пройти через многие тяжкие испытания только потому, что мне не посчастливилось встретить на своем пути ясноокого мастера. Однако, несмотря на это, я все же сумел постичь свое сознание будды. С тех пор я говорю другим людям о естественно присущем им сознании будды, чтобы они постигли его, не подвер-

гая себя столь тяжким испытаниям, точно так же, как путешественники утоляют свою жажду, хотя сами они и не искали источник. Теперь ты понимаешь, что любой человек *может* достичь истинного успокоения сознания, не прибегая для этого к [каким-либо аскетическим] упражнениям.

Некий мирянин сказал:

— Я не сомневаюсь в том, что в изначальном сознании нет иллюзорных мыслей, но все равно мыслям, возникающим в моем сознании, не видно конца. Мне очень трудно пребывать в Нерожденном.

Банкэй:

— Хотя ты обладал нерожденным сознанием будды уже тогда, когда ты только появился в этом мире, ты впал в свое нынешнее омраченное состояние по мере того как ты рос, слушая и наблюдая за другими людьми в их неведении. Постепенно ты перенял у них их иллюзии, приспособил к ним свое сознание, и теперь твое омраченное сознание затмевает сознание будды, беспрепятственно творя свои иллюзии. Но ни одна из твоих иллюзорных мыслей не является врожденной [и присущей тебе в силу твоей природы]. Изначально их не было и они перестают существо-

вать в сознании, утвердившемся в Нерожденном.

Представь себе некоего любителя выпить, заболевшего такой болезнью, которая вынуждает его бросить пить. Он по-прежнему подумывает о выпивке; подобные мысли возникают в его голове всякий раз, как ему представляется возможность выпить хоть немного саке. Но поскольку он воздерживается от этого, он никак не способствует возникновению приступов своей болезни и не напивается. Он воздерживается от выпивки, несмотря на те мысли, что возникают в его сознании, и в конце концов выздоравливает. С иллюзорными мыслями дело обстоит точно так же. Если ты просто позволишь им приходить и уходить и не станешь способствовать их возникновению или пытаться избежать их, то однажды ты обнаружишь, что все они бесследно исчезли в нерожденном сознании.

Некий монах:

— Я испытываю очень большие затруднения, пытаюсь устранить из моего сознания все страсти и иллюзорные мысли. Что мне делать?

Банкэй:

— Представление о необходимости устранения иллю-

люзорных мыслей тоже является иллюзорной мыслью. Изначально ни одна из твоих иллюзорных мыслей не существует. Ты сам творишь их из своих предвзятых представлений и привязанностей.

Некий монах сказал:

— Я очень ценю все сказанное Вами о том, что каждый человек от рождения наделен сознанием будды. Однако мне кажется, что если все мы суть Будды, то иллюзорные мысли и вовсе не должны возникать в нашем сознании.

Банкэй:

— Присутствовала ли в твоём сознании хоть какая-то иллюзия в тот момент, когда ты сказал это?

Некий мирянин сказал:

— Я совершенно согласен с Вами в том, что мы видим и слышим все в Нерожденном. Но когда мы спим, кто-нибудь может подойти и стать рядом с нами, тогда как мы совсем не знаем об этом. Разве не теряется в этом случае влияние Нерожденного?

Банкэй:

— Так где же потеря? Ничего не теряется. Ты просто спишь.

Банкэй сказал (обращаясь к собранию):

— Ваше нерожденное сознание есть не что иное, как само сознание будды, а оно не обеспокоено ни рождением, ни смертью. В доказательство этому я скажу, что когда вы смотрите [на какие-либо объекты], вы видите и различаете их все сразу. Если в тот же момент раздастся птичье пение или колокольный звон, или послышатся какие-то другие звуки, вы услышите и распознаете их, даже если в вашем сознании не возникнет ни одной мысли о том, чтобы сделать это. Все в вашей жизни, с утра и до ночи, происходит точно таким же образом, и вам не приходится впадать для этого в зависимость от каких-то размышлений или раздумий. Большинство людей не ведают об этом и [в неведении своем] считают, что все это (т.е. их природные способности) является результатом их размышлений и [проводимых ими] предвзятых разграничений [действительности]. Это большая ошибка.

Сознание будды и сознание обычного человека — это не два различных сознания. Очень ошибаются те,

кто упорствуют в своей практике, желая достичь внезапного пробуждения (сатори) или постичь свою собственную природу (кэнсё). Любои, кто читает «Сутру Сердца», знает, что «сознание не рождается и не умирает». ² Однако у тех, кто не постиг источник Нерожденного, все еще остается мысль о том, что они могут найти свой путь к нерожденному сознанию и достичь состояния будды [следую] путем размышлений и [порождения] различающей мысли. Как только в вашем сознании возникает мысль-представление о достижении состояния будды или обретении Пути, вы тут же оказываетесь вне Нерожденного, противодействуя тому, что является в вас нерожденным. Тот, кто пытается стать просветленным, отделяется от сознания будды и углубляется в выяснение вопросов второстепенной важности. Изначально все вы суть Будды, и никоим образом вы не сможете стать Буддами еще раз. В изначальном сознании нет ни малейшего следа иллюзий. Если же вы лелеете в своем сознании хоть малейшее намерение стать лучше, чем вы есть, или стремление достичь чего-то, то этим вы отворачиваетесь от Нерожденного. В том сознании, с которым вы появились на свет, нет ни радости, ни гнева. Это [сознание суть] сознание будды, наделенное чудодейственной всеосвещающей мудростью, что просветляет все сущее. Утвердившись в нем, вы обретете свободу от каких бы то ни было привязанностей.

Некий монах спросил:

— Что происходит с тем, кто верит в Нерожденное, когда он умирает и четыре элемента, составляющие его тело, рассеиваются [в пространстве]. Рождается ли он вновь или нет?

Банкэй:

— Для пребывающего в Нерожденном нет различия между рождением и нерождением.

Некий монах сказал:

— В прошлом году я спросил Вас о том, как мне справиться с хаотичными мыслями, омрачающими мое сознание, и Вы посоветовали мне просто позволить им приходить и уходить. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы последовать Вашему совету, но обнаружил, что сделать это почти невозможно.

Банкэй:

— Для тебя это представляет трудность только потому, что ты думаешь, будто бы существует некий метод, который позволит твоим мыслям возникать и исчезать [не омрачая при этом твое сознание].

Банкэй сказал (обращаясь к собранию):

— Для всех вас делом первостепенной важности является познание настоящего сознания будды, чье проявление имеет жизненно важное значение для вас в вашей деятельности. Вот уже на протяжении сотен лет учение дзэн неверно воспринимается и в Китае, и в Японии. Люди думали и думают так и сейчас, что можно достичь просветления, занимаясь дзадзэн или изучая коаны. Те, кто так считают, очень ошибаются. «Дзадзэн» — это всего лишь еще одно название изначального сознания, обозначающее спокойное сидение, спокойное сознание. Когда вы сидите [в дзадзэн], то оно просто сидит. Совершая кинхин, оно просто идет. Никто в мире не может проповедовать буддийскую Дхарму. Те, кто пытаются проповедовать Дхарму, только ослепляют других людей. В том сознании, что ваша мать дала вам при рождении, не было никаких иллюзий. Не ведая об этом, вы говорите: «Я омрачен иллюзиями, потому что я обыкновенный, непросветленный человек», несправедливо обвиняя в этом своих родителей. Однако в действительности нет ничего, что разделяло бы Будд прошлого и людей настоящего. Возьмите из реки воду и налейте ее в ведра разных форм и размеров, и, когда вода замерзнет, она примет ту или иную форму в зависимости от формы

ведра, в которое вы ее налили. Однако, когда [лед] растает, вы увидите, что это все та же вода.

Вы не знаете того, что вы суть настоящие Будды во всем, что вы делаете. Вы думаете, что достигнете просветления и станете Буддой, накопив заслуги в своей практике. Но это неверно, и вы торжественно выходите из одной тьмы только затем, чтобы войти в другую.

Что до меня, то я не проповедую буддизм. Я всего лишь указываю вам на те ложные представления, что вы приносите с собой.³

Банкэй сказал (обращаясь к собранию):

— Зачем вам воздвигать второе сознание над тем сознанием, что у вас уже есть, пытаться *стать* Нерожденным?⁴ Изначально все вы являетесь нерожденными. Многие люди говорят о некоем «основополагающем принципе» Нерожденного, но в Нерожденном нет ничего подобного. Если бы у Нерожденного [сознания будды] вообще был какой-то принцип, оно не было бы нерожденным. Вам незачем становиться Нерожденным [Буддой]. Истинное Нерожденное [сознание будды] не имеет ничего общего с какими-либо основополагающими принципами, оно превышает

становления или обретения. Быть Нерожденным — значит *быть такими, какие вы есть*.

Некий монах сказал:

— Я практикую для того, чтобы достичь просветления. Что вы скажете на это?

Банкэй:

— «Просветление» есть нечто, противопоставляемое «иллюзиям». В действительности же нет никаких иллюзий, ибо любой человек является телом Будды (*Дхармакайя*), будучи таким, каков он есть. Так что же ты хочешь просветлитель?

Монах:

— Но позвольте, мастер, ведь это значило бы прожить свою жизнь как последний дурак. Взгляните на Бодхидхарму. Взгляните на всех других дзэнских мастеров. Только достигнув просветления, они постигли великую Дхарму.

Банкэй:

— Только такой последний дурак, как Татхагата, избавляет людей от страданий. Не приходящий, не уходящий, такой же как ты, каким ты был при рождении, не затмевающий свое сознание — вот кто такой Татхагата. Такими были все патриархи прошлого.

Однажды, когда Банкэй остановился в Зале Бодхисаттвы Каннон в Киётани, один человек по имени Кантаро, староста расположенной неподалеку деревни Уцу, приходил к мастеру за наставлениями в дзэн. Как-то раз, направляясь в Киётани вместе со своим другом, которого звали Ёсино Ёдзидзаэмон, Кантаро сказал: «Всякий раз, как я прихожу к мастеру, он испытывает меня одним и тем же вопросом: “Пришел ли Кантаро?” Сегодня случится то же самое, но как только он скажет: “Пришел ли Кантаро?”, я спрошу его: “А кто это говорит?”»

Когда они пришли в Киётани, Банкэй вышел к ним и поприветствовал Ёсино, но ничего не сказал Кантаро. В конце концов, после долгой паузы, Кантаро спросил:

— Как поживаете, мастер?

Банкэй сказал:

— А кто это говорит?

Полностью растерявшись, Кантаро сумел только поклониться.

Один парень по имени Хатиروبэ сказал:

— Я являюсь последователем школы Икко.⁵ Мы всецело веруем в Будду Амиду и возглашаем Нэмбуду в

благодарность за спасение, дарованное нам Амидой.

Банкэй:

— Мне кажется, что тому, кто играет в азартные игры и занимается прочими непотребными делами, не стоит взывать при этом к помощи Амиды.

Хатиробэ и в самом деле проводил почти все свое время за азартными играми, поэтому замечание Банкэя произвело на всех присутствующих очень глубокое впечатление.

В другой раз Хатиробэ сказал:

— Буддийские учителя прошлого творили много удивительных чудес. А Вы, мастер, можете творить чудеса?

Банкэй:

— Что именно ты имеешь в виду?

Хатиробэ:

— Когда основатель школы Икко пребывал в Этиго, он попросил кого-то взять в руки лист бумаги и встать на другом берегу реки. Стоя на противоположном берегу, он направил кисть на этот лист бумаги, и на нем появились шесть иероглифов, составляющих имя Амиды. Люди называют это чудо Кавагоэ Мёго и испытывают к нему глубокое почтение.⁶

Банкэй рассмеялся и сказал:

— Фокусники вытворяют штуки и почище этой. Упомянуть таких людей здесь, в обители истинной Дхармы, — это все равно что приравнять собак к людям.

Некий монах выступил вперед и сказал:

— Это не есть ни бытие, ни небытие, или пустота.

— Отвечай немедля, где находится «это»? — спросил Банкэй.

Смутившись, монах ушел, не сказав ни слова.

Некий мирянин сказал:

— В течение многих лет я читал сочинения мастеров древности, вознамерившись узнать, кто есть мастер видения и слуха. Однако и по сей день мне все еще не удалось выяснить, кто он. Что мне сделать, чтобы я смог найти этого мастера видения и слуха?

Банкэй:

— Я принадлежу к школе сознания будды. «Мастер видения и слуха» и человек, ищущий его, нераз-

делимы. Если ты будешь искать его вне себя, то в поисках своих ты можешь обойти хоть весь мир, но так и не найдешь его. Единственно сущее нерожденное сознание является этим мастером в каждом человеке. Когда ты видишь или слышишь что-то — когда какой-либо из шести органов чувств встречает объект восприятия, — «мастер видения и слуха» полностью проявляет себя в этих действиях.

Некая женщина сказала:

— Я до смерти боюсь грома. Когда я слышу его, я падаю в обморок. Мое лицо бледнеет. Я вся цепенею от страха. Пожалуйста, мастер, скажите мне, как мне превозмочь этот ужасный страх.

Банкэй:

— Когда ты появилась в этом мире, то все, что у тебя было — это сознание будды. Не было никакого страха. Твой страх — это иллюзия, или плод твоих мыслей, что ты сама создала после того, как ты появилась в этом мире. Гром приносит нам дождь, он приносит нам пользу, а не вред. Твой страх не возникает из-за чего-то, что находится вне тебя самой. Это иллюзия, которую создает плод

твоих мыслей. Отныне и впредь, когда бы ты ни услышала гром, всецело доверься своему собственному сознанию будды, своей природе будды.

Некий монах спросил:

— Есть ли в занятиях дзадзэн хоть какой-то смысл?

Банкэй:

— Не стоит испытывать неприязнь к дзадзэн точно так же, как не стоит пренебрегать чтением сутр, совершением поклонов и всем прочим в том же духе. Такусан потрясал посохом. Риндзай кричал: «Кхат!» Гутэй воздевал вверх палец.⁷ Бодхидхарма сидел лицом к стене. Все они использовали свои методы в соответствии с ситуацией, сложившейся на определенный момент. Все это были лишь уловки добрых и талантливых мастеров. Изначально нет никакой зафиксированной, четко определенной Дхармы.⁸ Если вы попытаетесь навязать Дхарме какое-то жестко фиксированное толкование, то этим вы только ослепите свои глаза (букв.: свое око [Дхармы]). Не загромождайте свое сознание думами о предпосылках этого и возможных последствиях того. Будьте подобны зер-

калу, отражающему все, что предстает перед ним, и тогда вы уже никак не сможете уклониться от непосредственного и совершенно целостного взаимодействия со всем сущим.

Некий монах сказал:

— Я исполнен решимости стать Буддой. Я всего лишь хочу стать добрым человеком. Пожалуйста, мастер, дайте мне свои указания.

Банкэй:

— Ты пришел издалека, чтобы встретиться со мной. У тебя добрые намерения, но все твои устремления иллюзорны. В твоём изначальном сознании нет никаких иллюзий, желаний или устремлений. Свободное от надежд и желаний, оно проясняет все сущее своей всеосвещающей мудростью. Мысль о достижении состояния будды является причиной твоих затруднений. Но если ты осознаешь, что ты сам создаешь эти надежды и чаяния, если ты будешь пребывать в нерожденном сознании будды и перестанешь противопоставлять себя всему сущему, твоя изначальная природа явит себя в своей истинной форме.

Некий мирянин спросил:

— Что происходит с тем, кто стал Буддой? Куда он отправляется?

Банкэй:

— Ставшему Буддой незачем куда-то отправляться. Он и так уже находится везде и повсюду, простираясь даже за пределы самой вселенной. Если же ты станешь кем-то еще, то тебе действительно придется отправиться во многие различные места.

Банкэй:

— В моей Дхарме нет каких-то четко установленных целей, которых можно было бы достичь. [В моем учении] нет ничего, что выступало бы как нечто, в чем можно было бы достичь просветления. Нет комментариев к коанам, нет зависимости от слов какого-то Будды или патриарха. Есть только *прямое указание*.⁹ Поскольку в нем нет ничего, за что можно было бы ухватиться, многие люди не могут постичь его. И именно люди обрванные испытывают наибольшие затруднения в постижении [моего учения]. Они спотыкаются о свои знания и о свою привычку применять их ко всему [с чем они

сталкиваются]. Люди простые и неграмотные не обладают такими мыслительными способностями, и, хотя принято считать, что они не могут быть дзэнскими мастерами, многие из них достигают непоколебимого утверждения в нерожденном сознании будды и живут в совершенной гармонии с ним.

Некий мирянин сказал:

— Мастер, я слышал о том, что Вы можете прозревать мысли других людей. Скажите, о чем я сейчас думаю?

Банкэй:

— Именно об этом ты и думаешь.

Некий монах по имени Канрэй Дзогэн сказал:

— Школы буддизма Чистой Земли учат нас, что мы обретем рождение в Чистой Земле, что находится «за сто миллиардов коти к западу от земель Будды». Но говорится также и о том, что Чистая Земля находится «совсем недалеко».¹⁰ Эти высказывания, несомненно, принадлежат Будде. Которое из них истинно? Я думаю, что

у великого множества верующих есть на этот счет большие сомнения.

Банкэй:

— Именно благодаря этим различиям и выявляется истинный смысл [слов Будды].

Дзогэн:

— Подразумевается ли под сотней миллиардов коти приспособленная к мирскому пониманию форма учения Будды (улая)?¹¹

Банкэй:

— Нет.

Дзогэн:

— Как это?

Банкэй:

— Можно вернуть ребенку хорошее расположение духа, если протянуть ему пустой кулак, сделав при этом такой вид, как будто там что-то есть — это и будет проповедью, доступной для понимания маленького ребенка.

Некая женщина сказала:

— Я слышала, что женщинам очень трудно достичь состояния будды из-за их глубоких кармических причин. Правда ли это?

Банкэй:

— Когда ты становишься женщиной?

Некая женщина сказала:

— Говорят, что у женщин плохая карма. Нам не позво-
ляется совершать восхождения на священные горы, такие, как
гора Коя и Хиэй.¹² Их вершины недоступны для женщин.

Банкэй:

— В Камакура есть женский монастырь. Туда нет досту-
па для мужчин.

Некий мирянин сказал:

— Меня очень пугают внезапные раскаты грома. Мне
кажется, что это происходит оттого, что мое сознание беспокой-
но. Что мне сделать для того, чтобы я не был подвержен
всяческим страхам?

Банкэй:

— Когда тебя что-то пугает, лучше всего просто испу-
гаться. Если ты попытаешься не пугаться, то твое сознание
раздвоится [на то, что испугано, и то, что пытается подавить
испуг].

Некий монах сказал:

— Токусан использовал посох. Риндзай использовал крик.
Все настоящие дзэнские мастера прошлого использовали по-
сох и крик. Вы же не пользуетесь ни тем, ни другим. Почему?

Банкэй:

— Токусан знал, как применять посох. Риндзай знал, как
применять крик. Я же способен пользоваться своим языком.

Некий монах сказал:

— Такие великие наставники, как Энго и Дайэ, давали
своим ученикам коаны.¹³ Вы никогда не прибегаете к исполь-
зованию коанов. Почему?

Банкэй:

— А разве дзэнские учителя, жившие прежде Энго и
Дайэ, тоже использовали коаны?

Некий монах сказал:

— Один дзэнский мастер прошлого сказал, что великое
просветление следует за великим сомнением.¹⁴ Вы не при-

бегаете к этому великому сомнению в своем учении. Почему?

Банкэй:

— Давным-давно, когда Нангаку пришел к шестому патриарху, тот спросил его: «Что это сюда пришло?» Нангаку был полностью ошеломлен этим вопросом. Его сомнения продолжались в течение восьми лет.¹⁵ Затем он смог ответить: «Если бы я сказал, что пришло “это”, то в тот же момент я попал бы мимо цели». Вот это действительно великое сомнение и великое просветление. Представь себе, что ты потерял свою единственную рясу, ту самую рясу, которую ты получил при пострижении в монахи. Ты никак не можешь найти ее. Ты ищешь ее и ищешь. Ты ни на минуту не можешь прекратить свои поиски. Это было бы настоящим сомнением. В наши дни люди говорят, что необходимо погрузиться в сомнение, ибо так поступали люди в прошлом. Поэтому они искусственно возвращают сомнение. Но это всего лишь имитация сомнения, а не настоящее сомнение, и поэтому для них никогда не настанет тот день, когда они придут к истинному разрешению сомнений. Это подобно тому, как если бы ты отправился куда-то на поиски того, что ты и не терял вовсе, напустив на себя такой вид, как будто ты и в самом деле потерял это.

Я [Ицудзан] спросил:

— Помогает ли ученикам изучение буддийских сутр и дзэнских сочинений?

Банкэй:

— Для чтения дзэнских сочинений есть свое время. Если вы читаете их или сутры, все еще ища содержащийся в них смысл, то этим вы только ослепляете себя. Если же вы прочитаете их после того, как постигнете этот смысл, то они станут доказательством вашего прозрения.

Однажды зимой Банкэй проповедовал во время затвора, проводившегося в храме Санюдзи, что находится в провинции Бидзэн. Множество мирян и монахов из провинций Бидзэн и Биттю собрались там для того, чтобы послушать его.¹⁶ В местечке Нивасэ в провинции Биттю располагался большой храм школы Нитирэн, настоятелем которого был некий ученый монах, весьма уважаемый своими прихожанами. Поскольку к тому времени имя Банкэя было уже широко известно и его уче-

ние вызывало к себе большой интерес, все прихожане этого храма посещали его собрания. Преисполнившись злобы и зависти, этот монах сказал им:

— Я слышал, что на самом-то деле Банкэй не является просветленным. Если я пойду туда, то я задам ему вопрос, на который он не сможет ответить. Я смогу остановить его, сказав лишь одно слово.

Затем он показался на одном из собраний и, стоя в задних рядах собравшихся, сказал громким голосом, прервав Банкэя:

— Все люди, собравшиеся здесь, слушают твои речи и безоговорочно верят всему, что ты говоришь им. Но сам я никогда не соглашусь с основной идеей твоего учения. Как же ты сможешь спасти меня, если я не принимаю твое учение?

Банкэй поднял свой веер и сказал:

— Не подойдешь ли ты поближе?

Монах подошел поближе.

— Пожалуйста, подойди еще чуть-чуть ближе, — сказал Банкэй.

Монах подошел еще ближе.

— Да ты только посмотри, как хорошо ты принимаешь мое учение! — сказал Банкэй.

Посрамленный монах удалился, не сказав больше ни слова.

Банкэй сказал (когда мы пили чай):

— Однажды, много лет тому назад, когда я еще учился под началом мастера Дося, один приближенный Дося по имени Дзэнтэй беседовал о Дхарме с несколькими другими монахами.

Дзэнтэй процитировал слова из «Хэкиганроку»:

— Принц Чжан совершенно ясно нарисован на бумаге, но сколь бы громко вы ни возвышали свой голос, обращаясь к нему, он все равно не ответит.¹⁷

Затем он заявил, что каждый из нас должен дать ответ вместо принца Чжана. Я сидел рядом с ним. Он повернулся ко мне и сказал:

— Попытайся ответить вместо принца Чжана.

Но прежде чем он успел произнести это до конца, я ударил его кулаком.

— Любой дурак мог бы сделать это, — сказал он.

— Попытайся ответить своим языком.

— Ха! Тебе повезло, что я не ответил ногой, — сказал я ему. Он полностью растерялся.

Некий монах сказал:

— Вот уже на протяжении тридцати лет я рабо-

таю над коаном «Не испытывай иллюзий!»¹⁸

Банкэй:

— Ну так скажи сейчас что-нибудь об этом коане!

Монах:

— Вчера шел дождь.

Банкэй кашлянул.

Монах:

— Сегодня на небе нет ни облачка.

Банкэй ударил его.

Мастер сказал (обращаясь к своим ученикам):

— Когда мне было двадцать шесть лет, я постиг истину Нерожденного. Я пошел к Дося и он подтвердил [мое просветление]. Что касается этой основополагающей истины, то между тем пониманием, которого я достиг тогда, и нынешним моим пониманием нет никакой разницы. Но все же теперь, обладая совершенным и ясным Оком Дхармы, я совершенно свободен, и эта свобода не вступает в противоречие со всем сущим. Между тем, каким я был тогда, когда я пребывал с Дося, и тем, каков я сейчас, есть различие, подобное различию между небом и землей. Не сомневайтесь, это произойдет и с вами. Придет тот день, когда ваше Око Дхармы откроется полностью.

Кто-то спросил о словах и высказываниях великих дзэнских мастеров прошлого.

Банкэй:

— Ты можешь понять одно из этих высказываний, но затем ты тут же начнешь сомневаться в другом. Ты можешь проработать хоть целый миллион таких фраз, но конца этому не будет. Если же ты внимательно прислушаешься к тому, что я говорю, и поймешь это, то тогда все эти удивительные слова и чудесные высказывания будут исходить непосредственно из твоих уст. А если это не произойдет с тобой, то в чем же тогда смысл следования Пути?

Банкэй сказал (обращаясь к своим ученикам):

— В наши дни люди, изучающие дзэн, тратят все свое время на изучение старых дзэнских слов и историй, цитируя то одного, то другого мастера, в то время как сами они безнадежно бьются над их коанами. Подобно собакам, крутятся они вокруг слов других людей, кормятся их объедками. Они заперты в чьей-то клетке и неспособны вырваться на свободу. Так и живут они вместе с бесплотными духами в глубоких темных пещерах. Здесь вы не встретите

подобных «мыслителей» и «думателей». Здесь я делаю все, чтобы люди стояли независимо и самостоятельно, с полностью открытыми глазами. Каждое слово или высказывание, произнесенное достойными учителями прошлого, было сказано как реакция на какую-то конкретную ситуацию, в соответствии с меняющимися обстоятельствами — они пытались остановить плач ребенка, показывая ему пустой кулак. Да как может тот, кто принадлежит к школе дзэн, передать людям хоть какую-то Дхарму!¹⁹

Если вы привязываетесь к каким-то высказываниям и путаетесь в словах, то вы ничем не лучше того человека, который, стоя на борту плывущего корабля, уронил свой меч в воду, а затем отметил на поручне то место, где он упал [намереваясь найти его несколько позже].

Однажды утром, находясь в зале дзэндо во время проведения [в 1684 году] затвора в храме Кориндзи, я [Ицудзан] испытал просветление. Я отправился к мастеру и сказал ему:

— Прежде я безоговорочно верил всему, что Вы говорили нам. Я был введен в заблуждение Вашими словами. Но сегодня утром я достиг совершенного и непосредственного понимания самой сути своей, не опираясь при этом на Ваше учение. И тем не менее все обстоит точно так, как

Вы говорили нам каждый день. Это невозможно выразить словами.

— А это вовсе не обязательно, — сказал Банкэй, — я все знаю об этом.

Я сказал:

— Вы всегда говорили, что нет никакого окончательно великого просветления. Но с того места, что я достиг сегодня, я вижу, что Дхарма может явиться только тому человеку, который постиг ее сам. Когда Риндзай был в общине Обаку, он трижды вопрошал его о сути буддийской Дхармы. Каждый раз Обаку бил его, но это не привело Риндзая к просветлению. Однако когда он пришел к Дайгу и Дайгу сказал ему всего одно слово, Риндзай испытал сатори и сказал:

— В конце концов, в буддийской Дхарме Обаку нет ничего особенного. Это и было самопостижением Риндзая.²⁰

Банкэй сказал:

— Ты считаешь, что в них было что-то особенное только потому, что они — мастера дзэн древности. Но они ничем не отличны от людей, живущих в наше время. Сатори Риндзая явилось его входом в состояние просветления. Все истинные люди Пути — и те, что жили в прошлом, и те, что живут в наше время, — обретают такой опыт. Но если остановиться на этом, то ты удовлетворишься лишь малым постижением. Если ты не будешь предельно внимателен, после того, как ты испытал первое

сатори, то тебе будет очень сложно открыть полностью свое Око Дхармы.

Я ответил:

— Я конечно, отнюдь не подвергаю Ваши слова сомнению, но сейчас у меня нет ни тени сомнения в Дхарме и вряд ли я смогу достичь чего-то большего, чем я достиг к настоящему моменту.

Банкэй сказал:

— Очень легко достичь состояния, в котором ты сейчас находишься. Освободиться от сомнений. Не иметь больше вопросов. Но Дхарма неизмеримо глубока, и чем больше ты проникаешься ею, тем глубже она становится.

ИЗ ДИАЛОГОВ БАНКЭЯ

Кто-то спросил о дзадзэн. Банкэй ответил, сказав такие слова:

«Дзэн дзадзэн заключается в соответствии чудесной присущей вам от рождения мудрости (санскр. *праджня*), что предшествует появлению различающей мысли; *дэа* — значит быть свободным от всех обстоятельств. Если вы просто сидите с закрытыми глазами, то это нельзя назвать дзадзэн. Я ценю только такой дзадзэн, который соответствует чудесной мудрости. Все ваши иллюзии основываются на [различающей] мысли. Вот почему вы оказываетесь в колесе перерождений. Когда у вас появляется гневная мысль, вы становитесь Сражающимся Демоном; страсть превращает вас в Животное; сожаления и метания превращают вас в Голодного Духа. Если вы умрете, так и не освободившись от этих мыслей, то вы будете вечно вращаться в колесе перерождений, проходя через различные изменения формы в иллюзорном рождении-и-смерти. Если вы освободитесь от мыслей и не будете омрачены иллюзиями, то не будет кармической причины и следствия. А если нет причины и следствия, то нет и перерождения. Пока есть [различающая] мысль, если вы творите добро, есть благая причина и следствие, а если вы творите зло, есть пагубная причина и следствие. Когда вы освободитесь от [различающей] мысли, вы будете пребывать в гармонии с чудесной *прадж-*

ня — мудростью, не будет ни рождения, ни смерти, ни причины, ни следствия. Все это может звучать как мысль об отрицании или пустоте, в которой ни для чего нет места. Но это не так. Почему? Потому что сейчас, когда я говорю вам все это, вы слышите меня. Вы не принимаете решения о том, что вы хотите услышать меня, но все же, поскольку изначальная мудрость, которую каждый из вас получил при рождении, совершенно освещает все сущее, каждый из вас слышит и понимает меня. Когда ваше тело соприкасается с огнем или водой, вы сразу же чувствуете жар или холод, хотя никого из вас не обучали этому. Так как эта деятельность свободна от [вмешательства] мыслей, вряд ли можно назвать это пустотой, даже несмотря на отсутствие мыслей. Эта чудесная мудрость вашей изначальной природы свободна от дуалистических представлений о бытии и пустоте. Эта мудрость постоянно присутствует во всех вещах/дхармах и соединяет собой все сущее. Какую пользу можно извлечь при таком положении вещей из различающей мысли? Различающая мысль появляется там, где есть иллюзия. Если вы постигнете неразличающую мудрость, то вы будете видеть и распознавать все вещи/дхармы, и это видение и распознавание будет предшествовать возникновению мыслительного различения, и у вас не останется ни одной иллюзии. Вот почему я восхваляю неразличающую мудрость и говорю, что дзадзэн нерожденной, чудесной мудрости есть высшая практика.

Последователи дзэн не манипулируют словами и доводами для обсуждения предметов второстепенной или третьестепенной важности. По этой причине Учение Будды иногда несправедливо обвиняют в пренебрежении вопросами практического свойства, и в том, что оно противоречит пяти основным конфуцианским добродетелям и не способствует проявлению верности и сыновней почтительности. Люди, которые говорят это, не понимают основного принципа Пути Будды. Что касается “верности” и “сыновней почтительности”, то представления о “верности” и “сыновней почтительности” возникают только тогда, когда появляются мысли о неверности или непочтительности. Если вы свободны от иллюзий, то как же вы можете испытывать недостаток верности или сыновней почтительности! Недостаток верности или почтительности возникает из-за иллюзий. Иллюзия — это различающая мысль. Так какую же неверность или непочтительность может проявлять тот, чье сознание свободно от различающей мысли?»*

* «A Selection from Bankei's Zen Dialogues», «Eastern Buddhist» VIII, 2 (October 1975), p. 125–126. См. прим. 1 к «Записям бесед и высказываний мастера дзэн Банкэя».

В пятом году Гэнроку (1692) Банкэй затворился в храме Дзидзодзи в Киото, с тем чтобы оправиться от очередного обострения своей болезни. Его ученик Сэкимон, настоятель храма Рюмондзи, прислал в Киото некоего монаха по имени Тэнкю, дабы справиться о здоровье мастера и о том, как он поживает. Тэнкю расспросил Банкэя о его самочувствии, а после этого рассказал ему о том, что несколько молодых монахов, находящихся в Рюмондзи, скверно ведут себя, выказывают неуважение к старшим и всячески беспокоят других монахов, нарушая тем самым обычный ход обучения в залах для медитации. Он сказал, что Сэкимон просит у Банкэя разрешения отправить их в какое-то другое место, в храм Нёходзи на остров Сикоку или в храм Кориндзи в Эдо, надеясь на то, что там их отношение к постижению дзэн изменится в лучшую сторону.

Банкэй немедленно созвал своих помощников. Когда пришли Сюин, Сорё и Сонин, Банкэй известил их о просьбе Сэкимона, а затем сказал им такие слова:

— Залы монастыря строятся с тем, чтобы вместить как можно больше таких злодеев, дабы за них можно было взяться и сделать из них хороших, добрых людей. Сэкимон, не принимая это во внимание и вовсе не проявляя к ним сострадания, хочет сбить их с рук и позволить им унести свои беды в какое-то другое место. Как

же он может называть себя настоятелем храма? Если люди, не благоволящие к другим и не способные к проявлению сострадания, возвышаются до положения настоятелей храмов, то можно считать, что моя Дхарма все равно что иссякла. [«Рякки»]

Среди великого множества людей, собравшихся в храме Рюмондзи на великий зимний затвор [1690 года], был некий монах из провинции Мино, который был известен как вор во многих монастырях по всей стране. Семеро других монахов из провинции Мино, знавшие о дурной славе этого человека, пришли к дежурному монаху и сказали:

— Все знают, что этот человек — вор. Скажите только слово и мы проследим за тем, чтобы он ушел отсюда. Мы не хотим, чтобы из-за него на этом затворе возникли какие-либо неприятности.

Дежурный монах известил об этом настоятеля Сэкимона, который в свою очередь, обратился с этим к Банкэю. Банкэй нахмурил брови:

— Как ты думаешь, зачем меня попросили провести этот затвор? Я хочу, чтобы каждый из присутствующих здесь людей постиг естественно присущую ему мудрость [сознания будды]. Я хочу, чтобы злодеи отвернулись от

своих злодеяний и чтобы хорошие люди продолжали быть добрыми. Ты же хочешь допустить сюда только честных и праведных людей, изгоняя всех плохих. Это полностью противоположно тому, что я стараюсь делать.

Сэкимон не сказал ни слова, но его охватило чувство стыда, потому что он не сумел понять намерения Банкэя. [«Рякки»]

Банкэй прибыл в храм Сёгэндзи, расположенный в провинции Мино, дабы принять участие в церемонии, проводившейся в честь основателя этого храма, «Наставника Страны» Кандзана.²¹ Настоятель и все монахи просили Банкэя произнести проповедь, но он отклонил эту честь, сказав, что испытывает слишком глубокое почтение к Кандзану, чтобы позволить себе говорить в том же зале, в котором проповедовал когда-то сам Кандзан. Несмотря на его твердый отказ, настойчивые просьбы настоятеля в конце концов вынудили его снизойти к ним. Известно, что настоятель приказал вынести для Банкэя стул, но он им не воспользовался и произнес проповедь, сидя на полу. Те, кто обладают истинным пониманием Драхмы, преисполнились к этому поступку глубочайшего почтения. [«Сэппо»]

Однажды во время приема пищи в храме Дзидзодзи в Ямасина Банкэй сказал:

— Сегодня повар выполнил свою работу просто замечательно. Все очень вкусно.

Молодой монах, прислуживавший ему, сказал:

— Ваша порция была отобрана специально.

— Кто это сделал? — спросил Банкэй.

— Сокё, — ответил монах.²²

— Какой позор, — сказал Банкэй. — Его привычка к разграничению распространяется даже на котлы для приготовления пищи.

После этого случая Банкэй перестал есть овощи и ел только рис. Сокё, приняв упрек мастера близко к сердцу, поступил точно так же. Это продолжалось на протяжении нескольких месяцев, пока Банкэй не узнал о том, что Сокё тоже не ест овощи. Узнав об этом, он снова стал есть как положено. [«Рякки»]

ДЗЭЙГО
НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА
(Дзэнские диалоги Банкэя Ётаку)

Некий монах спросил Банкэя:

— Почему Вы не применяете посох и крик, как Риндзай и Токусан, и все другие настоящие мастера дзэн прошлого?

Банкэй сказал:

— У Риндзая был крик. У Токусана был посох. У меня есть мой язык.

ВВЕДЕНИЕ

«Необязательные слова» (яп. «Дзэйго») — это сборник диалогов Банкэя, состоящий, за исключением нескольких коротких проповедей, из его бесед со своими учени-

ками, мастерами дзэн и наставниками других школ буддизма*. Редактор-составитель этого сборника, Сандо Тидзё (1667—1749), перевел собранные им материалы с японского языка на китайский, традиционно использовавшийся для подобных записей. Он также добавил к этому сборнику свое предисловие и прокомментировал некоторые истории.

В год смерти Банкэя Тидзё было двадцать шесть лет. Тидзё пишет в своей рукописи, что составление этого сборника он завершил в 1747 году, будучи в возрасте восьмидесяти лет. Эта рукопись была впервые опубликована в вышедшем в 1941 году первом большом издании «Записей о жизни и учении Банкэя» — «Банкэй дзэндзи гороку» («Записи высказываний мастера дзэн Банкэя»), под редакцией Д.Т. Судзуки (серия Иванами Бунко; последнее переиздание вышло в 1966 г.). Настоящий перевод был выполнен с этого текста. Кроме этого, я также сверялся с текстом, приведенным в издании «Банкэй дзэндзи дзэнсю» («Полное собрание записей [о жизни и учении] мастера дзэн Банкэя»), под редакцией Акао Рюдзи (Дайдзо Сюппан, 1976), с. 279—343.

* «Unnecessary Words» Part I: 1—29, «*Eastern Buddhist*» XVI, 2 (October 1983), p. 90—113;

«Unnecessary Words» Part II: 30—71, «*Eastern Buddhist*» XVII, 1 (May 1984), p. 108—131.

ПРЕДИСЛОВИЕ САНДО ТИДЗЁ

Чувства восхищения и уважения, что испытывают люди к добродетельным достижениям своего учителя, возникают у них совершенно спонтанно. Хотя они могут решиться молчать о его чудесных словах и деяниях, они все-таки не могут удержаться и ничего не сказать об этом. Вот откуда эти «необязательные слова». Со смертью мастера навсегда исчезла целая жизнь, наполненная бесчисленными достойными свершениями и непревзойденными высказываниями. Ныне же чрезвычайно трудно собрать то немногое, что осталось. При составлении этого сборника я просто включал в него все, что мог найти — один лист здесь, две травинки там. Поэтому записи в нем не имеют какого-либо порядка относительно времени или места, где произошло то или иное событие.

Давным-давно, во времена династии Тан, великий китайский мастер Уммон запрещал своим ученикам записывать его слова. Однако, несмотря на это, его помощник по имени Он записал его слова и поэтому они дошли до нашего времени.¹ Этому примеру можно только позавидовать. Когда мастер Банкэй был еще жив, он тоже строго-настрого запрещал своим последователям записывать его проповеди и беседы. Но рядом с ним не было помощника Она, который был бы готов записать его слова на своей бумажной рясе, поэтому все эти бесчисленные слова, изысканные, как звон нефрита, были

отброшены в сторону и никто не собрал их — это все равно что позволить воробьям играть с нефритом. Какая потеря!

(Несколько лет спустя после смерти Банкэя, дзэнский мастер Дзёмё [Ицудзан] показал мне одну находящуюся у него рукопись. Это была запись одной из неофициальных бесед-проповедей мастера. Вымыв свои руки и прополоскав рот, я с тщанием и благоговением прочитал эту рукопись, чувствуя себя так, как будто я сижу прямо перед самим мастером, внимательно слушая его исполненную сострадания проповедь. С великим почтением поднес я эту рукопись к моей голове. Затем я достал кисть и переписал ее. Копию этой рукописи я со всей осторожностью положил в особую шкатулку рядом с другими редкими и ценными книгами — ибо то, что я получил, это же не какой-то там драгоценный камень! Увы, мастер Дзёмё, мастер Рэйгэн, и наставник Дайкэй Какко, служившие в течение многих лет помощниками Банкэя,² строго соблюдали его запрет и не осмеливались нарушить его. В результате знания об учении Банкэя стали практически недоступными. Поэтому теперь, завершив составление настоящего сборника высказываний Банкэя, я поискал в моих шкатулках и нашел копию той рукописи, которую я сделал много лет назад — что может превзойти это Сокровище Дхармы? С уважением помещаю эту запись в начало моего собрания необязательных слов.)

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

1

Как может дзэн, школа «прямого указания», обладать хоть одной дхармой, которую можно было бы проповедовать людям?³ Согласно учению нашей школы, все, что вам надо сделать, это обратиться к своему изначальному лицу, к тому лицу, которое вы обрели, когда вышли из чрева вашей матери. Посмотрите на себя! Чего вам не хватает, если вы можете видеть и слышать среди разнообразных обстоятельств вашей обычной жизни? У вас совершенно все в порядке уже сейчас, притом, что вы таковы, как вы есть. Но если вы позволили возникнуть в своем сознании хоть малейшей мысли или намерению сделать что-то, то вы уже заблуждаетесь. Когда вы смотрите и слышите, вы суть Нерожденное [сознание будды]. Когда вы не смотрите и не слышите, вы суть Неумирающее. Эта изначальная нерожденность и неумираемость простирается за пределы прошлого и настоящего, превосходя своей яркостью даже солнце и луну. Она постоянно наличествует во всем сущем и охватывает собой небо и землю. Она находится вне сфер иллюзии и просветления, будучи совершенно отстраненной как от просветленного, так и от непросветленного. В Нерожденном каждая вещь [в отдельности] и все вещи

[в целом] изначально истинны и освещены чудесной всеосвещающей мудростью, благодаря которой вы всегда, где бы вы ни находились, пребываете в состоянии ничем не ограниченной свободы. Полная непостижимость и совершенная добродетель (благая сила) Нерожденного всегда находится в сознании любого из вас — Нерожденного нельзя найти где-то еще. Люди говорят об изначальном сознании Будд и патриархов, но между сознанием Будд и патриархов и вашим сознанием нет различия толщиной даже в волос. Несмотря на это, вы испытываете желание породить мысли, искать что-то вне себя, искать состояние Будды, искать Дхарму, искать знание, искать освобождение. Вы сами создаете себе препятствия, которые мешают вам и не дают вам пребывать в вашем изначальном сознании.

Некий древний Будда сказал:

— Яджнядатта достиг просветления в тот момент, когда прекратил свой безумный поиск.⁴

Поэтому даже если вы обрели понимание всех сутр, проповедованных Буддой, постигли все тайны дзэнских коанов и смогли уверенно продемонстрировать свое понимание, когда вы внимательно посмотрите вокруг себя, вы увидите, что все это всего лишь пыль, покрывающая вас как липкая грязь. Когда настанет ваш последний час, когда рассеются четыре составляющих [ваше тело] элемента, вы не сможете вос-

пользоваться ничем из этого. Поэтому гораздо лучше посмотреть вглубь себя, постичь свою суть и действовать непосредственно и без задержки, используя животворящую, изначальную энергию Нерожденного. Как вы думаете, какие искусные средства применяют Будды и патриархи, приходящие в этот мир?⁵ Они просто вырывают гвозди [привязанностей] и ломают клетки [иллюзий], дабы вы были свободны и не испытывали привязанностей. Слушая меня, вы можете подумать, что вы уже поняли смысл того, что я только что сказал. Вы можете воображать, что вы действительно верите в это. Но поскольку ваша уверенность еще далека от совершенства, вы позволяете другим вводить вас в заблуждение и живете как бесплотные духи, льнете к деревьям и пригибаетесь к траве, теряете свой путь под ясным безоблачным небом, теряете свою свободу и подчиняетесь кому-то. Разве это не достойно сожаления?

Из глаз мастера исходил свет, который освещал людей и проникал прямо в сердца тех, кто предстал перед ним. Он совершенно точно узнавал о них все, прежде чем они успевали сказать или сделать что-нибудь. Он был подобен светлому зеркалу. «Если к нему приходил варвар, являлся варвар. Если к нему приходил китаец, являлся китаец».⁶ Однажды, когда он был в храме Кориндзи в Эдо, к нему подошел и поклонился некий монах.

— Как ты практикуешь Дхарму? — спросил Банкэй. Монах высказал ему свое понимание.

— Твои слова и твое понимание не совпадают, — сказал Банкэй. — То, что ты говоришь, обгоняет летящего дракона, но то, что ты есть, не поспевает за хромою черепахой. Перед тем, как прийти сюда, ты обсудил те слова, которые ты сказал мне, с более продвинутым учеником, думая, что тебе удастся провести этого старого монаха. Но когда ты приходишь к учителю, который обладает истинным Оком Дхармы, ты не можешь утаить от него даже то, что тебе удалось спрятать от самого солнца.

Монах встал, поклонился Банкэю и с благодарностью принял его учение.

3

Во время одной из своих проповедей мастер сказал:

— Мое нынешнее состояние находится за пределами понимания самих Будд и патриархов.

Сосредоточенность Банкэя при выполнении повседневных дел была выше человеческого понимания. Иногда, когда он был чем-то занят, монахи, прислуживающие ему, думали, что он пренебрегает выполнением того, что он должен сделать, или делает что-то вовсе противоположное. Они просто не могли объяснить его намерения. Однако

позже они обнаруживали истинное значение и смысл этих поступков.

4

Мастер постоянно использовал в своем учении слово «Нерожденное», и те, кто приходили к нему, получали от него пользу в соответствии со своими способностями. Это подобно тому, как рыбы и моллюски, черепахи и киты, которые населяют необъятный океан, могут пить столько воды, сколько им нужно, не испытывая в ней недостатка.

5

Мастер сказал:

— Есть одно дзэнское высказывание, которое описывает суть учения нашей школы: «Если есть различие толщиной хоть в волос, то вы так же далеки от истины, как небо от земли». ⁷ Если во время дзэнского диалога-поединка два сознания двигаются без какого-либо разделения, то это подобно двум зеркалам, отражающим друг друга. Все сущее являет себя в своей истинной таковости, поэтому все вещи/дхармы совершенно истинны. Над вами нет ничего, за что можно было бы ухватиться, а под

вами нет ничего, на что можно было бы опереться. Вы живете в состоянии своего изначального совершенства, нерожденного и неумирающего, и погружены в самадхи абсолютной свободы, в котором ничто, даже каменные стены, не может остановить вас. Вы должны осознать, что только ваши предвзятые взгляды и предубеждения являются для вас препятствием, и что «пребывание в бездействии» есть пребывание в темной, кишасей духами пещере. Это относится и к словам, которые я сейчас произношу. Вы совершаете непоправимую ошибку, если ищете в них какой-то смысл. Если я даю вам слово объяснения, и вы привязываетесь к нему, то вы сбиваетесь с пути. Лучше всего не позволять себе останавливаться или пребывать где бы то ни было. Слова и фразы, которые я произношу, крики, которые я издаю, и удары посохом, которые я наношу вам, — все это несъедобные железные гвозди. Вам не удастся их прожевать.

6

Мастер неоднократно сокрушался о том, сколь много пагубных обычаев установилось в его время в дзэнских монастырях и храмах. Его учение всегда было прямым и непосредственным и определялось только конкретной ситуацией. Он не допускал неразборчивого использования посоха и крика, не позволял ученикам заниматься

литературным времяпрепровождением, устраивать стилизованные дзэнские диалоги и выставлять напоказ прочие проявления «дзэнской активности». Кроме этого, он принял обет не применять в своем учении цитаты из буддийских сутр и дзэнских писаний. Отвечая на вопросы тех, кто приходил к нему, каковы бы ни были их интеллектуальные способности, он всегда использовал обычный язык повседневной жизни. В то время практика дзэн описывалась китайскими терминами и высказываниями буддийских патриархов прошлого. Но мастер Банкэй заставлял своих учеников спонтанно и естественно проникать до костей и костного мозга,⁸ обращаясь к ним на неформальном, разговорном японском языке, который они сами использовали в своей повседневной жизни.

7

Что касалось наставления учеников, находившихся под его началом, мастер не устанавливал каких-либо правил и предписаний, которые они были бы обязаны соблюдать, но тем не менее в его храмах всегда была спокойная и уважительная атмосфера, являющаяся собой пример воплощения принципа: «не управлять, но и не иметь беспорядка; делать то, что необходимо, не получая на то приказа».

8

Некий мирянин спросил:

— Разве то, что Вы говорите о «Нерожденном», не похоже на наставление, которое дал Махакатьяне мирянин Вималакирти?⁹

— Скажи мне, что ты имеешь в виду, — ответил Банкэй.

— В соответствии с сутрой, Вималакирти сказал: «Махакатьяна, ты не должен использовать деятельность сознания для того, чтобы проповедовать о неизменной реальности вещей/дхарм. Все сущее изначально нерожденно и неумирающе; вот в чем заключается смысл непостоянства и страдания».

— Вималакирти сказал эти слова для наставления Махакатьяны, — сказал Банкэй. — Мое учение предназначается для того, чтобы заставить людей проникнуть за пределы слов.

9

Некий наставник эзотерического буддизма школы Сингон пришел к мастеру и сказал:

— Принцип Нерожденного в медитации нашей школы на букве А содержит два аспекта, аспект

«устранения иллюзии» и аспект «актуализации истины». Не попадает ли Ваше учение во вторую категорию?¹⁰

— Подойди поближе, — ответил Банкэй.

Наставник подошел поближе.

Банкэй прокричал:

— А это какой аспект?!

Наставник оцепенел.

Один монах в собрании высунул язык от удивления.

10

Некий монах сказал Банкэю:

— При чтении историй о выдающихся мастерах дзэн прошлого можно заметить, что в зависимости от сложившейся ситуации они использовали много разных слов для обучения своих учеников. Вы же используете только одно слово «Нерожденное». Не кажется ли вам, что это является препятствием для практики Дхармы?

— Разве ты не читал о Гутэе? — сказал Банкэй. — Когда кто-нибудь задавал ему какой-то вопрос, он просто поднимал вверх палец. Он говорил: «Я постиг дзэн одного пальца Тэнрю. Я могу пользоваться им на протяжении всей своей жизни».

и не исчерпать его». ¹¹ Он просто поднимал свой палец и молчал. Как может то, что невозможно исчерпать за всю жизнь, быть препятствием для практики Дхармы? Дзэн одного пальца Гутэя — это не единственный пример. Крик Риндзая, посох Токусана, «Не испытывай иллюзий!» Муго, «Основной иероглиф» Дзуйгана — все это примеры Великих Дел, олицетворяемых каждым настоящим мастером дзэн. ¹² Не то чтобы слово «Нерожденное» отсутствовало в буддийских сутрах и дзэнских писаниях, его можно в них встретить. Но кто со времен первых Будд и патриархов, за исключением этого старого монаха, использовал только одно слово для наставления своих учеников?

Монах почтительно поблагодарил Банкэя и впоследствии прилежно следовал учению мастера.

11

Мастер сказал:

— Учитель дзэн не может помочь другим людям, если сам он не обладает всепрорезающим Оком Дхармы. Если его Око Дхармы совершенно, то он может узнать все про любого человека, едва только глянув на его лицо. Он может узнать все про него, всего лишь услышав его голос за стенами храма. Око Дхар-

мы подобно светлому зеркалу, которое полностью и совершенно отчетливо отражает все, что предстает перед ним, отражает и прекрасное, и безобразное. Каждое слово такого мастера, каждое его действие поражает привязанности его учеников как острый меч, разбивает их оковы и вводит их в сферу чудесной свободы и благословенной радости. Если наставник не может этого, то чем же он может помочь людям? Именно в этом совершенном владении Оком Дхармы наша школа превосходит все другие школы буддизма. Мы называем его «Драгоценным Оком Истиной Дхармы», «Особым Учением помимо Писаний», «Наследством Будд и патриархов». Посмотрите на Будд и патриархов, появившихся в этом мире. Они могли отличить черное от белого быстрее, чем летит искра. Они постигали основы [Учения] со скоростью молнии. Неужели Око Дхармы таких людей было хоть в чем-то несовершенно? Однако дзэнские наставники нашего времени ошибочно считают ловкость ученика в обращении со словами и письменными знаками основным критерием, по которому они судят о том, постиг ли он суть дзэн. Они дают свидетельство-инка тому, кто быстр и остроумен при обмене ударами в дзэнском диалоге-поединке. Это заковывает ученика в тяжелые кандалы. Такие наставники не только сами ошибаются, но и других вводят в заблуждение. Вам не удастся найти человека, который был бы способен

предстать перед кем-нибудь и узнать его суть, прежде чем он успеет вымолвить хоть одно слово или совершить какое-то действие. Таких учителей больше нет. Как жаль!

12

Ныне мастер обращает людей к своему учению о Нерожденном, не прилагая к этому никаких усилий. На протяжении последних трехсот лет учителя и ученики привязывались к своей практике, искали странного и необычного, не уделяя внимания действительности того, что они делают. Ученикам было очень сложно научиться чему-то, следуя наставлениям таких учителей.

Раньше, когда Банкэй давал наставления в дзэн приходившим к нему людям, он выслушивал их вопросы и вовлекал их в диалог-поединок, но их ответы не могли сравниться с ответами мастера. Многие из них доходили до подножия горы, а затем отступали назад. Потом ученики, желавшие побеседовать с мастером, собирались в больших количествах — они были подобны грозovým тучам. Они вверяли себя мастеру еще прежде чем успевали увидеть его лицо, а когда они представляли перед ним, они опустошали свое сознание и принимали его учение, находясь в состоянии совершенной отстраненности от своего «я». Поэтому теперь мастеру не приходится прилагать больших усилий [для их обучения].

13

Мастер никогда не пытался привлечь к себе внимание этого мира. Он держался на удалении от наделенных властью и богатством и воздерживался от поддержания близких отношений с членами императорской семьи и представителями аристократии. Однажды, когда Банкэй проезжал через провинцию Этидзэн, даймё этой провинции, господин Мацудайра, услышал что-то о Банкэе и пришел посетить мастера на постоялом дворе, где он остановился. Однако когда он вошел в комнату, Банкэй не встал поприветствовать его; мастер также не снял свой головной убор во время беседы. И все же его обращение было очень теплым и уважительным. Когда господин Мацудайра вернулся в свои владения, он сказал своим вассалам:

— Мастер Банкэй, несомненно, не обычный наставник. Он не снял своего головного убора во время нашей беседы, и все же я не почувствовал ни малейшего намека на неуважение. Такое спокойствие и уверенность вряд ли были бы возможны, если бы его постижение не было полным и совершенным.

Банкэй обходился так со всеми людьми высокого положения. Его слова были достойными и уважительными, его поведение было благородным и утонченным, но он никогда не вел себя так в угоду этому миру.

14

С того времени когда Банкэй вступил в храм Рюмондзи и начал учить как основатель храма и его первый настоятель, братья Сасаки, которые были членами семьи богатых купцов-судовладельцев, обеспечивали ему необходимую финансовую поддержку; все здания храма были построены на их пожертвования, из этого же источника покрывались и расходы на содержание храма.¹³ Сколько бы людей ни собиралось в храме, братья Сасаки обеспечивали их всех достаточным количеством еды. В залах дзэндо всегда находилось не менее семи сотен монахов, а во время проведения летнего затвора в третьем году Гэнроку (1690) на нем присутствовали тринадцать сотен монахов — ни в одном из залов нельзя было найти свободного места.

15

Когда Банкэй только приступил к распространению своего учения, братья Сасаки просили его о том, чтобы он разрешил им стать его прихожанами. Мастер отказывал им, но они просили его очень настойчиво:

— Даже если бы наше семейное дело расстроилось, даже если бы все принадлежащие нам магазины и склады товаров опустели, даже если бы нам пришлось ни-

ценствовать, то и тогда мы не перестали бы защищать и охранять крепость Дхармы уважаемого мастера.

В конце концов Банкэй уступил их просьбам. Впоследствии, когда бы монастырю ни потребовались какие-то средства, он приказывал братьям Сасаки предоставить их. Мастер ни разу не советовался с ними о чем-либо и не давал им никаких объяснений. Было ли это проявлением сострадания мастера, который отказался признавать различия между учениками, остающимися в миру, и монахами, находящимися в монастыре? Или он поступил так потому, что братья Сасаки уже обладали зрелым пониманием Дхармы Будды?

16

Однажды, когда мастер был в храме Фумондзи на острове Хирано, к нему пришел настоятель храма Кодайдзи из Нагасаки.¹⁴ После краткой беседы этот наставник сказал:

— Ваше учение ясно и понятно. Необходимо без промедления пресечь в корне все страсти и иллюзии, не вовлекаясь в [какую-либо] практику. Но что же Вы тогда скажете о той истории про мастера дзэн по имени Тёкэй, который изнасил семь подушечек для сидения, занимаясь дзадзэн?¹⁵

— Ты неверно прочел повествующие о нем запи-

си, — сказал Банкэй. — Тёкэй обучался у многих мастеров в течение двенадцати лет, его учителями были Рэйун, Сэппо, и Гэнся — вот когда он износил те семь подушечек для сидения. Но все это не привело его к пониманию. Затем, подняв однажды занавес, он внезапно достиг просветления и сочинил следующее стихотворение: *«Теперь все по-другому! Все по-другому! Я поднял занавес и увидел весь мир. Если кто-нибудь попросит меня объяснить, что я увидел, я дам ему по губам своей мухогонкой»*. Я думаю, что тебе следует повнимательней перечитать этот отрывок.

Настоятель смог только кивнуть своей головой от удивления.

17

Когэн, высокопоставленный наставник школы Сингон и настоятель храма Ниннадзи в Киото,¹⁶ навестил Банкэя в храме Дзидзодзи в Ямасина. После обмена приветствиями, Когэн сказал:

— Я являюсь наследником эзотерических учений школы Сингон, но мне все никак не удается постичь их основной смысл. Так, например, в одной из глав «Дайнити-сутры»¹⁷ сказано: «Познай источник своего собственного сознания в реальности таковости». Я потратил много времени и усилий, пытаюсь постичь свое собственное со-

знание, но все мои усилия ни к чему не привели. Читая дзэнские писания, я был глубоко впечатлен теми жесткими, бескомпромиссными методами, которые используют учителя дзэн для того, чтобы привести своих учеников к истине. Я хочу, чтобы Вы испытали свои искусные средства на мне.

— Одна лишь только тонкая пелена [иллюзий] отделяет тебя от источника твоего сознания, — сказал Банкэй, — но если [между вами] есть различие хоть в волос толщиной, то ты удален от него не меньше, чем небо от земли.

Когэн молчал.

— Так что же препятствует тебе прямо сейчас! — сказал Банкэй.

Когэн кивнул головой, затем почтительно поклонился. Впоследствии он часто приходил в Дзидзодзи.

18

Мастер школы Сото-дзэн Тэнкэй навестил Банкэя в храме Кориндзи в Эдо.¹⁸ После обмена приветствиями Тэнкэй сказал:

— Несколько лет назад, когда Вы остановились в моем храме в Симада, я не сумел постичь истинное знание Вашего учения. Только совсем недавно, обретя больше опыта и понимания, я осознал, как я тогда ошибал-

ся. Мастер, теперь я испытываю глубочайшее уважение к Вашим Великим Деяниям.

Тэнкэй держал в своей руке веер. Он поднял его вверх.

— Что Вы видите, мастер? Я вижу веер.

Банкэй просто покачал головой.

— С почтением принимаю Ваше наставление, — сказал Тэнкэй.

19

Когда Банкэю было тридцать с чем-то лет, он часто приходил в деревню Икаруга в своей родной провинции Харима. Несмотря на то что обитатели деревни любили и уважали его, монах Дзякуа, настоятель расположенного в этой деревне храма школы Тэндай Буссё-ин, отказывался принять его, считая, что этот молодой монах недостойн его внимания. Только настоячивые просьбы жителей деревни заставили его в конце концов смилостивиться и снизойти до встречи с Банкэем.

Дзякуа начал с того, что небрежно задал Банкэю несколько вопросов. Банкэй ответил на них очень быстро и с такой легкостью, что это слегка обеспокоило Дзякуа. Он припомнил все, что только знал об учении Будды. Снова и снова пытался он найти брешь

в познаниях Банкэя, однако по истечении некоторого времени у него уже не осталось больше вопросов.

Тогда он подумал: «Теперь я со всей определенностью понимаю, почему мастер Сайтё, основатель нашей школы,¹⁹ установил в главном храме на вершине горы Хиэй три учения: Тэндай, эзотерическое учение и дзэн».²⁰

С тех пор Дзякуа стал относиться к Банкэю с большим уважением и часто навещал его. Несколько лет спустя ему прислали приглашение из Киото провести цикл лекций по сутрам в храме Энрякудзи, главном храме школы Тэндай на горе Хиэй. Он принял это приглашение и отправился в храм Рюмондзи в провинции Хамада, чтобы увидеться с Банкэем. Когда он рассказал ему, что произошло, Банкэй поднял в воздух палец и спросил:

— Дзяри!²¹ Сможете ли Вы проповедовать по этой сутре?

Дзякуа остолбенел. Капли холодного пота выступили по его телу. В тот же день он послал в Энрякудзи извещение о том, что отменяет свою поездку. Затем он отказался от своего положения монаха школы Тэндай, и, облачившись в одежды дзэнского монаха, стал учеником Банкэя. Он посвящал себя практике с неослабевающим усердием. Люди прозвали его «рогатым тигром дзэнского леса». Этот монах, известный под именем Сорю Сэнгаку, стал одним из наследников Дхармы Банкэя, но умер он прежде мастера.

Однажды, когда Банкэй находился в храме Гёку-родзи в провинции Мино,²² к нему пришел мастер школы Сото-дзэн по имени Юйэ.²³ Банкэй тепло принял его и приказал монахам приготовить для него отдельные покои. Вместо того чтобы подождать, пока Юйэ придет к нему, он сам пошел в гостевые покои, чтобы побеседовать с ним. Когда монахи увидели, что Банкэй зашел в комнату, они тихонько подошли к двери, чтобы услышать, о чем будут говорить два мастера, однако Банкэй обнаружил это и приказал своим приближенным отогнать их. Когда Банкэй вернулся в свои покои, он сказал:

— Это дзэнский мастер обладает обширными знаниями, но вот и конец им.

Кто-то сказал:

— Отныне Юйэ не будет наполнять свои проповеди множеством необязательных слов.

В ходе беседы Юйэ сказал Банкэю:

— Духовное сознание пробудилось во мне, когда мне было семнадцать или восемнадцать лет. Я посвящал все свое время занятиям дзадзэн, не делая перерывов даже на сон и отдых. Я продолжал в таком духе в течение тридцати лет. Я делал это для того, чтобы остановить мои иллюзорные мысли. Последние несколько лет мне удается поддерживать свое сознание немного более чистым. Но какой практикой занимались Вы, что позволя-

ет Вам освобождать людей так, как Вы это делаете с теми, кто приходит к Вам? Скажите мне об этом, пожалуйста, поскольку это окажет мне совершенно неоценимую помощь.

— Когда я был молод, — сказал Банкэй, — мое сознание тоже было омрачено иллюзорными мыслями. Затем я внезапно постиг истину, что все сущее изначально пусто и спокойно, и с тех пор я перестал метаться и выбирать, и мое сознание стало совершенно чистым.

Юйэ преисполнился к Банкэю самого искреннего восхищения и уважения. Он подумал: «Все достойные мастера дзэн прошлого стали учителями людей, достигнув совершенства своего Ока Дхармы. Этот старый монах прорвался к просветлению, и теперь он обладает точно таким же всепрорезающим Оком. Он может прямо прозревать сердца людей и все узнавать о них с одного взгляда».

Перед тем как принять обеты и стать буддийским монахом, мастер школы Обаку-дзэн Сингэцу посетил Банкэя в храме Кориндзи в Эдо.

— Как ты практикуешь Дхарму?

— В течение многих лет я читаю «Сутру Лотоса», — сказал Сингэцу.

— Кто читает сутру? — спросил Банкэй.

— Тот, кто произносит слова, — сказал Сингэцу.

— Кто произносит слова? — спросил Банкэй.

— Глаза по горизонтали, нос по вертикали, — сказал Сингэцу.

— Этим ты меня не проведешь, ты, сладкоречивый обманщик! — воскликнул Банкэй. — Сейчас же отвечай мне: «Кто произносит слова?»

Сингэцу колебался.

— Если бы наставники нашей школы не обладали всепрорезающим Оком Дхармы, они никогда не смогли бы стать учителями людей и небожителей, — сказал Банкэй. — Обладаешь ли ты этим Оком?

— Я думаю, что я, насколько это возможно, обладаю этим Оком, — сказал Сингэцу.

— Хорошо, — сказал Банкэй. Можешь ли ты оценить понимание каждого из людей, присутствующих в этом собрании?

— Но ведь здесь никого нет, — сказал Сингэцу, оглядываясь вокруг себя.

— Каждый человек, сидящий здесь, обладает своими отличительными качествами, — сказал Банкэй. Разве ты не можешь оценить их?

— А Вы? — ответил Сингэцу.

— Если бы я не мог этого, то я прошел бы мимо тебя, не обратив на тебя никакого внимания, — сказал Банкэй.

Сингэцу от удивления даже рот открыл.

— Ни в Китае, ни в этой стране нет ни одного наставника, который мог бы опровергнуть Ваше учение, — сказал Сингэцу. Мне, несомненно, очень повезло, что я принял участие в столь проникновенной беседе.

— Никто кроме этого старого монаха не указал бы тебе на твои ошибки, — сказал Банкэй. — Отныне будь прилежной и твои усилия будут вознаграждены.

Сингэцу никогда не забывал слов мастера и часто приходил в Кориндзи увидеться с ним.

22

В Хамада, родной деревне Банкэя, жил некий бедный крестьянин по имени Хатироэмон. Хатироэмон жил среди грязи и пыли этого мира и регулярно приходил к Банкэю слушать его учение. Так как он был человеком весьма эксцентричного поведения, другие жители деревни обращались с ним как с сумасшедшим и обходили его стороной. Они с недоумением смотрели на его близкие отношения с Банкэем и на те из ряда вон выходящие вещи, которые они делали вместе. Однажды, когда Банкэй уходил из деревни, он встретил по пути Хатироэмона.

— Куда это Вы собираетесь, мастер? — сказал Хатироэмон.

— К тебе домой, — ответил Банкэй.

— Захватили ли Вы с собой свое лекарство?²⁴ — спросил Хатироэмон.

— Конечно захватил, — ответил Банкэй.

— Я хочу, чтобы Вы заплатили мне за это лекарство, — сказал Хатироэмон, протягивая свою руку. Банкэй плюнул ему на ладонь. Оба они затряслись от смеха.

Все их беседы были более-менее похожи на эту. Никто не понимал, к чему они это делают.

Хатироэмон умер на руках у Банкэя. Последние его слова были таковы:

— Я умираю прямо в самом центре поля битвы Дхармы. Есть ли Вам что сказать мне, мастер?

— Скажу только, что ты должен повергнуть грозного противника, — сказал Банкэй.

— Позвольте ли Вы мне сделать это?

— Нет ничего, что я бы не позволил, — сказал Банкэй.

— О, муж мой! — запричитала жена Хатироэмона, вытирая слезы со своего лица. — Ты Будда. Почему же ты не спас меня от моего неведения до того, как ты оставил меня?

— Все мое тело, говорю я или молчу, пребываю ли я в движении или в покое, есть совершенное проявление истины, — ответил Хатироэмон. — Я никогда не переставал открывать тебе основы сознания. Почему же ты этого не понимала?

Однажды, после того как Банкэй закончил проповедь в храме Кориндзи, некий самурай, гордившийся своим умением в боевых искусствах, подошел к мастеру.

— Я много лет тренировался в искусстве ведения поединка, — сказал он. — С тех пор как я овладел этим искусством, мои руки двигаются в совершенном согласии с моим сознанием. Теперь, если я столкнусь с противником, мой меч снесет ему голову прежде чем он успеет поднять свое оружие. Это подобно тому Оку Дхармы, которым Вы обладаете.

— Ты говоришь, что в своем искусстве ты достиг совершенства, — сказал Банкэй. — Нанеси мне удар! Самурай заколебался.

— Мой удар ты уже пропустил, — сказал Банкэй. От удивления самурай даже открыл рот.

— Я поражен, — вздохнул он. — Ваш удар быстрее молнии. Голова моя покатила к Вашим ногам. Пожалуйста, мастер, научите меня основам Вашего дзэн.

С каждым последующим приходом в Кориндзи уважение этого самурая к Банкэю возрастало. Когда Банкэй пребывал в Эдо, множество самураев приходили встретиться с ним. Все они сталкивались с его мощным натиском и становились его преданными последователями.

Однажды, после проповеди, проведенной Банкэем в храме Нёходзи, несколько самураев столпились вокруг мастера, с тем чтобы порасспросить его о Дхарме.

— Мы верим всему, что Вы сказали нам, — заявили эти самураи. — Но есть еще кое-что, о чем мы хотели бы спросить Вас. Мы изучаем искусство владения мечом и к настоящему времени уже постигли основной принцип этого искусства. Однако мы не можем полностью применить это понимание на практике. Все еще существует разрыв между теорией и практикой.

— В таком случае, — сказал Банкэй, — вы еще не постигли принцип. Истинный принцип находится за пределами всех принципов и практики. Это совершенное взаимопереплетение принципа и действия, духа искусства и его техники — совершенное взаимопроникновение всего сущего.

Но это не убедило самураев. Они продолжали спорить о теории и практике, и о том, существует ли между ними разделение.

Затем один из них сказал:

— Я понимаю то, что Вы говорите, мастер, но я слышал, что Вы сами иногда используете посох для наставления своих учеников и что Вы никогда не бьете тех из них, кто проявляет выдающиеся способности.

— Тот, кто сказал тебе это, ошибался, — сказал Банкэй. — Ты не прав. В руках истинного учителя посох всегда бьет туда, куда надо. Никто не избежит посоха этого старого монаха!

Самураи замерли в немом изумлении.

У Банкэя было обычно пять-семь монахов, которые служили ему помощниками. Однажды он сказал им:

— Предположим, что вы невиновны, но кто-то начал распространять слухи о том, что вы совершили какой-то проступок. Каким будет состояние вашего сознания? Как вы считаете, сможете ли вы оставаться в Нерожденном сознании будды, отстраненном от мысли, пытаться отстоять свою честь?

— Как же мы сможем в таком случае оставаться в состоянии несознания? — ответили все помощники Банкэя.

— Когда я был молод, — сказал Банкэй, — мое стремление к [обретению] Пути Будды не оставляло места для прочих мыслей. Я посвящал себя этому поиску с однонаправленной решимостью, не принимая во внимание свою жизнь и здоровье. Если бы в то время злонамеренные слухи о моем якобы недостой-

ном поведении распространились бы по всей стране, я все равно продолжал бы вести свою практику без единой мысли о чем-либо ином.

— Такое поведение превыше наших сил, — сказали помощники с восхищением.

— Пусть даже дурная слава обо мне достигла бы ушей правительственных чиновников и меня заточили бы в тюрьму, мое стремление к Пути Будды не исчезло бы у меня ни на мгновение. Даже если бы меня приговорили к смерти и мне не суждено было избежать меча палача, мое сознание по-прежнему не поколебалось бы и не породило бы даже одной мысли о страхе.

Один из монахов-помощников сказал:

— Должно быть, среди нас есть кто-то, чье сознание отклонилось от Пути, иначе мастер не стал бы говорить нам все это.

26

Банкэй всегда учил своих монахов о сознании будды. Однажды он сказал:

— Это сознание изначально Нерожденно, оно безошибочно распознает красивое и уродливое, не порождая при этом ни одной мысли. Это подобно тому, когда кто-либо из вас, встретив кого-то, сразу же понимает, незнакомец это или его старый друг. Вы не

прибегаете ни к одной мысли, но тем не менее вы знаете это с безошибочной ясностью — это чудо изначального сознания.

Один из монахов сказал:

— Совершенно верно, я сразу же узнаю, является ли этот человек моим другом или нет, но при этом в моем сознании по-прежнему продолжают возникать мысли. Почему?

Банкэй промолчал. Затем, возвысив голос, он крикнул:

— Изначально в нем нет мыслей!

— А я уверен, что мысли в нем есть! — прокричал монах в ответ.

Не отвечая на это, Банкэй громко вздохнул:

— Пфуу... пфуу.

Монах сел с весьма глупым видом, смутившись и потеряв свою уверенность.

Несколькими днями позже он испытал сатори и пришел к Банкэю. Банкэй просто улыбнулся.

27

На девяностодневный затвор, проводившийся в храме Рюмондзи зимой третьего года Гэнроку (1690), собралось более тысячи человек. Все беспокоились из-за такого множества людей.

— Мы должны установить для них четкие правила поведения и соответствующие запреты. Для того чтобы держать их под контролем, придется их наказывать и устрашать.

Однако когда пришло назначенное время, все было совершенно достойно и шло без каких-либо неприятностей, все хорошо себя вели и не испытывали нужды в каких-то правилах. В том, как Банкэй обращался с людьми, приходившими получить его наставления, тоже не было какой-то четкой схемы. Мастер часто восходил на трон Дхармы и проповедовал. В одной из своих проповедей он сказал:

— Очень важно, чтобы все вы, присутствующие на этом великом собрании, не затмевали свою изначальную нерожденность. Нерожденное подобно горящему огню: если вы приблизитесь к нему, оно согреет вас своим теплом. Я возвещаю вам о нем, но я не могу исчерпать его. Я пользуюсь им, но я не могу уменьшить его. Учителя дзэн болтают своими языками и щелкают зубами, чтобы удивить и поразить своих учеников. Но все, что им удается сделать, это бросить им в глаза горсть пыли и ввести их в заблуждение. Я никогда не сделаю этого с вами.

Великое множество людей толпилось перед мастером и внимало его учению, и все их сомнения и неопределенности таяли, как лед на солнце.

Некий мирянин сказал:

— Мое сознание преисполнено мудростью Будды, но она так глубоко скрыта в нем, что мне не удается воспользоваться этой мудростью. Что мне делать?

— Выступи вперед, — сказал Банкэй.

Мирянин начал приближаться к мастеру.

— Ты замечательно хорошо пользуешься этой мудростью!

Мирянин склонил свою голову в глубоком поклоне благодарности.

Некий монах подошел к Банкэю, поклонился, а затем издал громкий крик:

— *Kхам!* Это Будда! — сказал он.

Банкэй ударил его.

— Ты понимаешь? — сказал мастер.

— Это Будда! — повторил монах.

— Ты всего лишь хочешь нацепить на себя какое-то имя, — сказал Банкэй, оттолкнув его.

Когда Банкэй обращался к своим ученикам, он обычно говорил им:

— основополагающая реальность всего сущего есть изначальная таковость, простая и ясная, не омраченная разделением «я». Это состояние таковости есть суть изначального сознания, чье знание мгновенно и совершенно чисто.

Однажды во время очередной проповеди некий монах сказал:

— Если это изначальное сознание обладает такой врожденной духовной основой, то чистое знание не должно занимать даже одного мгновения.

— Но это совершенно ясно, — ответил Банкэй.

— Почему Вы говорите, что это и так ясно? — спросил монах. — Я не понимаю.

— Ты уже знаешь, что чистое знание не занимает даже одного мгновения, и что в нем нет разделения, — так что же тебе непонятно?

Некий монах спросил:

— Вы всегда учите людей тому, что небеса и ад, миры голодных духов, животных, сражающихся демонов

и все прочие сферы бытия существуют только в сознании. Но в сутре, проповеданной Буддой, сказано: «Страна счастья, созданная Амидой, находится за тысячу миллионов земель Будды на Западе». ²⁵ Мог ли Будда говорить неистинные вещи?

— Кто зафиксировал направление? — спросил Банкэй.

Некий монах спросил:

— Как может «изначальная чистота и ясность внешне проявить себя в горах, реках и земле?» ²⁶

— Чьи горы и реки ты имеешь в виду? — спросил Банкэй.

Монах не смог ответить.

Некий монах спросил:

— Мастер, Вы говорите, что ад существует в нашем сознании и не является чем-то отличным от того места, где мы находимся. Но в сутрах сказано, что гора Сумеру находится во вполне определенном месте, а ад располагается на расстоянии многих тысяч йоджан под землей. ²⁷ Неужели эти высказывания неистинны?

— Человек, совершивший преступление в провинции Муцу, будет подвергнут наказанию в Муцу, — сказал Банкэй.

— Да, — ответил монах.

— Человек, совершивший преступление в провинции Сацума, будет подвергнут наказанию в Сацума.

— Да, — сказал монах.

— В том, что касается этого преступника, обстоятельства совершенно одинаковы и в том, и в другом месте.

Монах опять согласился.

— Почему же он сидит там, где он находится, ожидая наказания? — спросил Банкэй.

— Из-за своей порочности, из-за чего же еще? — ответил монах.

— Что является причиной его порочности? — спросил Банкэй.

— Конечно же, его омраченное сознание, — ответил монах.

— Так как же ты можешь тогда говорить, что ад происходит не из сознания? — сказал Банкэй.

Монах поклонился.

35

Во время проведения великого затвора 1690 года среди присутствовавших на затворе монахов находился

мастер школы Сото-дзэн по имени Гэккэй. Его разместили в храме Тикурин-кэн,²⁸ предназначенном для уважаемых наставников. Гэккэй отправился в покои настоятеля побеседовать с Банкэем.

— Мое око [Дхармы] такое же, как твое, — сказал он.

Банкэй с шумом выдохнул воздух.

Гэккэй ударил его.

— Мне еще два или три, — сказал Банкэй.

— Что это ты говоришь о двух или трех? — спросил Гэккэй.

— Я запутал тебя этими словами и забросил тебя в долину Двойных Гор,²⁹ — сказал Банкэй, громко рассмеявшись.

Гэккэй поклонился и вернулся в покои для гостей. Там он рассказал другим мастерам дзэн о том, что случилось с ним в покоях Банкэя. Услышав все это, они задрожали от страха.

36

Когда ему было тридцать лет, Банкэй вернулся домой из Нагасаки.³⁰ К тому времени имя Банкэя было уже широко известно по всей стране. Множество учеников приходило в Хамада в поисках его учения, но он отказывался разговаривать с ними и по прошествии неко-

того времени они уходили, так и не встретившись с ним. Люди попытались пристыдить Банкэя. Они сказали ему, что он должен принять учеников и даровать им свое учение.

— Я знаю, что такое сострадание, — улыбнулся Банкэй. — Принять учеников и учить их не так уж и сложно. Но это может привести их к бессмысленным рассуждениям. Когда придет время и сложится подходящая ситуация, они станут Буддами и патриархами, услышав лишь одно слово или увидев тень.

И, действительно, впоследствии Банкэй принял множество самых разных учеников. Их преданность Банкэю и его учению была сильной и непоколебимой. Даже те, кто приходили к нему, вооружившись своими предвзятыми взглядами и предубеждениями, с тем чтобы помериться с мастером силой, встретив его и услышав одно или несколько слов его наставлений, принимали его учение прямо в свое сердце.

Помощникам Банкэя было легко прислуживать мастеру. Когда я спросил об этом Ицудзана,³¹ он сказал:

— Кто-то из древних сказал, что прислуживать великому мужу легко, но угодить ему чрезвычайно слож-

но.³² Это действительно так. Я служил мастеру в течение многих лет. Я всегда находился рядом с ним. Мы были как рыба и вода, не замечая присутствия друг друга. Мне это никогда не причиняло неудобств; но все же я никогда не мог понять, доволен мной мастер или нет. Он был тем, кого надо уважать и к кому надо прислушиваться. Но с ним никогда не было возможно допустить хоть малейшую фамильярность или вольность.

Он также сказал мне:

— Мастер говорил, что «очень повезло тем людям, которые имеют возможность общаться с настоящим буддийским учителем. Не важно, что они говорят или делают, пребывают ли они в действии или в покое, они все больше и больше проникают в глубину просветленного сознания мастера». Когда я был молодым монахом и еще не достиг своей самореализации, я сомневался в этих словах. Позже я осознал, что они были истинны.

У мастера не было какого-то зафиксированного, четкого распорядка дня. Однажды, уже после смерти мастера, в храм Дзидзодзи в Ямасина к мастеру дзэн Ицудзану пришел мастер дзэн Когэцу.³³ Когэцу мно-

го расспрашивал его о повседневных делах Банкэя.

— В жизни мастера нельзя было выделить какую-то четкую схему действий, — сказал Ицудзан. — Он совершенно не делал ничего необычного — он просто пребывал в состоянии будзи.³⁴ Но когда он реагировал на различные обстоятельства во время бесед со своими учениками, границы его возможностей обозначить было просто невозможно. Такого не видел никто прежде, даже среди древних мастеров.

Когэн вздохнул от восхищения.

40

Однажды, когда ему было тридцать с чем-то лет, Банкэй отправился в город Канадзава, что находится в провинции Кага, с тем чтобы посетить дзэнский мастера Тэссина в храме Тэнтоку-ин.³⁵ Он пробыл в Тэнтоку-ин несколько дней. Как-то вечером Тэссин сказал:

— Помнишь ли ты тот наш разговор, произошедший тогда, когда мы учились у Дося? Я хотел бы вернуться к нему и провести его еще раз.

— Я вижу, что живая черепаха по-прежнему метет своим хвостом в грязи,³⁶ — сказал с улыбкой Банкэй.

Тэссин рассмеялся.

41

Некий монах по имени Сокан пришел побеседовать с мастером. Обменявшись с ним несколькими фразами, Банкэй сказал:

— Ты работаешь над тем, что возникает *после* появления Будды Ёне.³⁷ То, чему я учу вас, предшествует [разделению на] *до* и *после*. Ты никак не сможешь проявить это в мысли.

Услышав это, ученик Банкэя Сотэй³⁸ внезапно крикнул:

— Мой огромный долг Будде и патриархам уже выплачен!

— Наблюдатель получил большую часть, — заметил Банкэй.

(Сэцугай Сотэй стал одним из ведущих учеников Банкэя. Впоследствии ему был присужден почетный титул Дзэндзи Мё-о.)

42

— Почему некто, изначально будучи Буддой, становится живым существом? — спросил некий монах.

— Это ошибка его родителей, — сказал Банкэй. Монах ничего не понял.

Другой монах, сидевший поблизости, тоже был запу-

тан ответом Банкэя. После смерти Банкэя он спросил об этом мастера Ицудзана.

— О, это замечательный ответ, — сказал Ицудзан. В нем содержатся все три основных дзэнских высказывания.³⁹

Монах по-прежнему не мог ничего понять.

43

Однажды помощники Банкэя Согаку, Сюин и Со-нин сидели рядом с мастером.

— Являются ли пятьдесят две стадии пути бодхисаттвы четко отделенными одна от другой?⁴⁰ — спросил Сонин.

— А как же может быть по-другому? — ответил Согаку.

Сюин ничего не сказал, но кивнул головой в согласии.

Они обратились к Банкэю.

— Люди, которые читают сутры, запутываются в их наугине, — сказал Банкэй.

44

Мирянин Гэссо (князь Като Ясуоки) преподнес Банкэю сладкую дыню.⁴¹

— Эта дыня так велика, что она охватывает собой небо и землю, — сказал он. — И где же Вы вонзите в нее свои зубы?

— Я верну тебе косточки, — ответил Банкэй.

Гэссо громко захохотал.

45

Однажды, когда Банкэй был в храме Кориндзи в Эдо, его посетил монах Сэйдзан Эрё из города Сэндай и мастер дзэн Дайдо из провинции Мино. Они остались в храме на несколько дней для бесед с мастером, и, наконец, у них не осталось больше вопросов. После этого они посетили мастера дзэн Рокуона из храма Тодзэндзи в Эдо.⁴²

— Я слышал, что вы были у Банкэя. Это правда? — спросил их Рокуон.

— Да, — ответили они.

— Из-за чего это вы к нему явились? — спросил Рокуон.

— Из-за дела великой важности, — сказал Эрё.

— Да он ведь ничего не знает об этом [Великом] Деле, — заявил Рокуон, желая преуменьшить достоинства Банкэя.

— Вы считаете, что не было никакого смысла к нему ходить? — сказал Эрё.

— Это не имеет никакого значения, — сказал Рокуон, повысив голос. — То, чему учит Банкэй, это полная чушь!

— Тогда у меня есть для Вас несколько вопросов, — сказал Эрё. — Как вы думаете, сможете ли Вы на них ответить?

— Продолжай, — сказал Рокуон. — Я хочу услышать эти вопросы.

Эрё задал Рокуону несколько вопросов и, услышав его ответы, сказал:

— Ничего другого Вы не можете сказать? Это не совсем то, что я хотел узнать.

— А что же ответил вам Банкэй? — сказал Рокуон.

— Мы задали ему более двух дюжин вопросов, — сказал Эрё. — Его ответы были совершенно свободными и спонтанными — он отвечал без промедления, как колокол отвечает звуком на удар. Мастер Банкэй превосходит наше время. Он великий мастер дзэн, подобный великим мужам, жившим прежде Пятого Патриарха.⁴³

— Я так долго пребывал в неведении относительно Банкэя, — удивленно сказал Рокуон. После этого случая он послал к Банкэю двух своих учеников, Собаи и Сэнри.⁴⁴ Они приняли участие в проникновенной беседе с мастером и вернулись к своему учителю, глубоко убежденные в истинности слов Эрё.

Ученик Банкэя Соэн по природе своей был человеком очень постоянным и надежным. Его поведение было безупречным. На поле боя Дхармы он был стойким и настойчивым воином. Однако Банкэй считал необходимым часто предупреждать его, чтобы он не допускал вольностей в выражении своего мнения. Его просто нельзя было удержать, особенно во время обсуждения Дхармы. Поскольку он, невзирая на все предупреждения Банкэя, продолжал вести себя таким образом, Банкэй приказал ему покинуть храм. После неоднократных просьб простить его и заверений в том, что он сожалеет о своем неподобающем поведении, Соэну было позволено вновь присоединиться к общине. Но вскоре старые привычки опять проявились и Банкэй снова выставил его за ворота. Так продолжалось несколько раз. В то время люди не могли понять, почему Банкэй все это делает, но я думаю, что он делал это из сострадания к Соэну; он пытался показать ему, как должен вести себя ученик, стремящийся к обретению Пути Будды.

Во время проведения великого зимнего затвора в Рюмондзи в 1690 году Соэн тяжело заболел. Когда Банкэй пришел навестить его в Эндзюдо (зал для больных монахов), Соэн был уже при смерти. Склонившись над его подушкой, Банкэй сказал:

— Соэн, каждый день жизни должен быть прожит для спасения других.

Соэн кивнул головой в согласии. Вскоре он умер. Никто не смог измерить истинное значение слов утешения, сказанных Банкэем.

47

Однажды, когда Банкэю было тридцать с чем-то лет, он остановился в храме Санюдзи, расположенном в городе Окайма в провинции Биттю.⁴⁵ Даймё этой провинции, господин Икэда, был ревностным приверженцем учения Ван Ян-мина.⁴⁶ Его увлечение этим неоконфуцианским философом в конце концов привело его к тому, что он приказал изгнать из провинции буддийских монахов и разрушить их храмы. Дзэнские наставники, оставшиеся в провинции, чтобы продолжать обучение своих учеников, противостояли самураям, которые приходили изгнать их, обрушивали на них бурные потоки дзэнской риторики и тем прогоняли их прочь.

Несколько этих самураев-неоконфуцианцев пришли в храм Санюдзи, чтобы допросить Банкэя.

— Вы, приверженцы дзэн, устраиваете себе такие вот убежища, — сказал один из них. — Вы затворяетесь в них и поворачиваетесь спиной к миру. Когда у вас заканчиваются разумные доводы и слова, вы бьете

людей своими посохами и кричите на них. Эти ваши храмы стали прибежищем упрямых паразитов-обманщиков.

— Когда у конфуцианцев заканчиваются разумные доводы и слова, что они делают? — спросил Банкэй.

Самурай стал колебаться, не зная, что сказать.

Банкэй ударил его своим посохом.

— Аа! — воскликнул он. — Вот уж действительно, животворящий посох!

Ответ Банкэя был быстрее молнии. Самурай едва не задохнулся от изумления.

48

Будучи еще молодым монахом, Банкэй пришел в храм Дайандзи в провинции Этидзэн с тем, чтобы посетить мастера дзэн Дайгу.⁴⁷

— Здравствуйте, Дзари! — сказал с улыбкой Дайгу. — Я слышал, что Ваше постижение совершенно.

Во время пребывания Банкэя в храме Дайандзи с ним обращались с большим гостеприимством и уважением. Некий монах, бывший в то время в храме Дайандзи, обратился к Дайгу с вопросом:

— Куда мы возвращаемся, когда наше тело рассеивается?

— Откуда мне знать? — ответил Дайгу со вздохом.

По прошествии некоторого времени сам Дайгу задал Банкэю этот вопрос.

— Ответ Дайгу не может ввести в заблуждение, — сказал Банкэй.

49

Однажды, когда Банкэю было тридцать три года, он остановился на несколько дней в храме Тафукудзи в провинции Бунго, чтобы навестить мастера дзэн Кэнгана.⁴⁸ Два мастера беседовали о старых временах. Некий мирянин приходил к Кэнгану каждый день и каждый вечер уже на протяжении нескольких дней, спрашивая у него помощи в решении коана о «тождественности сна и бодрствования».⁴⁹ Поскольку этот мирянин не продвинулся к разрешению своих сомнений, Кэнган посоветовал ему обратиться к Банкэю. Банкэй попросил этого мирянина подойти к нему поближе. Когда мирянин сделал это, Банкэй спросил:

— Это тождественность или различие?

Мирянин склонил свою голову в глубоком поклоне, совершенно убежденный словами Банкэя.

— Как быстро он откликается на ситуацию, — сказал Кэнган с восхищением.

50

Некий высокопоставленный наставник школы Сотодзэн по имени Нанрё посетил храм Гёкурюдзи в провинции Мино. Обратившись к Банкэю, он указал своим веером на трон Дхармы.

— Как ты пройдешь мимо него? — спросил он.

— А что это за место? — ответил Банкэй.

— Нерожденное, неумирающее, — сказал Нанрё.

— Ты не понимаешь этих благородных слов, — сказал Банкэй.

— Ты шатаешься туда-сюда по всей стране, в твоём-то возрасте, — сказал старый наставник громким голосом. — Почему это ты продолжаешь вводить в заблуждение доверчивых мирян и мирянок?!

— Когда ты смотришь на вещи омраченным оком, — ответил Банкэй, — они, конечно же, будут видеться тебе омраченными.

Нанрё удалился, но тут же вернулся и с благодарностью поклонился Банкэю. Он стал убежденным последователем его учения.

52

Однажды, когда ему было уже под сорок, Банкэй пребывал в храме Кайандзи, расположенном в его родной

деревне Хамада.⁵⁰ Вдруг совершенно неожиданно прибыл гонец от господина Като, даймё провинции Иё. Банкэй приказал своему помощнику Сокё оторвать лист бумаги от одного места на стене, куда раньше он приказал ему прикрепить его.⁵¹ Под ним оказалась следующая надпись: «*В такой-то и такой-то день такого-то месяца прибудет гонец от господина Като*». Банкэй предвидел, что придет этот человек, и точно знал время его прибытия. Люди были весьма удивлены. Это был не единственный случай такого рода в жизни Банкэя; когда он был молод, странные и необъяснимые события происходили довольно часто. Впоследствии он перестал демонстрировать подобные силы, считая, что это может вызвать странные слухи, которые будут вредны для его учеников. С тех пор как он принял это решение, в его поведении не было ничего необычного. Его жизнь была совершенно нормальной во всех отношениях.

53

Когда ему было тридцать с чем-то лет, Банкэй несколько раз останавливался в уединенной обители Гёкурю-ан (впоследствии храм Гёкурюдзи) в горах Хитати. Во время одного из его пребывания там, он сказал одному монаху, который находился в той же обители:

— Нынешняя зима необычайно холодна. Умпо уже

стар годами.⁵² Я беспокоюсь о его здоровье. Кроме того, вчера ночью в Осаке скончалась жена моего ученика Энни.⁵³ В течение многих лет он и его жена были добры ко мне и оказывали мне поддержку. Я хочу отправиться туда и выразить мои соболезнования.

— Я пришел сюда, чтобы разделить с тобой эту хижину и практиковать рядом с тобой, потому что я думал, что ты являешься человеком Пути, — сказал этот монах с отвращением, и лицо его покраснело от гнева. — Осака находится за много дней пути отсюда. Ты никак не мог узнать о том, что кто-то умер там вчера. Зачем ты вытворяешь подобные бесстыжие трюки, эх ты, лживый бонза!

— В таком случае, — сказал Банкэй, — пойдем со мной. Тогда ты перестанешь сомневаться.

И они вдвоем отправились в Осаку. Когда они пришли туда, монах сказал:

— Если это неправда, я сорву с тебя твое монашеское облачение.

— Продолжай идти, — сказал Банкэй.

Когда они подошли к дому, Энни, преисполнившись радости, поспешил к воротам, чтобы поприветствовать их.

— В течение нескольких дней я только и надеялся на то, что Вы придете сюда, — сказал он. — Моя жена скончалась, и завтра будет проводиться по-

минальная церемония седьмого дня.⁵⁴ Ваше присутствие здесь — это ответ на мои молитвы.

Банкэй глянул на своего спутника. Все признаки былой обиды и презрения исчезли с его лица.

— Я обязуюсь следовать за тобой всю свою оставшуюся жизнь, — смиренно произнес он.

Потом Банкэй продолжил свой путь, но когда они пришли в Дзуйодзи, оказалось, что Умпо умер прошлой ночью. По завершении похорон Банкэй закончил свой скорбный поход у подножия поминальной пагоды Умпо.

54

Однажды Банкэй проповедовал в храме Гё-курюдзи:

— Сегодня у каждого из вас есть великолепная возможность постичь истинную Дхарму и получить наставления настоящего учителя. Вам очень повезло. Но вы должны быть усердны и внимательны, чтобы не пропустить эту возможность. Если вы покроетесь перьями, шерстью и рогами, то вам не удастся достичь освобождения.

Сюн, монах из Саруга, сказал:

— Мастер, Вы говорите, что если мы сменим нашу нынешнюю форму на сферу бытия животных, то нам

не удастся покинуть это состояние. Это правильно?

— Это действительно так, — сказал Банкэй.

Банкэй продолжил проповедь. Сюн остановил его еще раз и задал тот же вопрос.

— То, что я сказал, истинно, — ответил Банкэй.

Сюн прерывал Банкэя еще три раза. В конце концов Банкэй сказал:

— Я не понимаю, почему ты так настойчиво повторяешь один и тот же вопрос. Я сказал тебе, что если ты окажешься в сфере бытия животных, то тебе не удастся покинуть ее. Почему же ты не понимаешь этого?

Затем он продолжил проповедь, но вскоре Сюн опять остановил его:

— А что же Вы тогда скажете о той истории про лиса Хякудзё?⁵⁵

— Забудь про лиса Хякудзё, — сказал Банкэй, повысив голос. — Ты сам только что стал лисом!

Понуро склонив свою голову, Сюн удалился со слезами на глазах.

55

На затворе, состоявшемся в храме Рюмондзи в 1690 году, присутствовали тринадцать сотен монахов. Три или четыре раза в месяц Банкэй восходил на трон Дхармы и проповедовал. Четыре или пять тысяч человек, пред-

ставлявших все четыре разряда буддийской сангхи — мужчины и женщины, монахи и монахини, — приходили и усердно внимали его учению. Их сердца были наполнены уважением и восхищением к мастеру. По завершении одной из проповедей, некий монах выступил вперед и сказал:

— Моя практика заключается в том, что я распеваю дхарани Сияющего Света. Я распеваю это дхарани непрерывно, и днем, и ночью, и от моего тела начинает исходить золотое сияние...

— Это твое «золотое сияние» есть пламя, производимое твоими страстями в то время, как они сжигают тебя, — сказал Банкэй с порицанием.

Монах стыдливо удалился.

Люди в собрании посмотрели друг на друга.

— Этот монах страдал от демонического наваждения, — говорили они. — Ему повезло, что он испытал на себе воздействие искусных средств мастера.

(Это объясняется в «Макаханьяхарамитта (Махапраджняпарамита)-сутре» [Глава о Пагубных Вещях], «Сурёгон-сутре»⁵⁶ и других сутрах. В этих сутрах описывается два вида демонических наваждений (макё), внутреннее и внешнее. Иллюзия, от которой страдал этот монах, была первого рода. Одно слово истинного учителя мгновенно освободило его от этой иллюзии. Мы должны глубоко почитать учителя, обладающего такой добродетелью.)

Однажды днем во время зимнего затвора 1684 года, проводившегося в храме Кориндзи в Эдо, ученик Банкэя [Ицудзан] Сонин находился в монашеском зале, читая «Алмазную Сутру». Когда он подошел к тому месту, где говорится: «Нет ничего, даже самой мельчайшей дхармы, которой можно было бы овладеть — это и называется “Наивысшее Совершенное Просветление”»,⁵⁷ он внезапно испытал просветление. Не сознавая, что делает, он отбросил сутру в сторону и поспешил в покои настоятеля. Когда он попытался выразить свое понимание Банкэю, он не смог произнести ни одного слова.

— Я все вижу, — сказал Банкэй. — Мне не нужно опираться на то, что ты скажешь мне.

Сонин совершил троекратный поклон и удалился.

Через несколько дней настала очередь Сонины прислуживать мастеру. Они стали говорить.

— Вы всегда учили меня, что иллюзия и просветление не существуют, — сказал Сонин. — Но обзревая все сущее с того места, где я стою сегодня, я верю, что даже для великих мастеров дзэн прошлого наставало то время, когда они достигали просветления.

— То, что говорит тебе этот старый монах, — сказал Банкэй, — выражает [Великое] Дело так, как оно есть, не оскверняя его и не смешивая его с гря-

вью. Для каждого человека есть время и место подобного постижения. Так было всегда, и в прошлом, и в настоящем.

57

Некий самурай пришел в храм Кориндзи встретиться с мастером. Подняв веер в своей руке, он сказал:

— Эта вещь принадлежит миру бытия. Она называется веером. Изначально она пуста. Сумели бы Вы узнать, что это такое, в тот момент, когда она спустилась бы внезапно с неба?

— Да, — сказал Банкэй.

— Что это за знание? — спросил самурай.

— Знание есть непознаваемость, — сказал Банкэй.

— Но великие мудрецы говорили, что не знать непознаваемое есть истинное знание, — сказал самурай, задержав дыхание.

— Это не так, — сказал Банкэй, покачав головой.

58

Банкэй обратился к собранию в храме Нёходзи:

— Всем вам очень повезло встретиться с настоящим учителем, поэтому вы можете прямо войти на истинный

Путь, не стаптывая свои соломенные сандалии в бессмысленных паломничествах и не тратя свою энергию на следование за иллюзорными «цветами в пустоте» аскетической практики. Всем вам очень повезло. Воспользуйтесь этой возможностью.

— Я понимаю то, что вы говорите нам, — сказал некий монах. Но у меня есть один вопрос. Мне кажется, что все это подобно человеку, которому необходимо уйти из города и преодолеть реку. Он должен пройти некоторое расстояние. Затем он должен воспользоваться лодкой для того, чтобы пересечь реку. Если он не совершит этих действий, то как же он выйдет за пределы города?

— Но вот же оно — прямо здесь, — сказал Банкэй. — Нет различия между тем, чтобы достигнуть или не достигнуть этого места. Это и есть то, что дзэн называет Вратами Внезапного Просветления. Если вы сомневаетесь, вы теряете его. Если вы следуете за ним, то вы оказываетесь еще дальше от него.

59

В пятом году Гэнроку (1692), когда Банкэй был в храме Гёкурюдзи в провинции Мино, его посетил мастер школы Сото-дзэн по имени Юйэ.⁵⁸ Часть их беседы уже приводилась ранее. Юйэ спросил Банкэйа о Пяти Позициях танского мастера Тодзана Рёкая.⁵⁹

— Утверждения Годзана о Пяти Позициях, Хозяине и Госте, и так далее, суть средства обучения, используемые мастерами Дхармы нашей школы. Они часто используют их совершенно произвольно, приспособливая их к своим нуждам. Что Вы думаете об этом?

— Годзан был одним из мастеров прошлого, достигших совершенной свободы в практике Дхармы, — ответил Банкэй. — Эти утверждения он использовал тогда, когда предстал перед своими учениками. Эти утверждения просто осадок — то, что осталось от ситуации. Они не являются чем-то необходимым.

— Значит, Вы считаете, что Пять Позиций, Три Сущности и Три Таинства и все прочее, совершенно необязательны? Неужели это просто бессмысленные фразы? — сказал Юйэ.

— Любое истолкование, которое ты выдвигаешь и закрепляешь как истину, становится бессмысленной фразой, — сказал Банкэй. — Нет никакого смысла повторять слова патриархов.

Зимой 1689 года монахи и миряне, среди которых было множество самураев и крестьян, собрались на зимний затвор в храме Санюдзи в Окаяма, что нахо-

дится в провинции Бидзэн, чтобы получить наставления Банкэя. Каждый день все дороги, ведущие к Санюдзи, были переполнены пилигримами. Некий монах из расположенного неподалеку храма школы Нитирэн, преисполнившись зависти к Банкэю, прибыл на одно из собраний с двумя десятками своих последователей. Он вознамерился опозорить Банкэя и опровергнуть его учение. Когда Банкэй воссел на трон Дхармы для того, чтобы произнести проповедь, этот монах школы Нитирэна выступил вперед и сказал:

— Многие люди, собравшиеся здесь, доверяют тебе и принимают твоё учение. Я не принимаю его. Так что же ты можешь сделать?

— Не подойдешь ли ты немного ближе? — сказал Банкэй.

Монах подошел ближе.

— Подойди еще ближе, — сказал Банкэй.

Монах подошел еще ближе.

— Вот видишь, ты вовсе не идешь против моего учения, — сказал Банкэй.

Монах удалился, не сказав больше ни слова.

Некий монах пришел к Банкэю в храм Гёкурюдзи в провинции Мино.

— Такие великие мастера дзэн, как Дайэ и Энго, использовали коаны для наставления своих учеников.⁶⁰ Почему вы не используете коаны? — спросил он.

— Что использовали мастера, жившие прежде Дайэ и Энго? — ответил Банкэй.

Монах не смог ничего сказать на это.

Немного позже Банкэй сказал:

— Своими бесконечными словесными препятствиями дзэнские наставники приводят последующие поколения [учеников] в смятение. Тот вред, который они наносят, затрагивает и их будущих наследников. Горькая правда заключается в том, что на протяжении последних трехсот лет и учителя, и ученики ошибочно принимали эти словесные затруднения за нечто устойчивое и неизменное, и считали, что они имеют непосредственное отношение в их истинной сути. Все они одинаковы. Всю свою жизнь они проводят в омрачении и вводят других в заблуждение. Наделенные Оком Дхармы великие учителя прошлого действовали прямо и непосредственно, не опираясь на дзэнские истории или коаны. Они помогали своим ученикам достичь освобождения с помощью стремительных и жизненных способов. Что же вы видите сегодня? Люди, наделенные властью мастеров дзэн, возводят палатки и занимаются в них мелочной торговлей; они потрясают своими посохами, или кричат «*Кхам!*» или неразборчиво разбрасывают вокруг дзэнские высказывания. Вовлеченные в совершение этих бес-

смысленных и бесполезных действий, они воображают, что это и есть Путь дзэн; они поощряют своих учеников ко все более безумному и идиотскому поведению, делают из них совершенно безответственных и нетерпимых людей и толкают их в бездонную черную яму. Как жаль, что Дхарма Будды ныне пребывает в таком пренебрежении!

62

В храме Гёкурюдзи в провинции Мино некий монах спросил:

— Токусан и Риндзай учили своих учеников, используя посох и «*Кхам!*»!⁶¹ Почему Вы не используете их, мастер?

— Свобода, которую мне предоставляет этот мой трехдюймовый барабан, — это все, что мне нужно для того, чтобы наставлять моих учеников, — сказал Банкэй. —

Никто из тех, кто заплывает в мой порт, не остается здесь надолго.

63

Князь Като Ясуоки (известный также под духовным именем Гэссо, Мирянин Лунного Окна) глубоко почитал Банкэя. Он построил храм Нёходзи и пригласил

Банкэя стать его первым настоятелем. Господин Като в течение многих лет практиковал дзэн и его повседневное поведение было отмечено полной отстраненностью от всех вещей этого мира. Это отношение распространялось в том числе и на его владения, замок, жену и детей.

Однажды, когда Банкэй надолго затворился в обители Оси-кэн,⁶² мирянин Гэссо пришел увидиться с ним, но Банкэй отказал ему в этом. Тогда Гэссо просто пошел и посидел немного в зале для медитации. Затем он вернулся домой. Так продолжалось на протяжении нескольких месяцев и Гэссо уже отчаялся когда-нибудь встретиться с мастером. Он обратился к одному из старших монахов:

— Я отдаю себя [Великому] Делу всем своим телом и душой — для меня не существует ничего иного. Согласие Дхармы, существующее между мной и мастером, ни в чем не уступает отношениям учителя и ученика, бывшим у древних. Я не думаю, что я когда-либо сделал что-то, что не оправдало его доверия. Я был бы очень признателен Вам и другим монахам, если бы Вы смогли хоть немного прояснить мне намерения мастера.

Старый монах, имя которому было Сотэцу, сказал:

— Люди в этом храме не знают точно, что мастер пытается указать Вам. Я могу дать Вам лишь один совет.

— Дайте мне этот совет, — сказал Гэссо. — Пожалуйста, дайте мне Ваш совет.

— Что ж, — сказал Сотэцу, — я думаю, что у Вас все еще что-то осталось.

Гэссо поблагодарил старого монаха за его совет. Сотэцу известил об этом Банкэя, и Банкэй дал Гэссо разрешение прийти к нему. Гэссо не мог скрыть свою радость.

Польза, полученная Гэссо в то время, была поистине велика.

Будучи еще молодым человеком, Банкэй провел почти целый год, обучаясь дзэн у мастера Дося в храме Софукудзи в Нагасаки.⁶³ Среди его соучеников были монах школы Сото-дзэн Гэнко и монах школы Обаку-дзэн Эгоку.⁶⁴ Эти монахи, наряду с Банкэем, были помощниками Дося. Когда Дося преподнес Банкэю стихотворение, подтверждающее его просветление,⁶⁵ это вызвало в общине некоторое волнение. Все повторяли строки этого стихотворения. Несколько лет спустя, после того как Дося вернулся в Китай, Гэнко и Эгоку, сами уже бывшие мастерами дзэн, занялись составлением сборника высказываний Дося. Гэнко прислал одного монаха в храм Кориндзи в Эдо,

чтобы спросить Банкэя, позволит ли он включить в этот сборник стихотворение, которое сочинил для него Дося.

— Поступайте как знаете, — сказал Банкэй. — Воспользуйтесь им, если вы этого хотите.

Позже, когда Гэнко опубликовал свое сочинение под названием «Докуан докудо сю»,⁶⁶ он прислал один экземпляр Банкэю, но Банкэй ничем не ответил на этот подарок. Прошло несколько месяцев. Гэнко прислал к Банкэю гонца с тем, чтобы выяснить, почему он молчит.

— Передай Гэнко, — сказал Банкэй, — что он может принять мое молчание как удар моего посоха.

Мастер дзэн Докуан Гэнко из храма Кёдзандзи был в то время широко известен как буддийский наставник великой учености. Люди недоумевали, почему Банкэй так ответил ему.

Я считаю, что невозможно полностью понять смысл фразы, сказанной таким учителем, как Банкэй, ибо в его словах сокрыт поистине могущий ввести в заблуждение смысл.

65

В великом зимнем затворе 1690 года в Рюмондзи принимали участие тринадцать сотен монахов из

всех школ буддизма. Всего же на затворе присутствовали пять или шесть тысяч мужчин и женщин из всех сословий и разрядов буддийской сангхи. Банкэй часто восходил на трон Дхармы для произнесения проповедей. Его окружало великое множество людей. Вопросы сыпались на него со всех сторон, как дождь стрел. Он отвечал на них один за другим и слова исходили из его рта быстро, как эхо. После пяти или шести подобных собраний, Банкэй попросил людей прекратить вопросы.

— Когда вы задаете мне столько вопросов, мне приходится на каждый из них давать по возможности простой ответ. Я не могу ответить на вопросы всех людей, присутствующих здесь. Поэтому помолчите и выслушайте то, что я скажу. Сколько бы ни было у вас сомнений и неопределенностей, все они исчезнут сами собой.

Когда прекратились вопросы, Банкэй, говоря с предельной искренностью и вниманием, начал проповедовать великому собранию свое учение о Нерожденном.

С этого времени Банкэй, сопровождаемый одним или двумя помощниками, стал каждый вечер обходить все залы для медитации. В пределах храма были подготовлены пятнадцать залов для медитации. В одном из них Банкэй разрешил ученикам приходить к нему на вечерние беседы. Для того чтобы ободрить их, он сказал:

— Вы можете приходить ко мне и рассказывать мне о том, что вас беспокоит. Что бы это ни было, не сомневайтесь, можете ли вы спросить меня об этом. Найти настоящего учителя очень трудно. Вы можете обуться в железные сандалии и обойти всю страну. Вы можете даже отправиться в Китай или в Индию. Вы можете совершить тысячу путешествий в тысячу разных стран, но вы не найдете другого человека, который мог бы дать вам то же учение, что я преподношу вам. Поэтому не сомневайтесь. Примите его и практикуйте!

Все присутствующие почувствовали исключительное почтение к Банкэю. Ни один из них никогда не забывал полученное учение. Как жаль, что никто не записал все чудесные золотые слова, произнесенные мастером.

66

Банкэй произносил проповедь в Кориндзи. Некий монах, пришедший в этот храм побеседовать с Банкэем, все внимательно выслушал, а затем сказал:

— В целом я согласен с тем, что вы говорите. Мне также не составляет каких-либо сложностей принять мысль о том, что Амида существует в на-

шем теле. Но разве не является приспособленной к низшему пониманию формой учения (*упая*)⁶⁷ содержащееся в сутрах утверждение о том, что Чистая Земля находится за тысячу миллионов земель Будды отсюда на Запад?

— Нет, — ответил Банкэй.

— Тогда я не понимаю, что Вы имеете в виду, — сказал монах.

— Это непосредственное высказывание истины, проповедуемой для спасения заблуждающихся существ, — ответил Банкэй.

67

Однажды, когда Банкэй был в храме Кориндзи в Эдо, некий монах одной из эзотерических школ буддизма нанес ему визит и остался послушать его проповедь. Когда Банкэй объяснял собранию, что гнев обращает их в сражающихся демонов-асуров, а неведение — в животных, и что все это неизбежная истина, этот монах сказал:

— То, что Вы только что сказали, противоречит основополагающей буддийской идее о Дхармовом Теле Будды.

— Как это? — сказал Банкэй.

— В одной из глав «Махавайрочана-сутры»⁶⁸

сказано, что исполненная страстей, гнева и невеждения природа человека и есть, в сущности, природа будды.

— Так, значит, этим ты сейчас и занимаешься? — сказал Банкэй.

Монах безмолвствовал.

71

Некий монах сказал:

— Вы очень много говорите о внезапном просветлении, но Вы даже и не упоминаете о постепенной практике. Сунский мастер Дайэ сказал:

— *Руководящий принцип — это внезапное просветление; однако продвижение в практике постепенно.*

— Ты думаешь, что ты можешь сравнить кого-то вроде Дайэ с этим старым монахом? — сказал Банкэй. — *От одного удара все предыдущее знание забыто, для этого не нужно никакой практики!*⁶⁹

— Что ты скажешь об этом! Прямо сейчас, в этот момент ученики в этом мире привязываются к словам вроде «внезапное просветление» и «постепенная практика». Они как бы без веревки связали себя, полностью лишив себя возможности

двигаться вперед или назад. Как жаль, что несколько фраз, произнесенных буддийским наставником, могут заставить последующие поколения учеников беспомощно топтаться в смятении на перекрестке.

ПРИМЕЧАНИЯ

БИОГРАФИЯ БАНКЕЯ (ПРИМЕЧАНИЯ К СТР. 21–49)

1. Даты приводятся так, как они указаны в японских текстах, т.е. в соответствии с лунным календарем. Лунный (японский) календарь опережает Западный (юлианский) календарь в среднем примерно на пять недель.

2. Изучение конфуцианских текстов практиковалось в японских школах на протяжении всего периода Токугава (1603–1867). Считалось, что так называемое «Четверокнижие» — «Великое Учение» (кит. «Да сюэ»; яп. «Дайгаку»), «Учение о Середине» (кит. «Чжун юн»), «Беседы и рассуждения» Конфуция (кит. «Лунь юй») и «Мэн-цзы» — содержит суть конфуцианского учения. Благодаря своей краткости и четкости изложения «Великое Учение» было излюбленным текстом японских неоконфуцианцев того времени, как тех, кто принадлежал к ортодоксальной школе Чжу Си (1130–1200),

так и тех, кто принадлежал к неортодоксальной школе Ван Ян-мина.

3. На склоне своих лет мать Банкэя стала буддийской монахиней, приняв монашеское имя Мёсэцу. Она жила в небольшом храме Гитоку-ан в Абоси, и Банкэй всегда находил время на то, чтобы навестить ее там. Она дожила до девяноста лет и умерла на руках своего сына в 1680 году. В «Гёго-ки» содержится следующая запись, позволяющая понять приверженность Банкэя к принципам сыновней почтительности: «Как-то в одной из своих проповедей Банкэй сказал, что чувство сыновней почтительности, которое, как он подчеркнул, он испытывал еще в юном возрасте, явилось причиной его вступления на духовную стезю и достигнутого им впоследствии просветления. Истинная сыновняя почтительность, сказал Банкэй, не должна ограничиваться только заботой о благополучии родителей... Человек, испытывающий истинную сыновнюю почтительность, должен постичь путь освобождения, дабы затем помочь в этом и своим родителям». Акао, с. 375.

4. *Нэмбуцу* (яп.) — практика многократного повторения сакральной формулы «Наму Амида Буцу», обращенной к Будде Западного Рая — Амиде. В амидаистских школах японского буддизма считается, что искреннее обращение к нему с просьбой о помощи непременно позволит обрести после кончины спасение в Западном Рае — «Чистой Земле» (яп. *Дзёдо*; кит. *Цзинту*).

Амида — Будда (соответствует *Амитабхе*), владыка обетованной «Чистой Земли».

Амитабха (санскр. *amitabha*, «неизмеримый свет») — один из будд в буддийской мифологии Махаяны. До достижения состояния будды Амитабха был бодхисаттвой по имени Дхармакара. Много калып назад он принял решение создать особое поле будды (санскр. *буддха кшетра*), где могли бы возрождаться все страдающие существа, уверовавшие в Амитабху. После достижения состояния будды Амитабха создал это поле — рай Сукхавати («Страна Счастья») и стал им управлять. Культ Амитабхи возник в Индии в начале нашей эры, получил доктринальное оформление в Китае, но особенно широкое распространение получил в Японии, где Амитабха известен как Амида.

5. Сведения о жизни и учении Умпо Дзэндзё (1568—1653), за исключением тех, что содержатся в «Записях о жизни и учении Банкэя», очень скудны. Умпо начал свое обучение дзэн в знаменитом храме Эриндзи в провинции Кай (совр. префектура Яманаси) под началом мастера Кайсэна Сёки. Там, будучи четырнадцатилетним послушником, Умпо едва не вошел в один весьма драматичный эпизод истории Японии. Когда в 1582 году в провинцию Кай вторглись отряды армии Ода Нобунага, воины Нобунага осадили храм Эриндзи, загнали Кайсэна и сто пятьдесят его монахов на верхний этаж монастырских ворот, а затем сожгли их заживо. Извес-

тно, что перед тем, как они вошли в это «огненное самадхи», Кайсэн написал следующие слова, вошедшие в анналы японского буддизма: «Если из сознания устранены все мысли, то даже огонь свеж и прохладен». Умпо избегал смерти только потому, что в то время ему случилось ненадолго отлучиться из храма.

После нескольких лет скитаний Умпо остановился в храме Санюдзи, расположенном в провинции Химэдзи, у мастера школы Риндзай-дзэн по имени Нанкэй Согаку, чьим наследником он впоследствии и стал. Позже он отправился в город Ака и основал там монастырь Дзуйодзи. Как гласит дошедшая до наших дней храмовая легенда (Фудзимото 1, с. 97), однажды в жаркий летний день в Ака проходили похороны одного из членов богатой и влиятельной семьи Маэкава. Когда похоронная процессия подошла к месту кремации, неожиданно началась гроза; засверкала молния, загредел гром, люди рассеялись и поспешили укрыться в городе. После того как этот внезапный шквал пронесся, они вернулись и увидели, что «нищий монах, который бродил в округе» сидит в дзадзэн на крышке гроба. «Не мог же я позволить богу Грома завладеть этим телом, — объяснил им Умпо, — поэтому я остался здесь, чтобы охранять его». Этим поступком он вызвал к себе глубокую благодарность и уважение со стороны семьи Маэкава, с чьей помощью он и построил впоследствии храм Дзуйодзи.

О его стиле дзэн мы не знаем почти ничего, хотя к

двадцатилетию со дня смерти Умпо Банкэй написал, что Умпо «сокрушал мастеров “словесного дзэн”, заповоливших страну, повергал их в пыль и осуществлял безмолвную, прямую и непосредственную передачу [учения] Первого Патриарха, Бодхидхармы». Кроме этого, нам также известно, что он, возможно, пробыл некоторое время на посту настоятеля храма Мёсиндзи («Дзэн бунка», 10–11; Косай Кандо, «Умпо осё но хито то нари ни цуйтэ». [«Образ Учителя Умпо»] с. 97–102).

6. Дайо (1235–1309), учитель Дайто, перенесший одно из направлений китайской школы Линьцзи в Японию.

Дайто (1282–1338) считается основателем знаменитого дзэнского монастыря Дайтокудзи. К Дайто восходят все ныне существующие направления японской школы Риндзай-дзэн.

7. *Дзадзэн* (яп.; кит. *цзо чань*) — практика безобъектной медитации (букв., «сидеть в медитации» или «медитация (дзэн) сидя»). Термин *дзадзэн* переводится обычно как «сидячая медитация».

8. «Кёкки», Акао, с. 229.

9. *Дзэндо* (яп.) — зал для занятий медитацией.

10. В письме Умпо к Банкэю, которое цитируется в «Кёкки», он пишет, что обучает своих учеников «прямым методом Будд и патриархов, не прибегая к неразборчивому использованию коанов». Приводится в Фудзимото, с. 94–95.

11. Из «Ганмоку»; приводится в Фудзимото, с. 104.

12. *Сатори* (яп.), то же, что и *дунь у* (кит.), *бодхи* (санскр.) — внезапное (моментальное) просветление. Наряду с термином *сатори* используется также синонимичный ему термин *кэнсё* (яп.; кит. *цзянь син*) — видение/постижение [своей собственной/истинной] природы, которая есть не что иное, как природа сознания/будды.

13. Буквально, «Это и есть “костный мозг” Бодхидхармы». Сравните со следующим отрывком: «В легенде [«Кэйтоку дэнтороку»] сообщается о последнем разговоре Бодхидхармы с его учениками незадолго до его кончины. Прошло девять лет, и он [Бодхидхарма] пожелал вернуться на запад — в Индию. Он призвал своих учеников и сказал: “Время настало. Почему бы каждому из вас не сказать, чего он достиг?”»

Тогда ученик Дао-фу ответил: “Насколько мне понятно, истина не принадлежит ни словам, ни письменным знакам, но она и не отделена от них. Она действует как Путь”.

Учитель сказал: “Ты получаешь мою кожу”.

Монахиня Цзун-чи сказала: “Насколько я понимаю, [истина] подобна благостному сиянию земли будды Акшобхья; ее можно увидеть один раз, но не дважды”.

Учитель сказал: “Ты получаешь мою кожу”.

Дао-юй сказал: “Четыре великих элемента изначально пусты, пять скандх не существуют. Как я уверен, никакую Дхарму нельзя постичь”.

Учитель сказал: “Ты получаешь мои кости”.

Наконец очередь дошла до Хуэй-кэ. Он почтительно поклонился и молча застыл.

Учитель сказал: “Ты обрел мой костный мозг”» [ИВАЗ, с. 104–106].

14. Гудо Тосёку (1579–1661) более известен сегодня как «духовный прадед» Хакунна Экаку. Хакуин считал, что Гудо, которого его современники называли «Бодхидхарма наших дней», сумел возродить истинный дух линии Мёсиндзи школы Риндзай-дзэн в то время, когда она переживала период упадка и находилась на грани практически полного исчезновения.

Гудо достиг просветления, будучи учеником мастера Нанкэя Согаку в храме Санюдзи — позже именно от этого мастера Умпо получил свое свидетельство — *инка*. После этого Гудо отправился в храм Сётаку-ин (принадлежащий к линии Мёсиндзи) к мастеру Родзану Кэйё и стал его наследником; это причисляет его, так же как Банкэя и Умпо, к ветви Сётаку линии Мёсиндзи, которая была самым влиятельным направлением традиции Риндзай-дзэн. В 1628 году он был назначен главным настоятелем храма Мёсиндзи (в течение своей жизни он назначался на этот пост четыре раза) и стал частым гостем во дворце императора Гомидзуно-о (годы правления 1611–1629), куда его приглашали читать лекции о буддизме. Ито Кокан, «Гудо».

15. Дося Тёгэн (кит. *Даочжэ Чао-юань*; 1600?–

1661?), родился в Китае в провинции Фучжоу. Наследник мастера школы дзэн по имени Сюэфэн Гэнь-синь (яп. *Сэппо Косин*; 1603–1659). Гэнь-синь был соучеником Иньюаня Лун-ци (яп. *Ингэн Рюки*; см. прим. 26) в то время, когда они обучались дзэн под началом мастера Фэйинь Тун-юн (яп. *Хиин Цуё*; 1593–1661) в монастыре Ваньфусы (яп. *Мампукудзи*) на горе Хуанбо в городе Фучжоу. Дося прибыл в Нагасаки в благоприятный для него момент; монах, которого Иньюань послал из Китая на пост настоятеля храма Софукудзи, погиб при кораблекрушении, и, поскольку это место осталось вакантным, вступление Дося в эту должность всеми приветствовалось. За время своего служения он привлек к себе множество талантливых учеников со всех концов Японии. Кроме Банкэя, его учениками были также выдающиеся монахи, как Тэссин Доин, Тёон Докай и Докуан Гэнко. Докуан (1630–1698), бывший учеником Дося на протяжении восьми лет, оставил нам составленный им сборник высказываний Дося (опубликованный в 1686 году), в предисловии к которому он сообщает, что «Он [Дося] мало читал, но при случае с легкостью сочинял экспромтом буддийские стихотворения, проникнутые глубоким пониманием древних мастеров». (Цитируется по «Нагай», с. 49.)

16. В семнадцатом веке вся внешняя торговля Японии — с португальцами, голландцами, англичанами и китайцами — производилась только через порт Нагасаки.

В городе Нагасаки проживало множество китайцев, среди которых было немало купцов и торговцев, значительную часть которых составляли беженцы от маньчжуров. По их обычаю, для достойного проведения похоронных обрядов были необходимы услуги китайских монахов. Поэтому китайские иммигранты возвели, в соответствии с тремя диалектными регионами Китая, из которых они были родом, три храма и пригласили служить в них монахов с материка. Раньше других был построен храм Кофукудзи (1620), который называли также Нанкин-дэра, поскольку этот храм поддерживали выходцы из Нанкина. Вслед за ним был построен храм Фукусайдзи (1628), называемый также Тякутю-дэра; прихожанами этого храма были выходцы из Чжанчжоу. Храм Софукудзи (1629) был построен выходцами из провинции Фуцзянь (город Фуяжоу), поэтому его называли также Фукутю-дэра.

17. В соответствии с другим источником, Дося сказал буквально следующее: «Ты проник в самую суть себя, но ты еще не постиг различающую мудрость». Акао, с. 422. В этом контексте буддийскую мудрость (санскр. *праджня*) можно описать как обладающую аспектами тождества (неразличения) и различия (различения). Первый из упомянутых аспектов относится к осознанию абсолютной тождественности (неразличимости) всех вещей/дхарм в их истинной пустотности (санскр. *шуньята*), тогда как второй аспект относится к совершенству

мудрости (санскр. *праджняпарамита*), для достижения которого требуется углубление этого видения до постижения всех вещей/дхарм в их истинной таковости (санскр. *татхата*), чтобы вернуться затем в мир [реально существующих] различий, не выходя при этом из состояния просветления в своей обычной жизни.

18. *Великое просветление* (санскр. *аннутара самьяк самбодхи*) — непревзойденное, совершенное просветление; совершенное и полное просветление Будды.

19. Китайские монастырские уставы были приняты в Японии не в полном объеме. См. [IVA3, с. 186].

20. *Великое дело* — просветление, или в более общем смысле, суть учения Будды; «завершить великое дело» — достичь просветления.

21. Сравните со следующим отрывком: «Опытные наставники резко осуждали тех коллег, которые раздавали удары направо и налево, не учитывая индивидуальных психологических особенностей ученика и степень его подготовленности и скрывая за грубостью манер и жестокостью обращения с ним собственную некомпетентность. Так, в «Линьцзи лу» (яп. «*Риндзай-року*») приводится один очень показательный в этом отношении эпизод о разоблачении такого “лжепророка”: “У наставника Цзиншаня было пятьсот учеников, но из них мало кто решался прийти к нему на собеседование (боясь побоев). Хуанбо велел Линьцзи испытать его... Линьцзи пришел в монастырь Цзиншаня и прямо с до-

роги, с дорожной сумкой на плечах, вошел в зал для лекций и медитаций, где сидел сам наставник. Не успел Цзиншань поднять голову, как Линьцзи неожиданно закрыл на него: “Хэ!” Цзиншань в замешательстве открыл рот [не найдя что ответить]. Линьцзи *тряхнул рукавами* и вышел”» [IVA1, с. 111].

22. Сравните с § 8, 9 из «Лю-цзю тань цзин» («Сутра Помоста Шестого Патриарха», один из канонических текстов школы чань/дзэн-буддизма), где пятый патриарх чань Хун-жэнь распознает способности Хуэй-нэна, в тайне вызывает его к себе, передает ему Дхарму и отсылает его прочь, дабы избежать возникновения раздора в общине [IVA1, с. 182–184].

23. Дайгу Сотюку (1584–1669), один из самых влиятельных мастеров школы Риндзай-дзэн того времени, принадлежал к той же ветви (Сётаку) линии школы Мёсиндзи, к которой принадлежали Гудо и Банкэй. Дайгу испытал сатори при довольно необычных обстоятельствах; однажды летом он занимался дзадзэн, сидя на деревянной доске, которую перебросил через колодец для того, чтобы хоть как-то спастись от изнуряющей жары; доска сломалась, и он полетел, «вверх тормашками», прямо в колодец. В этот момент и «открылось» его просветление. «Дайгу Ихо», с. 3. Когда ему было уже за сорок, он служил некоторое время на посту главного настоятеля храма Мёсиндзи. После этого он был настоятелем храма Нансэндзи в Эдо, но в основном его дея-

тельность по распространению дзэн проходила в западной части Японии, в провинциях Мино, Хёго и Харима. В 1656 году Дайгу основал, по приглашению даймё провинции Этидзэн (совр. префектура Фукуи) Мацудайра Мицумити, храм Дайандзи в городе Фукуи. Банкэй посетил его там в 1655 году. Его отношения с этим наставником были отмечены глубоким взаимоуважением. В «Записях о жизни и учении Банкэя» содержатся описания нескольких встреч и бесед, произошедших между ним и Дайгу. Акао, с. 306, 424–425.

24. «Рякки», Акао, с. 389–390. Упоминания о сверхъестественных силах восприятия Банкэя встречаются в «Записях о жизни и учении Банкэя» не единожды. Однако после одного из таких упоминаний редактор сообщает, что по достижении средних лет Банкэй никогда более не демонстрировал эти способности, поскольку опасался, что его последователи неверно истолкуют их значение.

25. Акао, с. 176.

26. Ингэн, бывший в свое время настоятелем храма на горе Хуанбо (яп. *Обаку-дзэн*) в провинции Фуцзянь, прибыл в Японию, спасаясь от маньчжуров, и основал в Удзи близ Киото храм, построенный в китайском стиле, назвав его Мампукудзи (кит. *Ваньфусы*), так же как храм на горе Хуанбо в Китае. Школа Обаку-дзэн, основанная Ингэном, дала большой стимул для развития многих областей культурной жизни Японии (принесла с

собой так называемый «минский стиль» в архитектуре, поэзии, живописи и особенно в каллиграфии). Преемником Ингэна и вторым настоятелем храма Мампукудзи был Мокуан.

О конфликте между последователями Ингэна и Дося монах храма Мёсиндзи Косай Сорё в одном из примечаний к своему неопубликованному сборнику проповедей Банкэя пишет следующее: «Когда учитель Дося, мастер дзэн Косин (кит. *Гэнь-синь*), послал ему официальный документ, подтверждающий его Передачу Дхармы Дося, Мокуан перехватил его по пути и сжег. Затем он обвинил Дося, что он обучает своих учеников дзэн, не имея на то надлежащего сертификата. Все это было сделано с тем, чтобы вынудить Дося признать себя одним из учеников Ингэна. Но Дося не поддавался на это. Тогда против него были выдвинуты другие, столь же несправедливые обвинения. Они даже намеревались отравить его, но отказались от этой мысли, когда их планы были раскрыты. Однако с этого времени Дося уже не мог покинуть свою резиденцию — он был человеком, запертым в клетку. Поэтому, хотя он по-прежнему находился в Японии, это было равносильно тому, как если бы его здесь не было (поскольку он не мог продолжать свою деятельность по распространению дзэн). Из-за этого он и вернулся, в конце концов, на свою родину.

У Дося было намного больше последователей, чем у Ингэна. Это, вне всяких сомнений, и явилось причиной

столь неприглядных действий со стороны учеников Ингэна. Последователи Дося занимались своей практикой просто и непретенциозно, тогда как последователи Ингэна тяготели к вычурности и излишней церемонности. Как правило, китайские монахи [в Японии] ведут себя очень самонадеянно и всегда стараются хоть чем-то выделиться. Нет ничего удивительного в том, что они не поладили с Дося». Фудзимото, с. 165–166.

27. Князь Мацуура Сигэнобу (1622–1703), предки которого были влиятельными вассалами Тоётоми Хидэёси, а позже приняли участие в битве при Сэкигахара на стороне Токугава Иэясу, первого сёгуна династии Токугава, и сам был выдающимся *даймё* (владельцем князем). Он отличался своим большим опытом в боевых искусствах, будучи учеником Ямага Соко (1622–1685), крупнейшего авторитета по боевым искусствам того времени. Кроме этого, он был известен также своими достижениями в области чайной церемонии, будучи учеником Катагири Сэкисю, и основал свою школу чайной церемонии, Цзиньсинь (китайское прочтение имени Сигэнобу). Вскоре после встречи, о которой сообщается во Введении, Сигэнобу стал учеником Банкэя и часто приходил к нему за наставлениями в дзэн, и в Эдо, где закон обязывал его проводить некоторое время в году, и в Рюмондзи во время своих поездок между Хирадо и Эдо. Он

также приглашал Банкэя вести проповеди и проводить затворы в Фумондзи, семейном храме клана Мацуура на острове Хирадо.

28. *Передача Дхармы* — передача опыта просветления (печати сознания будды), осуществляемая в соответствии с принципами, изложенными в известном стихотворении Бодхидхармы. Традиция передачи Дхармы составляет, если так можно выразиться, организационную основу дзэн-буддизма.

29. Трое братьев Сасаки были известными судовладельцами и активными прихожанами храма Рюмондзи. Акао, с. 914.

30. Като Ясуоки (1618–1677), прямой потомок одного из наиболее влиятельных вассалов Тоётоми Хидэёси, был известным даймё. Он был известен как выдающийся мастер боевых искусств и автор нескольких трактатов на эту тему. Кроме этого, он был последователем дзэн-буддизма. Еще в годы своей юности он изучал дзэн вместе с Гудо Тосёку, который дал ему его духовное имя — Гэссо Кодзи, «Мирянин Лунного Окна». Князь Мацуура представил его Банкэю в своем имении в Эдо; с этого времени и до конца своей жизни он был предан Банкэю как ученик и глубоко привязан к нему как друг. В записях, повествующих о жизни Банкэя, зафиксировано множество их бесед. Дайсэцу Судзуки назвал их взаимоотношения «одной из самых прекрасных страниц ис-

тории буддизма» («Фусё дзэн», с. 15).

В 1657 году, когда Банкэю было тридцать пять лет, Ясуоки пригласил его в свои владения на острове Кюсю и подарил ему его первый храм, Хэнсё-ан. Он был построен в дубовом лесу и вмещал в себя не больше десяти-двадцати монахов. Двенадцать лет спустя этот храм был перестроен в полноценный монастырь и переименован в Нёходзи. Фудзимото, с. 253–254.

31. *Даймё* (яп.) — букв., «большое имя» — владетельный японский феодальный князь.

Князь Такатоё (1655–1694) также построил для Банкэя храм Хосиндзи рядом со своим замком в городе Маругамэ и даровал ему землю, на которой был построен храм Рюмондзи.

32. Сперва эти собрания проводились в более традиционной манере, когда Банкэй давал каждому участнику свои наставления индивидуально, затем, когда число собравшихся уже более не позволяло этого, затворы стали собраниями для групповой практики дзэн, характерной для последнего десятилетия жизни Банкэя. В общей сложности с 1679 по 1693 год было проведено, в основном во время зимних месяцев, пятнадцать таких собраний.

33. Дэн Сутэдзё, одна из самых выдающихся поэтесс своего времени, известна сегодня в основном благодаря своему стихотворению, которое она написала в возрасте пяти лет: «Снежное утро/Иероглиф “два” повсюду —

/следы эта» (Юки но аса, ни но дзи ни но дзи но, эта но ато; китайский иероглиф «два» представляет две горизонтальные линии). Старшая дочь богатой семьи из провинции Тамба, она отличилась в сочинении стихов хайку и вака; здесь надо также отметить, что она изучала хайку у Китамура Кигина, учителя знаменитого Басё. Она вышла замуж в семнадцать лет, родила шестерых детей, в сорок лет овдовела, после чего стала монахиней амиданстской школы Дзёдо. Однако даже после шести лет, проведенных в храме школы Дзёдо в Киото, она чувствовала себя «неспокойно, с пустотой духа». Она посетила Банкэя в расположенном неподалеку храме Дзидзодзи, а когда он вернулся в провинцию Харима, она последовала за ним и поселилась рядом с храмом Рюмондзи в маленькой обители, которую Банкэй назвал Фугэцу-ан. Она начала вести дневник в 1681 году, за два года до встречи с Банкэем, и продолжала вести его до 1696 года, года своей смерти. В работе Фудзимото Цутисигэ под названием «Тэйкан дзэн-ни» [«Дзэнская монахиня Тэйкан»] собраны все имеющиеся в наличии материалы о Тэйкан и помещена факсимильная копия ее дневника.

34. Акао, с. 568.

35. Сэкимон Сонин (1642–1696), третий настоятель храма Рюмондзи, сменил на этом посту Дайрё Сокё, главного наследника Банкэя, который умер в 1688 году.

36. Акао, с. 572–573.

37. Лежать в позе Будды Шакьямуни — на правом боку, головой на север, лицом на запад (согласно традиции, в этой позе — позе льва — Будда умер, точнее — отошел в нирвану. — Прим. ред.).

БЕСЕДЫ О ДХАРМЕ МАСТЕРА ДЗЭН БАНКЭЯ (ПРИМЕЧАНИЯ К СТР. 51–155)

1. Годы правления под девизом Гэнроку (1688–1703) — «золотой век» культуры позднесредневековой Японии.

Бутти Косай — почетный титул, пожалованный Банкэю императорским указом в 1690 г. Великий зимний затвор продолжался с пятого дня десятого месяца третьего года Гэнроку (1690) до пятого дня первого месяца следующего года. Далее в тексте приводятся записи некоторых из шестидесяти различных бесед и проповедей, проведенных Банкэем во время этого затвора.

2. Сото-дзэн и Риндзай-дзэн, Сингон, Тэндай, Дзёдо и Дзёдо-син, Нитирэн — основные школы японского буддизма Махаяны.

Сото-дзэн (кит. *Цаодун*). Школу Сото основал в Японии мастер Догэн (1200–1251). В 1223 году Догэн отправился в Китай, где унаследовал традицию мастера Жу-цзина из монастыря Тяньтунсы, который формально принадлежал к школе Дуншань Лян-цзе, одного из двух основоположников направления Цаодун, однако считал себя просто учеником Будды Шакьямуни, а не последователем какой-то определенной школы. После возвращения в 1227 году на родину Догэн некоторое время жил в столице Киото, вначале в монастыре Кэнниндзи, а потом в Косёдзи. Не желая вступать в контакт с прави-

тельственными кругами, Догэн удалился в провинцию Этидзэн, где основал храм Эйхэдзи, ставший впоследствии главным центром школы Сото.

Догэн является одним из самых оригинальных и глубоких японских мыслителей. В отличие от большинства буддийских деятелей того времени Догэн излагал свои идеи преимущественно на японском языке. Основы учения изложены им в монументальном сочинении «Сёбо гэндзо» («Сокровищница Глаза Истинного Закона»).

В школе Сото считается, что состояния просветления (сатори) легче и быстрее всего можно достичь с помощью практики сидячей медитации (дзадзэн).

Риндзай-дзэн (кит. *Линьцзи*). Школа Риндзай основал в Японии монах Эйсай (1141–1215). Вначале он изучал доктрину Тэндай, но, неудовлетворенный этим учением, в возрасте 28 лет отправился в Китай на поиски более глубоких истин. По прошествии 20 лет он еще раз побывал в Китае, где унаследовал традицию школы Линьцзи. По возвращении в Японию он сумел, несмотря на противодействие тэндайских монахов, основать в 1202 г. первый крупный дзэнский монастырь Кэнниндзи в Киото.

Характерной особенностью практики в школе Риндзай-дзэн является широкое применение коанов в качестве основного метода достижения просветления.

Школа *Сингон* (кит. *Чжэнь янь*) — учение эзотерического буддизма (яп. *миккё*, кит. *ми цзяо* — «тай-

ное учение»). В Японию его привез Кукай (посмертное имя — Кобо-дайси, 774–835). Учение Сингон восходит к индийскому тантризму; основное внимание уделялось всевозможным ритуалам, магическим заклинаниям (мантра) и символическим жестам (мудра). Также в Сингон практиковалась и медитация с целью отождествления адепта со вселенским Буддой Махавайрочаной (яп. *Дайнити*).

Школа *Тэндай* (кит. *Тяньтай*) сформировалась в Китае в VI веке. Основателем школы считается китайский монах Чжи-и (посмертное имя — Тяньтай-даши, 538–597). Учение этой школы основывается на «Сутре Лотоса». Тяньтайское учение получило широкое распространение в Японии, куда его принес Сайтё (767–822). Школа Тэндай стала могущественным буддийским объединением в период Хэйан (794–1175) и на протяжении нескольких веков непосредственно влияла на внешнюю и внутреннюю политику страны. Последователи Тэндай занимались медитацией, но в учении этой школы большое значение придавалось также многократному повторению Нэмбуцу.

Школа *Дзёдо* (кит. *Цзинту*), «школа Чистой Земли», и школа *Дзёдо-син*, «истинная школа Чистой Земли» — чисто японские амидаистские школы, опиравшиеся при своем возникновении на тэндайскую традицию культа Будды Амиды. Школу Дзёдо основал в конце 12 века монах Хонэн (1133–1212). Школа Дзёдо-син, ос-

нователем которой является Синран (1173—1262), выделилась в начале 13 века из школы Дзёдо. В амидаистских школах буддизма первостепенное значение придается повторению *Нэмбцу*.

Школа *Нитирэн*, иначе — школа Лотоса (яп. *Хокэ*), была основана Нитирэном (1222—1282). Нитирэн реформировал некоторые стороны тэндайской догматики, оставив, однако, основные тэндайские идеи без скольконибудь существенного изменения, и предписал своим последователям вместо занятий медитацией постоянное повторение формулы «Наму мёхо рэнгэ кё» («Поклонение Сутре Лотоса Благой Дхармы»). Нитирэн всю жизнь последовательно боролся с другими японскими буддийскими школами, в первую очередь с амидаизмом.

3. *Трон Дхармы* — небольшое возвышение для провознесения проповедей.

4. В тексте бесед часто встречаются такие термины, как «сознание будды», «Нерожденное» и «всеосвещающая мудрость». *Сознание будды* (яп. *буссин*) — это синоним *природы будды* (яп. *буссё*), присущей каждому человеку, сознание как оно есть в своей истинной реальности, или таковости (санскр. *татхата*), являющееся первичным по отношению к интеллектуальным и различительным способностям человека. В буддизме понятие «нерожденное» (яп. *фусё*), употребляющееся обычно в паре «нерожденное-неумирающее», противопоставляется рождениям и смертям сансары, безначальному и бес-

конечному процессу порождения и исчезновения (разрушения), которому человек подвержен из-за своих иллюзий. Можно сказать, что в этом смысле *Нерожденное* синонимично *нирване* и является незатронутым круговращением рождений и смертей. Термин «[чудесно светлая] всеосвещающая мудрость» (яп. *рэймэй*) представляет собой попытку выразить чудесную яркость, чистоту и ясность сознания будды, функционирующего в состоянии нерожденности, которое Банкэй называет также «различением неразличения», и которое находится за пределами любых мыслительных конструкций. Такое проявление сознания будды сравнивается со светлым и чистым зеркалом, которое отражает все, что бы перед ним ни предстало, в его истинной реальности. Поскольку ни один из возможных переводов этого понятия не может адекватно передать все значения, содержащиеся в слове *рэймэй*, оно переводилось по-разному в зависимости от контекста. Для более подробного ознакомления с этим термином в трактовке Д.Т. Судзуки см. «Кэнкю», с. 21—23.

5. *Татхагата* — эпитет Будды, появляющегося в этом мире, буквально, «Так Приходящий»; живой Будда (на санскрите слово «*Татхагата*» означает и «Так Приходящий», и «Так Уходящий». — *Прим. ред.*).

6. *Кальпа* — неисчислимый период времени, эпоха.

7. *Школа Сознания Будды* (яп. *Буссин-сю*), названная школы дзэн, впервые появившееся еще в сочинениях,

приписываемых Бодхидхарме, первому китайскому патриарху дзэн. «Дэнтто-року», 2.

8. Слова «нерожденное — неумирающее» присутствуют, например, в «Сутре Сердца» (санскр. «*Праджняпарамита-хридая-сутра*»; см. прим. 2 к «Записям бесед и высказываний») и в знаменитом восьмичастном отрицании буддийского философа Нагарджуны (второй или третий век нашей эры; начальные строки «Трактата о Срединном Пути» — санскр. «*Мадхьямика-шастра*»):

нет рождения, нет исчезновения,

нет постоянства, нет прерывности,

нет единства, нет различия,

нет прихода, нет ухода.

9. Согласно общепринятым представлениям, со времени вступления Будды Шакьямуни в нирвану до пришествия в мир нового Будды (Будда грядущего — Майтрея) проходят периоды Истинной Дхармы, когда одновременно существуют Учение Будды, практика и возможность достижения просветления; Подобной Дхармы, когда остаются только Учение и практика; и период Конечной (Последней) Дхармы, когда остается только Учение, но люди уже не могут практиковать его и достичь просветления. Хронология этих периодов колеблется, но в китайской (и, соответственно, японской) традиции на первый период обычно отводится пятьсот, на второй — тысяча (реже пятьсот) и на третий — десять

тысяч лет. В Японии подобные «эсхатологические» концепции начали появляться в конце периода Хэйан (795—1185), когда, по одной из версий исчисления «трех периодов Дхармы», закончился период Подобной Дхармы и начался период Конечной Дхармы. Таким образом, ко времени жизни Банкэя было широко распространено мнение о том, что мир уже давно находится в периоде Конечной Дхармы.

10. Направление учеников к постижению Нерожденного простым «разрешением (прояснением) их жизненных проблем» (яп. *ми но уэ но хихан*) является одним из характерных признаков учения Банкэя.

11. Сравните со следующим высказыванием Линьцзи: «Исходящие Пути! Не связывайте себя тем, что я вам проповедую. Но почему же? Потому что мои проповеди не имеют опоры и пристанища, они подобны схемам и картинам, в определенное время возникающим в пустом пространстве (воздухе)» [IVА1, с. 240].

12. По буддийскому учению, все живые существа находятся в одной из десяти сфер бытия. Эти сферы таковы: мир обитателей ада (санскр. *нарака*), мир голодных духов (санскр. *прета*), мир животных, мир сражающихся демонов (санскр. *асура*), мир людей, мир небожителей (санскр. *дэва*), мир слушающих учение Будды (санскр. *шравака*), мир достигших просветления самостоятельно и только для себя (санскр. *пратьекабудда*), мир бодхисаттв, а также мир Будд. Первые шесть из десяти миров

суть низшие миры, поскольку живые существа в них пребывают в иллюзиях и подвержены перерождениям в колесе бытия (санскр. *сансара*). Четыре последних мира суть просветленные сферы святых существ. Первые три из шести низших миров, называемые тремя пагубными путями или тремя плохими мирами, считаются наиболее неблагоприятными для перерождения. Обитатели ада постоянно подвергаются пыткам в различных областях ада; голодные духи страдают от неутолимого голода и жажды; животные глупы и невежественны; демоны-асуры живут в постоянной борьбе; небожители пребывают в постоянном блаженстве и не знают страдания, но поэтому у них никогда не возникает стремление к духовному совершенствованию. В мире людей в равной мере присутствуют и страдание, и удовольствие, поэтому только в мире людей есть возможность для духовного становления и обретения состояния будды.

13. Четыре разряда буддийской Сангхи — монахи, монахини, миряне, мирянки.

14. Дося Тэгэн (кит. *Даочжэ Чао-юань*; 1600?—1661?); см. Введение и прим. 15 к Введению.

15. «Великое Учение» (кит. «*Да сюэ*»; яп. «*Дайгаку*»), одна из четырех классических книг конфуцианства. Фраза «Путь великого учения заключается в проявлении светлой добродетели» находится в самом начале этой книги. См. Введение и прим. 2 к Введению.

16. Здесь Банкэй имеет в виду своего учителя Умпо

Дзэндзэ. См. Введение и прим. 5 к Введению.

17. Постоянное повторение формулы «Наму Амида Буцу» («Поклонение Будде Амиде»), называемой также *Нэмбуцу*, в некоем состоянии транса — *самадхи* — характерно для практики буддийских школ Чистой Земли вообще и для школы Дзэдо-син в частности. Будучи еще мальчиком, Банкэй провел некоторое время в храме школы Дзэдо-син. См. Введение.

18. Гудо Тосёку (1579—1661) был в свое время одним из ведущих наставников школы Риндзай-дзэн.

19. Сравните это со следующим высказыванием китайского мастера Умэня (яп. *Мумон*), составителя известного сборника коанов «Умэнь гуань» (яп. «*Мумонкан*»), о попытках связать слова/учение с реальностью/истиной:

«Это подобно тому, как посохом ударить луну или чесать туфлю, потому что чешется нога» [IVA3, с. 67].

20. Сравните со следующим высказыванием Линьцзи: «Будда и патриарх — это всего лишь названия, связывающие [обещанием] вознаграждения» [IVB7, с. 157].

21. Ложь, наряду с убийством, воровством, прелюбодением и употреблением опьяняющих жидкостей, является одним из пяти грехов, против совершения которых предостерегают пять заповедей Будды.

22. Понятие «ересь» относится в данном случае к любому небуддийскому учению. Франциск Ксавье и другие христианские священники принесли христианство в

Японию в середине XVI века: годы с 1549 по 1650 были названы «христианским столетием» Японии. В начале XVII века политика японского правительства изменилась. Начался период подавления христианства и преследования его сторонников, закончившийся полным запрещением христианства. Джордж Сэнсом в своей книге «The History of Japan, 1615—1867», р. 102, цитирует документ того времени, датированный 1658 годом, в котором перечисляются различные государственные запреты, один из которых гласит: «Христианским священникам и монахам, а также любым другим членам этой запрещенной секты, никоим образом не допускается проникать в сельские районы страны. К этому должны быть приняты все надлежащие меры».

23. В дзэнских храмах в начале двенадцатого месяца традиционно приступают к проведению периода интенсивной практики (*рохацу сэссин*), который завершается утром восьмого дня двенадцатого месяца, поскольку считается, что в это время Будда Шакьямуни достиг просветления.

24. Сравните со следующим высказыванием Линьцзи: «Будде незачем становиться Буддой» [IVA1, с. 238].

25. Жадность, гнев и глупость называются «ядами» или «отравами», потому что они являются источником всех человеческих страстей и иллюзий.

Выдающийся китайский буддийский мыслитель Цзунми (780—841) в своем трактате «Предисловие к собра-

нию чаньских истин» дает «трем ядам», отравляющим сознание человека, следующее определение:

жадность — стремление к улавлению и обогащению «я»;

гнев — извращенное чувство опасения за свое «я» из-за воздействия [внешних] объектов;

глупость — неспособность, встретившись с ошибочным, истинно судить о нем [IVB7, с. 107].

Другие варианты перечисления «трех ядов»:

страсть/страстные желания, вожделение, сладострастие, алчность, тщеславие;

ненависть;

неведение/невежество, иллюзия.

26. См. прим. 8.

27. Одно из центральных положений буддизма Махаяны: омраченное сансарическое бытие и есть, как такое, нирвана, совершенно спокойное состояние просветления.

28. Время курения одной благовонной палочки составляет около тридцати минут. *Кинхин* — своеобразная медитация в хождении, небольшая прогулка, предпринимаемая во время периодов сидячей медитации, с тем, чтобы немного размяться и расправить затекшие члены.

29. В качестве примера одного из «старых орудий» можно привести использование коанов.

30. Великий шар (или глыба, или ком) сомнений (яп. *дайгидан*) — это «состояние сознания, достигаемое уче-

ником на определенной ступени изучения коана... Это некая разновидность ментальной блокировки... [в которой] поток мыслей наталкивается на преграду... прекращает свой бег и образует своеобразный ком». Д.Т. Судзуки (Daisetz Suzuki), «Living by Zen», p. 221.

31. Здесь Банкэй имеет в виду различие, проводящееся между учением школ буддизма Чистой Земли, согласно которому просветления можно достичь только благодаря силе сострадания «другого», т.е. Будды Амиды, и учением дзэн-буддизма, согласно которому просветления можно достичь только опираясь на свои собственные силы.

Можно также отметить, что такие понятия, как «опора на силу другого» (кит. *тали*; яп. *тарики*) и «опора на собственные силы» (кит. *цзыли*; яп. *дзирики*), были введены китайским теоретиком амидаизма Дао-чо, который выделил *тарики* как наиболее оптимальный путь спасения живого существа, поскольку возрождение человека в Чистой Земле Будды Амиды возможно только при помощи спасительной силы этого Будды, и противопоставил этому пути метод *дзирики* — достижение просветления собственными силами без помощи Будды Амиды. Одной из причин возникновения и расцвета амидаистских школ в XII веке в Японии явилось широко распространенное мнение о том, что в эпоху «Конечной Дхармы» человек не может достичь спасения собственными силами и поэтому остается только уповать на помощь Будды Амиды. Принимая во внимание факти-

ческое отрицание Банкэем концепции «трех периодов Дхармы» (и генезис связанных с ней терминов *дзирики* и *тарики*, мы можем предположить, что в данном эпизоде Банкэй указывает на внешнее по отношению к дзэн происхождение терминологической оппозиции *дзирики* — *тарики*, подчеркивая тем самым, что эти понятия совершенно неприменимы при рассмотрении практики дзэн. Выделение «опоры на собственные силы» как одного из «принципов» дзэн теряет, таким образом, всякий смысл.

32. Известно, что между Бодхидхармой и его учеником Хуэй-кэ имел место диалог схожего содержания. См. «Мумонкан», случай 41.

Бодхидхарма сидел в дзадзэн, глядя на стену. Второй Патриарх, который стоял в снегу, отрезал себе руку и произнес: «Сознание Вашего ученика еще не успокоилось. Прошу Вас, учитель, успокойте его». Бодхидхарма сказал: «Принеси мне твое сознание, и я его успокою». Второй Патриарх сказал: «Я искал сознание, но нигде не мог найти его». Бодхидхарма сказал: «Я полностью его в тебе успокоил» [ИВАЗ, с. 103].

33. Здесь Банкэй имеет в виду известное высказывание, приписываемое Бодхидхарме, которое описывает принципы школы дзэн: «*Кёгэ бэцудэн, фурю мондзи, дзикиси нинсин, кэнсё дзёбуцу*». Этим сказано, что дзэн — «особая передача помимо буддийских текстов, не основывающаяся на словах и письменных знаках, в которой человек прозревает в свою истинную природу и обре-

тает состояние будды прямым указанием на свое собственное сознание [будды]».

34. Три пагубные сферы бытия (яп. *сан-акудо*) — три низших мира колеса сансары, которые наименее благоприятны для перерождения: сфера обитателей ада, сфера голодных духов и сфера животных. См. прим. 12.

35. Словом «безразличный» был переведен буддийский технический термин *муки* (яп.; санскр. *авьякрита*). *Муки* (безразличный) используется в соотношении с понятийной парой *дзэнки* (хороший) и *акуки* (плохой) для обозначения чего-то нейтрального, безразличного, или ни хорошего, ни плохого. Английское слово *indifferent* (безразличный), хотя и является несколько неадекватным, все же отражает основное значение понятия *муки* в том контексте, в котором оно здесь используется. Монах воображает себе, что пребывание в том состоянии сознания, которое Банкэй называет нерожденным сознанием будды, означает вхождение в некое состояние «зомби», состояние неосознаваемой, «бесчувственной» бездеятельности, отрезанной он чувств и ощущений. См. «Living by Zen», р. 224.

36. Кумасака Тёхан — знаменитый разбойник, фигурирующий в сказаниях о войнах двенадцатого века между кланами Тайра и Гэндзи. В соответствии с одной из этих легенд, однажды он отправился в большой буддийский монастырь, находящийся на горе Коя, чтобы украсть там что-то, но вместо этого осознал пагубность

своего пути и стал человеком глубокой веры.

37. В соответствии с учением японских школ буддизма Чистой Земли, возгласение формулы «Наму Амида Буцу» (Нэмбуцу) приносит, благодаря милости Будды Амиды, спасение и перерождение в благословенной Чистой Земле.

38. Одна из шести «сверхъестественных» сил, достигнутых Буддой, это способность читать мысли (яп. *па-синдзу*). См. прим. 53.

39. Сравните со следующим высказыванием Линьцзи: «Тому, кто сейчас постигает Закон Будды, следует стремиться к истинному пониманию. Если добиться истинного понимания, то рождение и смерть уже не коснутся вас и можно свободно вести себя — уходить или оставаться. Нет необходимости стремиться [обрести] чудодейственные способности. Чудодейственные способности придут сами собой» [IVB7, с. 135].

40. «Лис Хякудэ» — известный коан, содержащийся в сборнике коанов «Мумонкан» (кит. «Умэнь гуан»), случай 2.

41. Здесь имеется в виду коан «Трижды калека» из сборника коанов «Хэкиганроку» (кит. «Би янь лу»), случай 88. В этом коане танский наставник Сюаньша Ши-бэй (яп. *Гэнся Сиби*) обращается к своим ученикам со следующими словами:

«Все наставники говорят о своем долге прилагать все силы к освобождению живых существ. А как вы

будете обращаться с трижды калеккой, если он внезапно появится здесь перед вами? Вы можете поднять свою мухогонку, но человек, страдающий от слепоты, не увидит этого. Вы можете воспользоваться всем своим красноречием, но человек, страдающий от глухоты, не услышит вас. Вы можете потребовать от него, чтобы он выразил свое понимание, но это невозможно, потому что он немой. Как же вы обойдетесь с ним? Если вы ничем не сможете помочь ему, то можно считать, что Дхарме Будды не хватает способности проникнуть всюду».

42. Учение школы Предписаний (санскр. *Виная*, яп. *Рицу* или *Риссю*) основывается на строгом соблюдении определенных правил (250 — для монахов, 500 — для монахинь). В этой школе считается, что выполнение этих правил является основным средством достижения просветления. Школа *Рицу* является одной из старых буддийских школ, принесенных в Японию из Китая во время периода Нара (646—794). Влияние этой школы очень сильно ослабло с появлением новых буддийских школ во время периода Камакура (1192—1333).

43. Банкэй имеет в виду термин *дзэнтисики*, буквально, «хороший человек». Этот термин переводится обычно как «добрый друг» или «добрый учитель». Так называют человека, который помогает другому в достижении просветления.

44. Банкэй, как и многие другие великие мастера дзэн, был также художником и каллиграфом (образцы его работ ценятся очень дорого). Кроме этого, он был искусным буддийским скульптором; многие из его работ до сих пор находятся в храмах, связанных с его именем. См. Фудзимото, с. 614—615.

Каннон (санскр. *Авалокитешвара*) — бодхисаттва сострадания.

45. Три «мира» (яп. *сандзэ*) — прошлое, настоящее и будущее. Считается, что достижение состояния будды дает возможность видеть весь поток времени и все пространство так же легко, как если бы вы глядели на свою ладонь.

46. Для того чтобы прибыть в Маругамэ, город-замок, находящийся на побережье Внутреннего моря на острове Сикоку, Банкэю пришлось переправиться через Внутреннее море. Провинция Сануки располагалась на территории современной префектуры Кагава. Храм Хосиндзи был построен владельцем замка Маругамэ князем Кёгоку Такатое по просьбе его матери, убежденной последовательницы Банкэя. Она умерла в предыдущем (1689) году и перед смертью высказала желание, чтобы Банкэй провел затвор в Хосиндзи. Проповеди в Хосиндзи проводились с двадцать третьего дня восьмого месяца по второй день девятого месяца. На третий день девятого месяца Банкэй вернулся в Рюмондзи, чтобы начать великий

зимний затвор. Великий зимний затвор начался на пятый день десятого месяца. Таким образом, с хронологической точки зрения проповеди в Хосиндзи были проведены раньше, чем проповеди в Рюмондзи, однако во всех основных рукописных источниках проповеди в Рюмондзи помещены на первое место.

47. Банкэй имеет в виду четыре основные стихии. В одном японском стихотворении, приписываемом Банкэю, мы читаем следующее: «*Это Сознание нерождено и неумирающее. / Земля, вода, огонь и воздух суть его временный дом*». «Гороку», с. 181.

48. Санскритское слово «нирвана» транслитерируется в китайском языке как *небань* или *непань*, а в японском — *нэан*. Это слово часто употребляется в значении «смерть», но, строго говоря, это неверно, поскольку нирвана рассматривается как прекращение рождений-и-смертей. Будда «закрыв темницу рождений и смертей и отворил двери *непань*». Китайцы, забывая иногда о том, что слово *непань* не китайского происхождения, объясняли его как состоящее из двух частей — *не* (яп. *фусё*), не рождаться, и *пань* (яп. *фуси*), не умирать. Банкэй в данном случае следует народной этимологии.

49. Храм Дзидодзи, построенный Банкэем в 1664 году на месте старого буддийского храма периода Камакура, был его излюбленным местом, куда он отправлялся для того, чтобы отдохнуть от приступов своей болезни. Иногда он также использовал этот храм для проведения

затворов. Ямасина располагается в востоку от Киото за перевалом Аватагути, который является старыми восточными воротами Киото на дороге Токайдо.

50. Традиционная формула, провозглашаемая при вступлении в буддизм, звучит следующим образом: «Получить человеческий облик нелегко, но теперь я обладаю им; Дхарму Будды трудно услышать, но теперь я услышал ее; если мне не удастся достичь освобождения в этой жизни, то когда еще мне представится такая возможность? Все великое множество живых существе должно с полнотой сердца принять убежище в Трех Драгоценностях: Будде, Дхарме и Сангхе».

51. Эта идея изначально происходит из индийского буддизма. В Индии, где социальное положение женщины было низким, возникла мысль о том, что женщины не могут достичь освобождения, будучи женщинами; для этого им необходимо сначала переродиться в облике мужчины. Несмотря на то что учение Махаяны признавало, что женщины могут достичь состояния будды, предыдущее мнение не исчезло бесследно. Его можно увидеть даже в некоторых частях письменного буддийского канона, из которого, возможно, эта идея и появилась в Японии. Однако мысль о том, что *бездетная* женщина не способна достичь состояния будды, несет на себе отпечаток типичного для конфуцианства культа поклонения предкам и не имеет основания в каком-либо из ортодоксальных буддийских учений.

52. Шримала, дочь царя Прасенаджита, является протагонистом «Шримала-сутры». Дева Нага фигурирует в «Сутре Лотоса» как восьмилетняя дочь Царя драконов — нага Сагара. Преподнеся Будде драгоценный камень, она тут же обернулась женщиной и немедля достигла состояния будды. Лин-чжао (яп. *Рэйсё*), дочь Танского мирянина Пан-юня (яп. *Хоун*; 714–808), фигурирует вместе со своим отцом во многих историях, записанных в дзэнский хрониках. Тайма Тюдзэхимэ — полулегендарная дочь Фудзивара Тоёнари, жившая в восьмом веке. Став монахиней, она посвятила себя практике Нэмбуцу и, с помощью Амида-Будды, вышила картину (известную как «Тайма Мандала»), на которой изображена благословенная Чистая Земля.

53. В тексте сказано буквально следующее: «Шесть органов чувств Шакьямуни [зрение, слух, обоняние, вкус, осязание и сознание] наделены шестью сверхъестественными силами». Эти шесть сверхчеловеческих проникновений, обретенных Буддой, дают ему необычайную силу видения, слышания и так далее, которые выше понимания непросветленных существ. Видение Будды таково, что он может видеть все, от высших небесных сфер до нижайших сфер ада.

54. Банкэй имеет в виду храм Кориндзи, построенный для него в 1678 году владельцем замка Маругамэ князем Кёгоку Такатоё по просьбе его матери,

монахини Йосё-ин (см. прим. 46). Кориндзи был одним из трех главных храмов Банкэя.

55. Эти самураи, называемые по-японски *цудзи-гири*, испытывали острие своих мечей на случайных прохожих, которых они поджидали на безлюдных дорогах. По некоторым слухам, распространенным в первой половине семнадцатого века, сам сёгун Иэмицу (1603–1651) участвовал иногда (инкогнито) в подобных ночных вылазках. С. R. Voser, «Christian Century of Japan 1549–1650», p. 364.

56. Законы Токугава позволяли любому представителю самурайского сословия (яп. *буси*) на месте зарубить всякого представителя другого сословия (в соответствии с официальным разделением общества на четыре сословия — самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы), который, по его мнению, оказался недостаточно почтительным. В данном случае этому самураю просто требовался формальный повод для нападения, который придал бы его действиям хоть какую-то видимость легитимности.

57. В школе Лотоса (яп. *Хокэ*), иначе — школа Нитирэн, название, или *Даймоку*, «Сутры Лотоса» (санскр. «*Саддхармапундарика-сутра*»), произносящееся как *Мёхорэнгэ-кё*, возглашается последователями этой школы в надежде на то, что тем самым они обретут все блага, содержащиеся в этой сутре.

58. *Самадхи* (санскр.) — синоним санскритского

буддийского термина *дхьяна* — состояние медитации, в которой объект медитации и сознание медитирующего слиты воедино. Термином *дхьяна* обозначают медитацию как процесс, тогда как термин *самадхи* обычно используют для обозначения завершающей фазы медитации и как синоним термина *бодхи* (просветление).

На русский язык оба этих термина (*дхьяна* и *самадхи*) переводятся как «созерцание», «сосредоточение/концентрация» или просто как «медитация».

См. анализ терминов буддийской психотехники в работе Е. А. Торчинова «Религии мира: опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния» [IVB9, с. 257–258].

ЗАПИСИ БЕСЕД И ВЫСКАЗЫВАНИЙ МАСТЕРА ДЗЭН БАНКЭЯ (ПРИМЕЧАНИЯ К СТР. 157–197)

1. В журнале «The Eastern Buddhist» (Vol. VIII, No. 2, October 1975, p. 113–129) Норман Уоделл опубликовал выборочный перевод сборника Ицудзана «Бутти косай дзэндзи хого» — «A Selection from Bankei's Zen Dialogues». Этот перевод отличается от приведенного в книге Нормана Уоделла «The Unborn. The Life and Teaching of Zen Master Bankei (1622–1693)», поскольку он выполнен с версии текста сборника Ицудзана, которая дана в издании Судзуки «Банкэй дзэндзи гороку». См. в Приложении I настоящей книги перевод одного из параграфов (по. 35, p. 125–126) сборника Ицудзана, отсутствующего в «The Unborn». См. в Приложении II настоящей книги перевод другого сборника записей бесед и высказываний Банкэя — «Дзэйго» («Необязательные слова») — опубликованного Норманом Уоделлом в журнале «The Eastern Buddhist» уже после выхода в свет «The Unborn».

2. Банкэй цитирует следующий отрывок из «Сутры Сердца» (санскр. «*Праджняпарамита-хридая-сутра*»): «О, Шарипутра, все дхармы суть пустая видимость; они не рождаются и не умирают».

Этот отрывок в переводе «*Праджняпарамита-*

хридая-сутры» с китайского, осуществленном Е.А.Торчиновым, выглядит следующим образом:

«Шарипутра! Все дхармы имеют пустоту своим сущностным свойством. Они не рождаются и не гибнут, не загрязняются и не очищаются, не увеличиваются и не уменьшаются». [IVB7, с. 8]

В переводе «Празднъяпарамита-хридая-сутры» с тибетского, выполненном С.Ю. Лепеховым, этот отрывок излагается так:

«О, Шарипутра! Все дхармы пусты и лишены признаков, не рождаются и не исчезают, не загрязнены и не чисты, не увеличиваются числом и не уменьшаются». [IVB3, с. 99]

3. Сравните со следующим высказыванием Линьцзи: «Следующие Пути!

С древних времен у всех наших знаменитых предшественников были свои пути спасения людей. Что касается меня, то я лишь учу вас, чтобы вы не подвергались заблуждениям других. Хотите практиковать — практикуйте, только без колебаний». [IVB7, с. 136]

4. Сравните со следующим высказыванием Линьцзи: «Я обращаюсь к вам и говорю:

— Нет Будды, нет Дхармы; нечего практиковать, нечего доказывать. Так что же вы собираетесь искать на стороне? Слепцы, на уже имеющуюся голову вы водружаете [еще одну] голову. Чего же вам еще не хватает?» [IVB7, с. 156]

5. Раньше амидаистская школа Дзёдо-син была известна также под названием Икко. Амидабуцу» («принимаю прибежище в Амида-Будде») По учению школы Дзёдо-син слова Нэмбуцу Наму Амида Буцу должны произноситься без какой-либо цели, а просто как благодарность за спасение, дарованное Амидой. Даже одно возгласие Нэмбуцу, произнесенное совершенно искренне, обеспечивает последователю этого учения перерождение в Чистой Земле Амиды. Все остальные возгласия Нэмбуцу совершаются в благодарность за безусловный дар спасения, данного Амидой всем чувствующим существам.

Оживление деятельности школы Дзёдо-син в 15 веке и переименование ее в Икко связано с именем восьмого патриарха Дзёдо-син Рэннё (1415—1499), который прилагал большие усилия для распространения учения Икко среди широких масс городского и сельского населения. В названии школы («икко» — «одно направление», «следование чему-то одному») нашло выражение основополагающее догматическое положение ее учения: перерождение человека в Чистой Земле обеспечивается исключительно его молениями Будде Амиде. См. «Записи сказанного высокоумудрым Рэннё» [IVB7, с. 282-298].

6. Синран (1173—1262), основатель школы Дзёдо-син, провел около шести лет в изгнании в провинции Этиго. Шесть знаков, составляющие имя Амиды, или Мёго (букв., «чудесное имя»), — это На-му-А-ми-да-

Буцу. Кавагаэ Мёго значит буквально «чудесное переводящее на другой берег имя Амиды».

7. Банкэй имеет в виду таких выдающихся мастеров дзэн, как Токусан Сэнкан (кит. *Дэ-шань Сюань-цзянь*; 782–865) и Риндзай Гигэн (кит. *Линьцзи И-сюань*; ум. 867). «Посох Токусана» и «крик Риндзая» пользуются в дзэн широкой известностью. Гутэй (кит. *Чжу-чжи*) известен своим «Дзэн одного пальца». Он отвечал на все вопросы, поднимая вверх палец. См. «Мумонкан», случай 3.

8. Сравните со следующим высказыванием Линьцзи:

«Все, что я говорю вам, есть лекарство от определенной болезни, исцеляющее лишь в одно определенное время, но нет никакой реально существующей Дхармы». [IV A1, с. 232]

9. Здесь Банкэй имеет в виду дзэнский афоризм «прозреть в свою истинную природу и достичь состояния будды, прямо указав на сознание». См. прим. 33 к «Беседам о Дхарме».

10. Доктринальные положения амидаизма основываются на трех канонических текстах, известных как «Три Сутры об Амиде»: «Сутра Украшений Страны Счастья» (санскр. *Сукхавативьюха-сутра*», она же «Амитабхавьюха-сутра»), «Малая Сутра Украшений Страны Счастья» (в кратком наименовании «Амитабха-сутра»), а также «Сутра Созерцания Вечной Жизни» (санскр. *Амитаюрдхьяна-сутра*»).

Утверждения, упомянутые этим монахом, взяты из двух сутр, особо почитаемых в учении школы Дзёдо-син: первое утверждение взято из «Амитабха-сутры» (здесь: «Амида-Сутра»), а второе — из «Амитаюрдхьяна-сутры» (здесь: «Сутра о Созерцании Амитаюса»; Амитаюс — одна из ипостасей Амитабхи).

Коти — очень большое число, определяемое как сто или тысяча миллионов.

11. Термин «искусные средства» (санскр. *упая*) в широком значении употребляется для обозначения действий учителя, который адаптирует свое учение к способностям учеников, направляя их с помощью методов, которые, строго говоря, не являются прямым (непосредственным) выражением абсолютной истины. Термин *упая* переводится по-разному в зависимости от контекста — «искусные средства/методы» (см. с. 55, 74), «уловки» (см. с. 67), «упрощенная/доступная форма учения» (см. с. 68).

12. На горе Коя-сан, находящейся на территории совр. префектуры Вакаяма, и на горе Хиэйдзан, находящейся к северо-востоку от Киото, располагаются два крупнейших в Японии горных монастырских комплекса, принадлежащих соответственно буддийским школам Сингон и Тэндай. Женский монастырь, о котором упоминает Банкэй, располагался рядом с храмом Энгакудзи в Камакура и был известен также как «храм разведенных».

13. Энго Кокугон (кит. *Юаньбу Кэ-цин*; 1083—

1135) и Дайэ Соко (кит. Дахуэй Цзун-гао; 1089—1163) — выдающиеся китайские мастера школы Риндзай-дзэн, жившие во время эпохи Сун, в течение которой начала развиваться система коанов, с появлением которой тесно связаны их имена. Энго был составителем и соавтором сборника коанов «Хэкиганроку», а Дайэ был его главным учеником. О практике коанов и сборниках коанов см. [ИВАЗ, с. 260—280].

14. «Великое просветление следует за великим сомнением» — это широко известное дзэнское высказывание принадлежит Сунскому мастеру Мэншань Дэ-и (яп. *Мо-сан Токуи*; 1231—?). Для объяснения термина «великое сомнение», или «великий шар сомнений», см. прим. 30 к «Беседам о Дхарме».

15. Эно (кит. Хуэй-нэн; 638—713), шестой китайский патриарх дзэн, сказал эти слова Нангаку Эдзэ (кит. *Наньюэ Хуай-жан*; 677—744); позже они стали использоваться в качестве коана. Когда Нангаку услышал этот вопрос, он не смог на него ответить. Он удалился и концентрировался на нем в течение восьми лет, прежде чем смог дать приведенный здесь ответ.

16. Настоятелем храма Саниодзи был Бокуо Сого (ум. 1695), наследник Дхармы учителя Банкэя Умпо Дзэндзэ. См. Введение.

Бидзэн и Биттю — старые провинции, находящиеся ныне на территории префектуры Окаяма.

17. «Хэкиганроку» (см. прим. 13) является одним из

наиболее важных сборников коанов. Составителем и соавтором «Хэкиганроку» был Энго Кокугон (Юань Кэ-цин). Вскоре после первого издания этого сборника преемник Энго, Дайэ Соко, решил, что он будет являться препятствием для истинного изучения дзэн «Хэкиганроку». Дайэ уничтожил все экземпляры «Хэкиганроку» и сжег деревянные блоки, с которых они были напечатаны. Более чем через сто лет спустя сборник «Хэкиганроку» был составлен заново и вновь выпущен в свет. Слова, которые приводит здесь Дзэнгэй, содержатся не в самом тексте «Хэкиганроку», а в одном из предисловий к нему, которое написал Санкё Родзин (кит. *Саньцзяо Лао-жэнь*). В этом предисловии он рассказывает о причинах, побудивших Дайэ уничтожить «Хэкиганроку». Он пишет, что в связи с выходом вновь изданного текста «Хэкиганроку» возникает риск того, что читатели «примут палец, указывающий на луну, за саму луну». Затем он говорит следующие слова: «В стихотворении, начертанном на портрете мужа древности, написано, что “Принц Чжан ясно виден здесь на бумаге, но как бы вы ни возвышали свой голос и что бы вы ни кричали ему, вы не получите ответа”. Всякий, кто захочет прочитать эту книгу, должен сперва проникнуть в смысл этих слов».

18. «Не испытывай иллюзий» (яп. *макумодзо*). Это выражение фигурирует во многих историях и диалогах в дзэнской литературе. Здесь не представляется возможным сказать, какая конкретно история или диалог имеется в

виду в данном случае. Нам известно, что Танский мастер дзэн Муго (кит. У-я) отвечал таким образом на все задававшиеся ему вопросы. В диалоге, имевшем место между мастером дзэн Чан-ша и министром Чжу, министр спросил:

— Дождевого червя разрезало надвое. Обе части двигаются. В которой из них содержится природа будды?

Чан-ша ответил:

— Не испытывай иллюзий! («Дэнтороку», глава 10)

19. Сравните со следующим высказыванием Линьцзи:

«Что касается меня, то у меня нет ни одной дхармы, которую я мог бы передать людям. Я только и могу, что лечить болезни и развязывать путы». [IVB7, с. 156]

20. Обаку Киун (кит. Хуанбо Си-юнь, ум. ок. 850). См. Ruth Sasaki, «The Record of Lin-chi», р. 50. Перевод этого эпизода биографии Линьцзи на русский язык см. в [IVA3, с. 196–198].

21. Кандзан Эгэн (1277–1360) — основатель храма Мёсиндзи в Киото. *Кокуси*, «Наставник Страны» — почетный титул, присуждавшийся выдающимся буддийским наставникам особым императорским указом.

22. Дайрё Сокё (1638–1688). Главный ученик Банкэя, его наследник и преемник в Рюмондзи. Банкэй возлагал на него большие надежды, и, когда Дайрё умер на пять лет раньше Банкэя, он был очень огорчен. Нам известно, что, когда Банкэй узнал о том, что Дайрё умер, он сказал: «Я потерял обе руки».

ДЗЭЙГО. НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА (ПРИМЕЧАНИЯ К СТР. 199–269)

1. Уммон Бунгэн (кит. Юньмэнь Вэнь-янь, 864–949). Помощник Он был известен впоследствии как мастер дзэн Кёрин Тёон (кит. Сянлин Чэн-юань), наследник Дхармы Уммона. Он всегда одевался в бумажную мантию, на которой тайком записывал слова своего учителя.

2. Дзёмё, посмертный титул Ицудзана Сонины (1655–1718). Рэйгэн Сюин (1653–1718) известен также под посмертным титулом Сёхэн Тикаку. Дайкэй Какко (ум. 1719).

3. «Прямое указание на сознание человека». См. прим. 33 к «Беседам о Дхарме мастера дзэн Банкэя».

4. Эта история описана в «Шурангама-сутре» (яп. «Сюрёгон-кё»), глава 4; Тайсё 19. 121в. Яджиядатта, красивый юноша из богатой семьи, каждое утро смотрел на свое отражение в зеркале, но однажды утром не увидел его и стал искать свое лицо. В великом смятении носился он по всему городу, пока внезапно не осознал, что его лицо в действительности находится у него на голове, и достиг успокоения сознания.

5. Будды приходят в этот мир для того, чтобы спасти живые существа от страдания.

6. Это высказывание принадлежит танскому мастеру

по имени Дзёсю Дзюсин (кит. Чжаочжоу Цун-шэнь).

7. Орывок из дзэнского стихотворения «Синдзин-мэй» (кит. «Синь синь мин»; «Стихи о Верующем Сознании»): *Совершенный Путь не труден, вы только должны избегать привязанностей и избирательности. Если вы не пребываете в любви или ненависти, он (Путь) совершенно чист и ясен. Но если [между вами, т.е. между вашим сознанием и Путем] есть различие толщиной хоть в один волос, то он так же далек, как небо от земли.*

8. См. прим. 13 к «Биографии мастера дзэн Банкэя».

9. Вималакирти (яп. Юйма). Следующее высказывание содержится в главе «Ученики» «Вималакирти-нирдеша-сутры»; Тайсё 14. 541а.

10. «Исходная непроеденность [нерожденность]» (санскр. *аданутпада*) есть основная идея истинного эзотеризма [школы Сингон], представляемая первой буквой санскритского алфавита («А»). Цитируется из статьи А.Г. Фесюна «Психологические аспекты учения Кукая», опубликованной в сборнике «Психологические аспекты буддизма» [IVB3, с. 123]. Санскритское слово «анутпада» можно перевести также как «нерожденное».

11. Гутэй (кит. Чжу-чжи) достиг просветления, будучи учеником мастера дзэн Тэнрю (кит. Тянь-лун); он был известен тем, что отвечал на все вопросы, поднимая вверх палец.

12. Муго (кит. У-я) отвечал словами «Не испытывай иллюзий!» на любые задававшиеся ему вопросы. Дзуйган (кит. Жуй-янь) использовал для наставления своих учеников слова «Основной иероглиф».

13. Старший из братьев Сасаки (1625–1686) был другом детства Банкэя. Семья Сасаки была богатой семьей известных купцов-судовладельцев.

14. Настоятелем храма Кодайдзи в то время предположительно был Тангэн Дзитё.

15. История о мастере дзэн Тёкэе Эрё (кит. Чан-ин Хуэй-лэн, 854–932) приводится в сборнике коанов «Чань юань мэн цю» (яп. «Дзэнээн могу»).

16. Когэн принадлежал к ветви Ниннадзи школы Сингон. Храм Ниннадзи располагается в западной части Киото.

17. «Дайнити-кё» («Махавайрочана-сутра») — основной сакральный текст японской школы тантрического (эзотерического) буддизма Сингон.

18. Тэнкэй Дэнсон (1648–1735). Великий мастер школы Сото-дзэн. На протяжении долгого времени Тэнкэй считался в своей школе отступником, поскольку позволял себе высказывать критические замечания относительно некоторых традиционных доктрин Сото. В период Токугава его сочинения были запрещены. В соответствии с хронологической биографией Тэнкэя («Тэнкэй нэмпу»), в 1685 году Тэнкэй посетил Банкэя в гостинице, располагавшейся рядом с его храмом Сэйкёдзи

(близ Сидзуока), во время остановки, которую Банкэй сделал по пути из Рюмондзи в Эдо.

19. Сайтё (762–822), основатель японской буддийской школы Тэндай, основной храмовый комплекс которой расположен на горе Хиэй к северо-востоку от Киото.

20. Три учения школы Тэндай: письменно изложенные доктрины Тэндай; тайное эзотерическое учение Тэндай; практика дхьяны (яп. *дзэн*).

21. *Дзяри* — уважительное обращение к монаху.

22. Храм Гёкурюдзи в провинции Мино (совр. префектура Гифу) первоначально представлял из себя небольшую обитель (Гёкюрю-ан), где Банкэй останавливался во время раннего периода своих странствий; впоследствии эта обитель была перестроена в большой храм.

23. Юйэ Додзё (ум. 1713), настоятель храма Дзэнтодзи в провинции Овари. Юйэ был соучеником Банкэя в храме Софукудзи в Нагасаки, когда они учились там у мастера дзэн Дося.

24. *Сэняку*. Китайское лекарство слабительного действия.

25. «*Амида-сутра*» — один из основных сакральных текстов японских школ буддизма Чистой Земли. См. прим. 10 к «Записям бесед и высказываний мастера дзэн Банкэя».

26. Коан, основанный на отрывке из «Сюрёгон-

кё» (санскр. «*Шурангама-сутра*»). См. «Хэкиганроку», случай 35.

27. *Йоджана* — древнеиндийская единица измерения длины; одна йоджана равняется примерно 15 километрам.

28. Тикурин-кэн — один из подхрамов Рюмондзи.

29. Нитэцуйсэн (также Нитэттисэн). Восьмая и последняя из концентрических горных цепей, окружающих этот мир. По одной из версий, она состоит из двух параллельных горных пиков, между которыми находится долина беспросветной тьмы, в которой обитают «злые демоны — призраки черных гор».

30. В 1651 году, будучи в возрасте 29 лет, Банкэй прибыл в Нагасаки для того, чтобы встретиться с китайским наставником Дося Тёгэном (кит. *Даочжэ Чао-юань*); в течение следующего года он продолжил свое обучение дзэн под руководством Дося. См. прим 63.

31. Ицудзан Сонин (1655–1718) был в течение долгого времени приближенным помощником Банкэя и стал одним из наследников его Дхармы.

32. Из «Бесед и рассуждений» Конфуция.

33. Когэцу Дзэндзай (1667–1751), был наряду с Хакуином Экаку одним из великих мастеров дзэн последовавшего за Банкэем поколения наставников.

34. Термин *будзи* (яп.; кит. *у ши*, синоним термина *у вэй*), буквально, «невесть» («ничего особенно-

го»), использовался на протяжении истории развития дзэн с различными коннотациями. В данном контексте он используется для характеристики человека, достигшего высокого постижения, которое освобождает его от всех внешних обстоятельств; он является хозяином всего сущего, ничто не затрагивает его и не значит для него «ничего особенного».

35. Тэссин Доин (1593—1680) был широко известным наставником школы Сото-дзэн и настоятелем храма Тэнтoku-ин в городе Канадзава; в течение некоторого времени (1651—1652) он одновременно с Банкэем обучался дзэн у Дося Тёгэна в Нагасаки.

36. Живая черепаха замечает хвостом свои следы, чтобы скрыть месторасположение своих яиц — однако при этом ее хвост оставляет следы на песке: эта фраза обозначает неудачу достичь не оставляющей следов деятельности, характеризующей истинное просветление.

37. Будда Ёнё. Первый мифический Будда, появившийся бесконечно далеко в прошлом еще до того, как этот мир появился из хаоса. В данном контексте фраза «после появления Будды Ёнё» означает «после возникновения ментального различения».

38. Сэцугай Сотэй (1641—1725), преемник Банкэя в храме Кориндзи в Эдо. Цитата из широко известного дзэнского сочинения эпохи Сун, «Письма Дайэ» (яп. «Дайэ сё»; кит. «Дахуэй шу»): «Достигнув высочайшего непревзойденного просветления, вы обретете

естественную мудрость, которая суть жизнь Будд, и тем самым выплатите им свой огромный долг».

39. Вероятно, здесь содержится аллюзия на Три Утверждения (яп. *санку*) Уммона Бунъэна (кит. Юньмэнь Вэнь-янь, 862—949), сформулированные одним из его учеников Токусаном Энцицу (кит. Дэшань Юань-ми) для выражения сути учения Уммона, которое: (1) покрывает небо и землю, и охватывает все сущее; (2) отсекает все страсти и иллюзорные мысли; (3) находится в совершенном согласии со всеми обстоятельствами и условиями, пребывая в то же время в состоянии совершенной независимости и свободы.

40. Традиционное разделение буддийской практики на стадии, начиная от состояния непросветленности и заканчивая обретением состояния будды.

41. Здесь содержится аллюзия на знаменитый диалог, имевший место между мирянином Хо (кит. Пан, 740—808) и наставником по имени Дайбай (кит. Дамэй, 752—839). Мирянин Хо пришел к Дайбаю и спросил его, созрел ли этот плод (имя Дайбай буквально значит «Великая Слива»). «Созрел», — ответил Дайбай. «Где ты вонзишь в него свои зубы?» «Я разгрызу его на тысячу кусочков», — ответил мирянин Хо. «Верни мне косточки», — сказал Дайбай.

42. Сэйдзан Эрё, из храма Дзуйгандзи недалеко от города Сэндэй; Дайдо, скорее всего, здесь имеется в

виду Дайдо Коэн (ум. 1723) из храма Кококудзи в городе Гифу. Рокуон Канъё (ум. 1700) из храма Годзэдзи в Эдо служил некоторое время на посту настоятеля храма Мёсиндзи в Киото.

43. Пятый китайский патриарх дзэн — Хун-жэнь (яп. Гунин, 601–674).

44. Нанъэй Собаи (ум. 1744) — преемник Рокуона в храме Годзэдзи; позже служил некоторое время на посту настоятеля Мёсиндзи.

45. Настоятелем храма Санюдзи был Бокуо Согю, ученик первого учителя Банкэя, мастера дзэн Умпо Дзэндзё.

46. Икэда Мицумаса (1609–1683), рьяный приверженец учения японского неоконфуцианца Кумадзава Бандзана, имевшего откровенно антибуддийскую направленность. Мы не располагаем достоверными сведениями о том, что он действительно предпринимал какие-то действия для уничтожения буддийских храмов.

47. Дайгу Сотикю (1584–1669), из храма Дайандзи, впоследствии был настоятелем храма Мёсиндзи. Один из самых уважаемых наставников школы Риндзай-дзэн семнадцатого века.

48. Банкэй повторно посетил Дося Тёгэна в Нагасаки в 1655 году. Кэнган Дзэнъэцу (1623–1701), настоятель храма Тафукудзи. Бунго, совр. префектура Оита (на острове Кюсю).

49. Коан «Гоми коити», приведенный в сборнике «Катто сю», случай 34: «В “Сюрёгон-супре” сказано: “В бодрствующем состоянии или во сне, оно всегда одно”».

50. Кайандзи, храм в Абоси, где Банкэй жил до постройки Рюмондзи.

51. Дайрё Сокё (1638–1688), стал главным наследником Дхармы Банкэя и его преемником в храме Рюмондзи. Он умер прежде Банкэя. Его безвременная кончина глубоко огорчила Банкэя. Узнав о его смерти, он сказал: «Я потерял обе руки».

52. Умпо Дзэндзё (1571–1653), первый учитель Банкэя, основатель храма Дзуйодзи в Ако близ города Химэдзи. Этот эпизод произошел, когда Банкэю было тридцать три года.

53. Мирянин Энни (Энни Кодзи; ум. 1664).

54. В соответствии с японскими буддийскими обычаями через семь дней после смерти проводится ритуал поминовения усопшего.

55. «Лис Хякудзё», второй коан в сборнике «Мумонкан». Некий учитель спросил своего ученика, подвержен ли просветленный человек действию закона причинности. Ученик ответил отрицательно и вследствие этого перерожден лисом на протяжении пяти сотен жизней. Затем он появился в собрании дзэнского мастера Хякудзё и обрел освобождение, услышав его учение.

56. «Махапраджняпарамита-сутра» и «Шурангама-сутра».

57. Этот отрывок находится почти в самом конце сутры. См. этот отрывок в переводе Е.А. Торчинова с китайского:

«Субхути сказал Будде: “О Превосходнейший в мире, в том аннутара-самьяк-самбодхи, которое обрел Будда, нет ничего, что могло бы [быть] обретенно”. — “Это так, это так. Субхути, что касается аннутара-самьяк-самбодхи, обретенного мною, то поистине нет даже и малейшего способа, которым можно обрести то, что именуют аннутара-самьяк-самбодхи”» [IVB3, с. 62].

58. Юиэ Додзэ (1634–1713), будучи молодым монахом, обучался дзэн у наставников школы Обаку, в том числе у Дося и у Ингэна, а затем стал наставником школы Сото.

59. Пять Позичий (яп. *Гои*) были сформулированы Танским монахом Годзаном Рёкаем (кит. *Дуншань Лян-цзе*). Подробнее о Пяти Позичиях см. [IVA3, с. 238–246]. Хозяин и Гость (яп. *Кунсин*), комментарий к Пяти Позичиям наследника Дхармы Годзана по имени Содзан Хондзяку (кит. *Цаошань Бэнь-чжи*). «Пять Позичий» и «Хозяин и Гость» использовались впоследствии в Китае и в Японии в школах Риндзай и Сото как вспомогательное средство для практики коанов. Три Сущности (яп. *Сангё*) и Три Таинства (яп. *Сангэн*) — см. следующий отрывок из

«Риндзай-року» (кит. «*Линьцзи лу*»): «Каждое высказывание должно заключать в себе три таинства; каждое таинство должно заключать в себе три сущности». *Zen Dust*, «Muir and Sasaki», p. 62.

60. Энго Кокугон (кит. *Юань Кэ-цин*, 1063–1135) и его наследник Дайэ Соко (кит. *Дахуэй Цзунгао*, 1089–1163), два выдающихся мастера школы Риндзай-дзэн эпохи Сун; считается, что именно они сделали систему коанов частью практики школы Риндзай.

61. Токусан Сэнкан (кит. *Дэшань Сюань-цзянь*) и Риндзай Гигэн (кит. *Линьцзи И-сюань*). «Трёхдюймовый барабан» — язык.

62. Оси-кэн — небольшой зал для медитации, располагавшийся за храмом Нёходзи, где Банкэй занимался с ограниченным числом избранных учеников.

63. Дося прибыл в Нагасаки в 1651 году. Будучи настоятелем храма Софукудзи, он обучал множество монахов, которые впоследствии стали заметными фигурами японского дзэн-буддизма. Шестью годами позже (в 1658) он был вынужден вернуться в Китай. См. прим. 30.

64. Докуан Гэнко (1630–1698) — ведущий наставник школы Сото-дзэн периода Токугава. Эгоку Домё (ум. 1721), впоследствии стал одним из приближенных учеников китайского наставника школы Обаку-дзэн Му-аня (яп. *Мокуан*).

65. *Нефритовая птица пробилась сквозь скорлупу;
Явился величественный Небесный Феникс.
Счастлирое предзнаменование, засвидетельствованное
всеми людьми и небожителями.
Чье Око Сознания открывается само собой.*

66. «Докуан докудо сю» («Одинокие беседы из одинокой обители»). Известное собрание буддийских эссе, впервые опубликованное в 1683 году и ставшее одним из немногих японских буддийских сочинений, получивших широкое распространение в Китае. Докуан служил настоятелем в нескольких храмах, в том числе и в храме Кёдзандзи в Кавати (близ города Осака).

67. Искусные средства (санскр. *упая*): различные средства или способы, с помощью которых учитель ведет своих учеников к просветлению. Эти средства готовят сознание учеников к восприятию истины; считается, что искусные средства используются оттого, что ученики не смогли бы постичь истину, если бы она проповедовалась прямо и непосредственно.

68. «Махавайрочана-сутра» — один из основных сакральных текстов японских школ эзотерического буддизма.

69. Широко известные строки из стихотворения, автор которого Кёгэн Тикан (кит. Сяньянь Чжисянь, IX век), подметая однажды монастырский двор,

подцепил метлой кусок черепицы, и тот со стуком ударился о ствол бамбука. Услышав этот звук, Сяньянь достиг просветления.

НЕРОЖДЕННЫЙ
Жизнь и учение мастера гэзн Банкэя

Главный редактор *Чубарь В. В.*

Редактор *Трофимов В. Ю.*

Художественный редактор *Лосев П. П.*

Компьютерная обработка *Кирюкова Ю. С.*

Ответственный выпускающий *Кирсанов Д. О.*

Корректоры *Мартьянова Г.Н., Смирнова О.Б., Ларчик Ю.А.*

ООО «Издательская группа «Евразия»»

Лицензия на издательскую деятельность
серия ЛР № 065280 от 09 июля 1997 г.

191194, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 65, пом. 7Н
тел. 245-91-20

Подписано в печать 04.10.99.

Объем 10,5 печ.л. Формат 70x100 1/32. Гарнитура «Академия»

Тираж 5000 экз. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Заказ № 3639

Отпечатано с готовых диапозитивов в
Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ЕВРАЗИЯ»
ВСЕГДА МОЖНО КУПИТЬ

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Книжный салон

«Летний сад»

Большой пр. Петроградской стороны,

д. 82 (флигель во дворе

за остановкой троллейбуса)

т. 232-2104

Магазин

«Университетская книга»

Васильевский остров,

Менделеевская линия, д.5

«Дзэн Нерождённого (сознания будды)» Банкэя (1622—1693) ознаменовал собой новый и один из наиболее значительных со времён Бодхидхармы этап развития дзэнской мысли. Дзэн Нерождённого действительно является одним из самых оригинальных достижений за всю историю этой традиции. Несомненно и то, что Банкэй должен считаться одним из величайших мастеров дзэн, которых Япония когда-либо являла миру.

Д.Т.Судзуки

ISBN 5-8071-0034-4

9 785807 100344